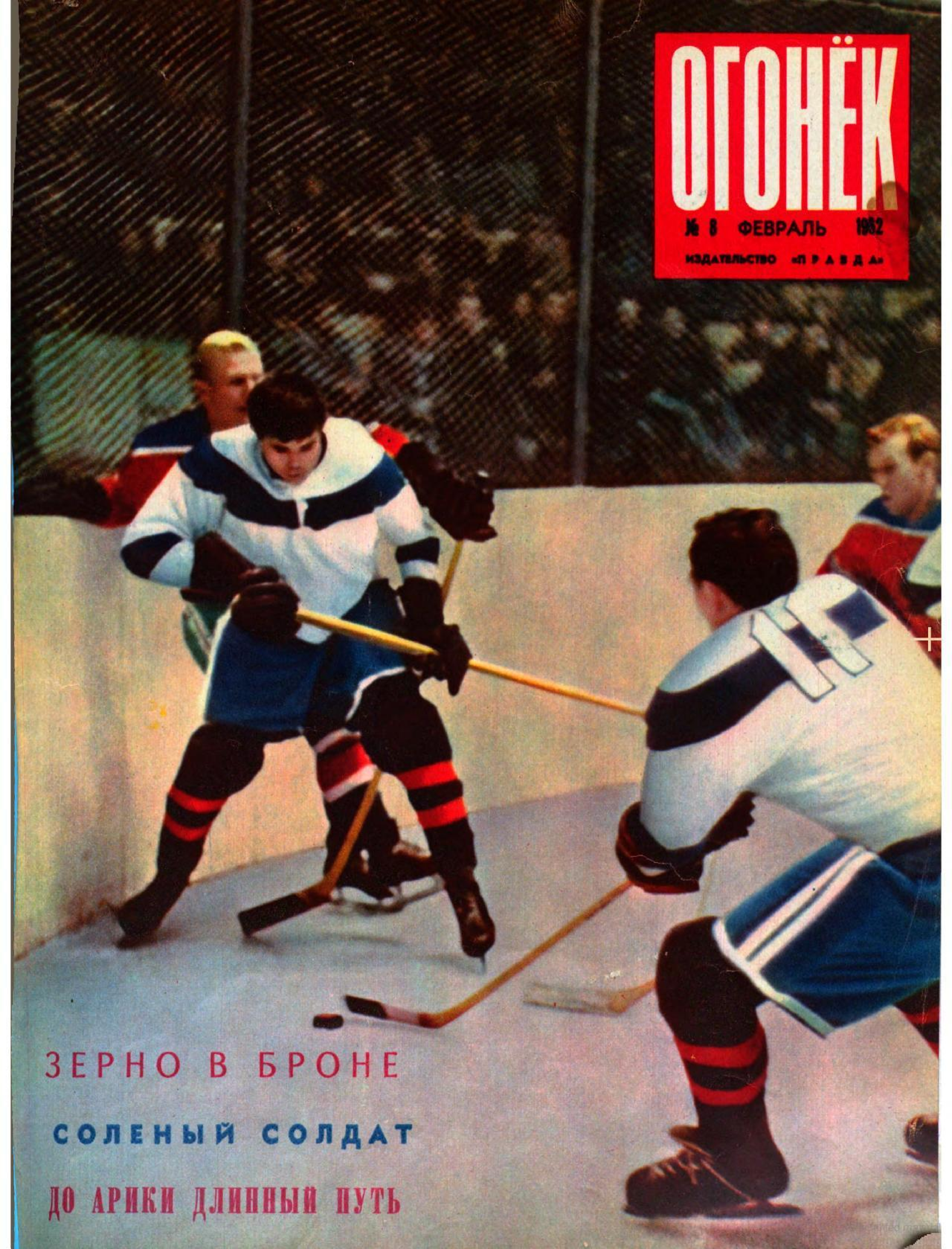

ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ЗЕРНО В БРОНЕ
СОЛЕНЫЙ СОЛДАТ
ДО АРИКИ ДЛИННЫЙ ПУТЬ

Ракетчики на учениях... Вы видите фазы движения ракетной установки, приводимой в боевое положение. Они запечатлены фотокорреспондентом Г. Макаровым.

Могучая боевая техника стоит на страже нашей Родины.

СЛОВО ПАРТИИ—ВСЕГДА ДЕЛО

Таллин

Там, где стоит теперь домостроительный комбинат, во время прошлых выборов был еще пустырь. Два года назад «Таллинстрой» решил построить для своего завода железобетонных изделий домостроительный цех. И вот на наших глазах цех этот отпочковался от завода и стал самостоятельным предприятием — домостроительным комбинатом. Было у нашего ДСК «узкое место» — механический привод кассетной машины. Часто ломались детали — отсюда брак изделий, простои, невыполнение плана, расхождение слов с делами. Вот и решили мы с московским инженером Александром Татариновым разработать новый привод — гидравлический. Теперь кассетная машина на нашем ДСК не простаивает, большие восьмидесятиквартирные дома монтируются за 3—4 месяца. Наш гидравлический привод устанавливается на многих ДСК нашей страны и стран социалистического лагеря. И пусть это всего лишь деталь одной машины, но и она помогает партии проводить в жизнь ее предначертания — хорошие дома городам, отдельные квартиры каждой семье.

Н. ДАЯНЕРОВИЧ,
главный механик завода железобетонных изделий треста «Таллинстрой»

Минск

Четыре года назад, в предыдущие выборы нашего парламента, агитаторы знакомили избирателей с планами промышленного развития Белоруссии.

Минский завод запасных частей они называли очередным пополнением индустриального семейства столицы республики. Такого завода тогда еще не было. А ныне его продукция широко известна. Вырос еще один сильный, дружный коллектив.

Январский план мы перевыполнили. В феврале работаем тоже с опережением графика: в ответ на Обращение ЦК КПСС порадуем Родину новыми трудовыми успехами.

И. ФЕДОРОВ,
начальник 3-го участка механического цеха Минского завода запасных частей

Ленинград

В Обращении ЦК КПСС к избирателям сказано, что 50 миллионов советских людей, или почти четверть всего населения Советского Союза, отпраздновали новоселье в последние пять лет. Читал я и думал: а ведь это и о нас, ленинградцах, говорится. Нет такого дня, чтобы жители нашего славного города на Неве не справляли новоселья. Я тоже переехал в отдельную, благоустроенную квартиру на Новоблагодатном проспекте. Вся семья довольна!

Новоблагодатный, Новоизмайловский, Новокузнецовский... Да мало ли возникло новых улиц и проспектов в Московском районе с прошлых выборов! Да и не только в нашем районе. Куда ни поедешь — в Кировский, Невский, Калининский, Выборгский,— всюду «Ленинградские Черемушки». За четыре года со дня прошлых выборов в Ленинграде построено без малого четыре миллиона квадратных метров жилья.

Наша ленинская партия, которая никогда не бросала слов на ветер, и на этот раз заявляет, что принимаются все меры, чтобы в течение ближайшего десятилетия в стране покончить с недостатком в жилищах. А мы знаем: если партия сказала — значит, так и будет.

Ф. БУТОРОВ,
бригадир слесарей ленинградского завода «Электросила» имени С. М. Кирова

Донбасс

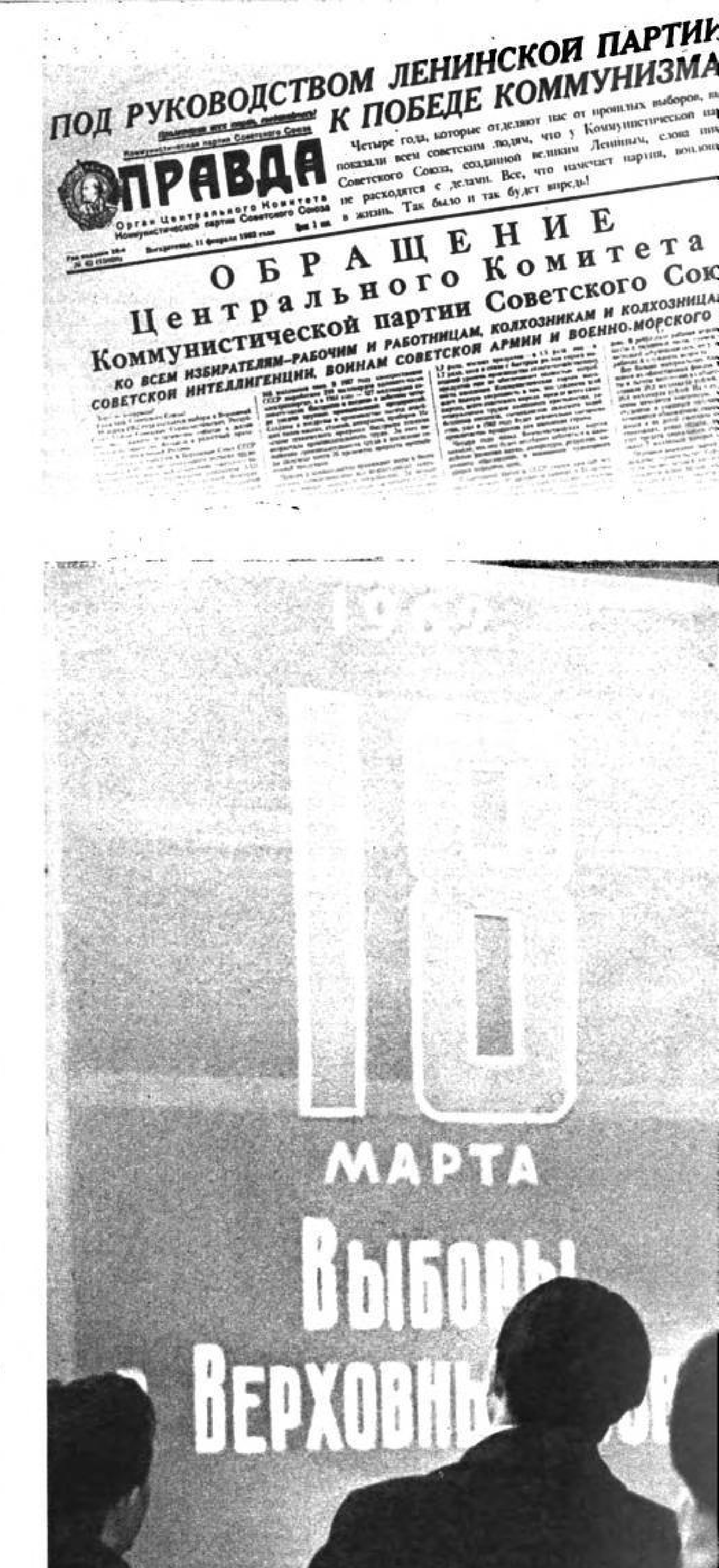
С огромным воодушевлением советские люди создают материально-техническую базу коммунизма. Приятно сознавать, что наш коллектив шахтеров внесет достойный вклад в это большое дело. С начала семилетки мы дали много тысяч тонн сверхпланового угля. Хорошо начали и этот год. Уже добыли сверх плана 3 700 тонн топлива, а ко дню выборов удвоим эту цифру — таков наш ответ на Обращение ЦК КПСС, по призыву которого мы единодушно проголосуем за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

А. САЩЕНКО,
начальник участка Донецкой шахты № 4—21 треста «Петровскуголь»

Первоуральск

Посмотрите на наш Первоуральск — небольшой городок, одну из тысяч точек на карте страны. Какие разительные в нем произошли перемены! Сотни многоэтажных зданий, Дворец спорта, стадион, десятки детских садов и яслей появились тут только в последние четыре года. Более пяти тысяч семей — новоселы. А наша гордость — новотрубный завод! Намного вырос этот гигант советской индустрии. Вот только на днях дал первую продукцию новый, полностью автоматизированный цех непрерывной прокатки труб. Новый цех позволит вдвое увеличить выпуск продукции на Первоуральском заводе...

П. НЕНАШЕВ,
начальник цеха Первоуральского новотрубного завода

ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ — К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА

ПРАВДА

ОБРАЩЕНИЕ Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Сою[за]

КО ВСЕМ ИЗБИРАТЕЛЯМ—РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ, КОЛХОЗНИКАМ И КОЛХОЗНИЦАМ, СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ВОИНАМ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 8 (1809)

18 ФЕВРАЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СЮДА ПРИХОДЯТ КАЖДЫЙ ВЕЧЕР

Многие предприятия и организации, колхозы и совхозы просили Н. С. Хрущева дать согласие баллотироваться у них. Но каждый кандидат может баллотироваться только в одном избирательном округе. К радости жителей Калининского района, выбор пал на их округ.

Во Дворце культуры завода «Серп и молот» помещается избирательная комиссия 16-го участка Калининского округа. В небольшой комнате за столом с регистрационными книгами — председатель участковой комиссии Виктор Николаевич Логинов и член комиссии Валентин Шестеркин, слесари сортопрокатного цеха «Серпа и молота».

— Люди приходят к нам каждый вечер после работы,— говорит Виктор Николаевич.— Одни хотят поговорить с агитатором, другие— почитать свежие газеты, журналы. В соседней комнате агитпункт, там сейчас проводит консультацию юрист; в зале — лекция о советской избирательной системе. Потом будет кинофильм.

— Заходите, заходите, Александра Дмитриевна,— обрадовался Логинов.— Вот познакомьтесь. Самый дисциплинированный житель нашего участка, она первая отметилась в списках избирателей.

Еще совсем недавно Александра Дмитриевна Смирягина преподавала биологию в школе рабочей молодежи № 12 Калининского района. Награждена орденом Ленина. Сейчас она на пенсии, но без дела сидеть не хочет.

— В нашем ЖЭКе № 4 я редактирую стенную газету,— охотно рассказывает А. Д. Смирягина.— Очередной номер готовим с особым волнением: в нем мы расскажем о нашем кандидате в депутаты Верховного Совета.

В. Н. Логинов знакомит нас с Федором Михайловичем Петруховым:

— Это наш ветеран, начальник

18 февраля — 14-я годовщина заключения Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Венгерской Народной Республикой.

БАРАТШАГ — ДРУЖБА

Связи страны с зарубежными государствами обычно характеризуют цифрами, экономическими данными. Однако мне кажется, что эти цифры хотя и многое показывают, но не говорят всего: они в полной мере не дают почувствовать глубину, температуру этих связей.

Я расскажу об одном случае. Во второй половине октября 1961 года — тогда уже начался XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза — в Москву прибыли трое венгерских специалистов. Все трое занимались выращиванием кукурузы. Первой их мыслью было побывать на съезде строителей коммунизма. Среди венгерских кукурузоводов был Мароши Бела — агроном из госхоза, который посетил во время поездки в Венгрию товарищ Хрущев. Вскоре после своего визита Никита Сергеевич прислал в хозяйство советского агронома товарища Шевченко, который во многом помог венграм. Короче, Мароши Бела отправился в ближайшее почтовое отделение и после недолгих поисков нашел номер телефона Шевченко и позвонил ему. Он рассказал коллеге, для чего он и его товарищи прибыли в Москву, и добавил: в свое время товарищ Хрущев прислал вас к нам. Нельзя ли теперь с вашей помощью попросить Никиту Сергеевича предоставить нам возможность послушать его доклад во Дворце съездов?

Через три часа венгерские специалисты сидели во Дворце съездов и слушали доклад Н. С. Хрущева. А в перерыве между заседаниями им передали привет от Никиты Сергеевича и его пожелание успешно поработать в Советском Союзе и внимательно выслушать выступления специалистов по сельскому хозяйству...

Я думаю, этот пример сам по себе говорит о глубине и теплоте наших связей.

Недавно в Москве был подписан протокол о товарообороте на 1962 год между Венгрией и Советским Союзом. Я хочу привести здесь лишь одно сравнение. В 1962 году товарооборот Венгрии только с Советским Союзом будет таким, как несколько лет назад со всеми социалистическими странами, вместе взятыми.

Вскоре по нефтепроводу «Дружба» пойдет нефть. Она поможет удовлетворить потребности венгерских нефтеперерабатывающих и химических предприятий. Советский Союз оказывает большую помощь при оборудовании Тисавидекского химического и Дунайского металлургического комбинатов — гордости венгерской индустрии.

Венгрия, где, по существу, уже прошло социалистическое преобразование сельского хозяйства, в этом году получит сотни модернизированных комбайнов для уборки зерна, которые так нам необходимы. Как обрадуются каждой такой машине крестьяне новых производственных кооперативов!

В огромной витрине на улице Непкёзтаршашаг в Будапеште выставлены автомобили советского производства. Перед витриной всегда стоит большая толпа. Уже сделано огромное количество предварительных заказов на популярный в Венгрии тип машины — «Москвич». По протоколу о взаимных поставках эти машины поступят к нам в конце года.

Что касается венгерских поставок, то каждое наше предприятие, получившее советский заказ, очень гордится этим. Там, где производят машины, станки и инструменты для советских предприятий, висят большие плакаты: «Наша продукция пойдет для великого строительства коммунизма!». Как же не гордиться будапештским, кёбаньским, андялфельдским и чепельским рабочим!

«Баратшаг» по-русски означает дружба. Это слово лучше всего характеризует крепнущие из года в год связи между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой.

Петер ВАЙДА,
корреспондент газеты «Непсабадшаг».

АНГЛИЧАНЕ ГОВОРЯТ «ДА!»

Кони ЗИЛЛИАКУС,
член английского парламента

Самую распространенную реакцию среди англичан на предложение Хрущева о встрече руководителей правительств в Женеве на заседаниях Комитета восемнадцати по разоружению можно выразить словами: «Он снова сделал это — и пусть ему сопутствует удача!»

«Тузы у Хрущева» — гласит заголовок над редакционной статьей в консервативной газете «Дейли мейл», которая ловко маневрирует, не желая сказать по этому поводу «да» и не осмеливаясь произнести «нет». «Громкое «да» должно быть ответом Кеннеди и Макмиллана Хрущеву» — такими словами начинается статья в «Гардиан». В ней говорится, что Хрущев совершенно прав, говоря, что разоружение — дело ответственных глав правительств, и оно не должно быть доверено чиновникам, хотя это может и не понравиться лорду Хьюму.

В глазах английской публики «дипломаты карьеры» Кув де Мюрвиль, министр иностранных дел Франции, и Дин Раск, государственный секретарь США,— лишь чиновники, а лорд Хьюм, британский министр иностранных дел и потомственный пэр,— анахронизм, который не может выступать от имени английского народа и не понимает происходящего в современном мире.

Правительство Великобритании пытается найти оправдание в старом утверждении, что конференция на высшем уровне должна быть подготовлена министрами иностранных дел. Но уже сейчас людям в английском правительстве приходится мрачно размышлять о том, что будет, если в Женеву приедет Хрущев и нейтральные и социалистические страны тоже решат послать туда своих премьер-министров. В этом случае для Макмиллана и Кеннеди такая поездка может оказаться вынужденной.

Тем временем в той политической атмосфере, которая царит в мире в условиях растущего давления со стороны общественности, а в Англии также со стороны лейбористской и либеральной партий, правительства США и Англии могут нанести себе большой политический ущерб, если они будут проводить ядерные испытания накануне работы Комитета по разоружению или займут непримиримую позицию в вопросе о запрещении ядерных испытаний, когда начнется работа Комитета. Создается впечатление, что Кеннеди и Макмиллан находятся в положении того чиновника из рассказа Чехова, который на обвинение своего начальника отвечал: «Никак нет, но у меня семья». Семья президента Кеннеди включает и Пентагон, и Комиссию по атомной энергии, и «твердолобых» в конгрессе. Президент США и премьер-министр Англии входят в одну семью с де Голлем и Аденауэром. Другими словами, им приходится считаться с сильным воинственным нажимом реакционеров. Но в конечном счете силы народов, которые хотят мира и которым советская инициатива придала новый заряд бодрости, окажутся сильнее.

БЕСПРИМЕРНЫЙ ПО ДОБЛЕСТИ

На алом полотнище вышиты надпись «За беспримерный по доблести Волочаевский бой. 1922 г. 12 февраля» и изображение ордена Красного Знамени.

Это знамя, хранящееся в Центральном музее Советской Армии, воскрешает в нашей памяти один из героических эпизодов гражданской войны.

Начало 1922 года. Уже давно смолк гул сражений на севере, западе и юге нашей страны. Но на Дальнем Востоке еще идут ожесточенные бои.

Самоотверженно сражаются с белогвардейцами и японскими интервентами части Народно-революционной армии, руководимые В. К. Блюхером, С. М. Серышевым, П. П. Постышевым.

На пути к Хабаровску, в пятидесяти километрах от него, лежит железнодорожная станция Волочаевка. Здесь белогвардейцы создали сильный опорный пункт. Окопы, пулеметные гнезда, несколько рядов проволочных заграждений, и над всем этим сопка Июнь-Корань, с которой просматриваются все подступы к Волочаевке. Белогвардейцы и интервенты уверены в неприступности этой позиции.

Но вот наступает утро 12 февраля. Далеко разносится в морозном воздухе гром трех выстрелов тяжелого орудия с народоармейского бронепоезда. Начинается штурм «дальневосточного Вердена», который войдет потом и в песни, и в рассказы, и в учебники истории как пример массового мужества и храбрости.

«Одно могу сказать,— писал потом В. К. Блюхер, — беззаветную преданность делу революции и республике, нечеловеческую выносливость, редкую доблесть, мужество, величайшее самопожертвование и революционный порыв проявила армия при выполнении возложенной на нее трудовым народом боевой задачи».

К полудню Волочаевка была взята. Многие командиры и бойцы были награждены орденами Красного Знамени.

Этой революционной награды были удостоены и некоторые воинские части, например, 6-й стрелковый полк.

В газете «Вперед» от 25 февраля 1922 года мы читаем: «За неоценимые заслуги перед революцией, за сверхчеловеческую геройскую борьбу за дело трудящихся 6-й полк получает название «Волочаевский» и награждается орденским Красным Знаменем».

С. РЕЯПОЛЬСКИЙ

отдела связи завода «Серп и молот».

Виктор Николаевич Логинов и Федор Михайлович Петрухов — кадровые рабочие. Первый работает на заводе тридцать лет, второй — сорок один год.

Федор Михайлович вспоминает, как четыре года назад был агитатором в этом же районе.

— Тогда по нашему округу также баллотировался Никита Сергеевич. Помню, взял я его биографию, пошел по квартирам. Но, бывало, только войдешь в квартиру, только назовешь фамилию кандидата, а люди уже улыбаются: «Знаем... Такой не подведет!..»

Дежурный по агитпункту инженер Прасковья Яковлевна Королева показала план работы на февраль. Лекция о достижениях советской науки, доклад о международном положении, вечер памяти Н. К. Крупской, беседа врача о долголетии, встреча с писателями, лекция по атеизму...

Уже много избирателей отметились в регистрационной книге. Но вот против фамилий жителей дома № 23 по Волочаевской улице еще нет традиционных галочек. Сегодня эти люди живут на территории 16-го участка, но в самые ближайшие дни дом их пойдет на слом, а они получат новые, хорошие комнаты. Возможно, эти избиратели уедут из Калининского района. Но все они знают: каждый депутат, за которого они отдадут свой голос, будет выполнять волю народа.

Е. МУШКИНА

Сегодня на агитпункте дежурит Прасковья Яковлевна Королева — инженер проектного отдела завода «Серп и молот».
Фото А. Бочинина.

Зерно в броне

В. ПОЛЫНИН

В моих руках обыкновенные кукурузные початки. Их дал мне Сергей Васильевич Крылов. По тому, как плотно одно к другому пригнаны в них зерна, словно брусчатка на Красной площади, можно заключить, созрели эти початки на корню. А выращены они, вернее, дозрели они на корню, в Рязанской области. И никаких особых условий для них не создавали. Рядом с участком, где кукурузу сеяли по методу Крылова, находилось поле с обычными посевами. Там початки тоже были: только они едва достигли молочно-восковой стадии.

Известно, что зона выращивания кукурузы на спелое зерно ограничена природой. Северная климатическая погранлиния этой зоны проходит где-то вблизи границы Украины с Россией. Правда, и в Орловской области иногда кое-кому удается вырастить спелые початки — вспомните Сапунова! — но даже сапуновские початки, за которые механизатору присвоили звание Героя Социалистического Труда, годны лишь на корма, а не в пищу людям. Да и они для Орловщины не правило, а исключение.

Агроном Сергей Васильевич Крылов, старший научный сотрудник Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, этой агрономической альма-матер, вдруг одним махом поднял границу созревания початков на несколько сотен километров к северу. В прошлом году первый раз по методу Крылова были проведены производственные (не научные!) посевы кукурузы в Рязанской области. И средний урожай спелого кукурузного зерна составил там около 40 центнеров с гектара. Это в то время, как кубанцы и украинцы мечтают о среднем 50-центнеровом урожае! На отдельных участках крыловская кукуруза дала урожай в зрелых початках 126,8 центнера с гектара. Правда, это уже не так важно: это ведь только рекорд, а рекорды хороши главным образом в спорте. В сельском хозяйстве прыжок средней урожайности на какой-нибудь центнер куда важнее стопудовой прибавки, «выжатой» на опытной делянке. И вот на полях, засеянных по методу Крылова, урожай сухого зерна — это все разговор о Рязанской области — нигде не был ниже 30 центнеров. Феноменальное достижение...

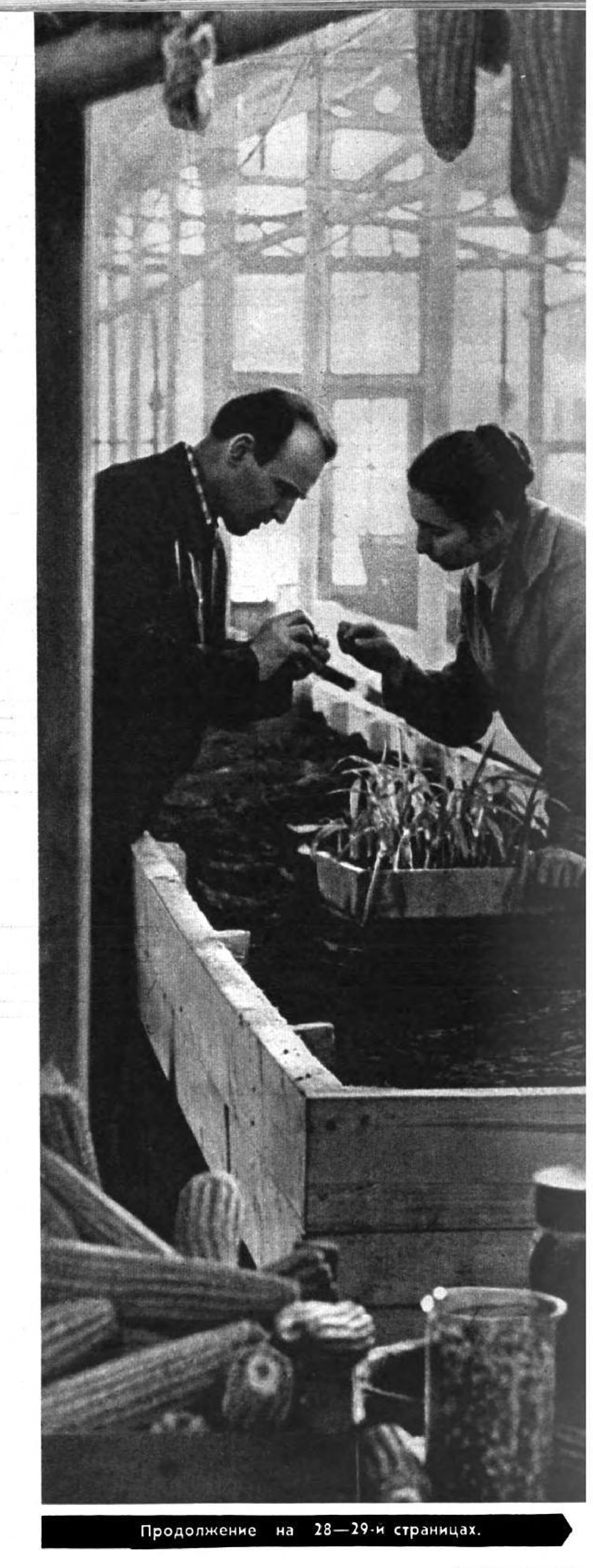
Когда немного разберешься в работах Крылова, начинает казаться, будто это научно-фантастический рассказ. Уж слишком все, что предлагает он, невероятно, слишком противоречит веками укоренившимся представлениям.

— Только не надо сенсации, не надо шумихи,— просит Крылов.— Пороха я не изобрел, Америк не открывал. Все это лежало на поверхности, и надо было лишь нагнуться и поднять. Нагнулся я. Мог это сделать и другой...

В конечном счете для нас с вами не так уж важно, почему именно Крылов, а не другой пришел к этому открытию. Важно, что открытие это имеет большое научное и государственно-экономическое значение. Его одобрили и решили немедленно внедрить в сельскохозяйственную практику.

И все-таки любопытно: каким взглядом на вещи должен обладать человек, чтобы, шагая, как говорится, по жизненной стезе, одновременно смотреть и вдаль, и вширь, и себе под ноги; ведь то, что Крылов, по его словам, подобрал с поверхности, попадалось под ноги сотням и тысячам агрономов, ученых, а никто из них не нагнулся, не поднял бесценного клада. По-видимому, секрет в счастливом складе ума у этого в общем-то молодого ученого — Крылову только 42 года,— в счастливом сочетании в его уме практического и научного начал.

А начала этих начал коренятся, по-видимому, в биографии ученого. Вырос он в крестьянской семье восьмым ребенком. И вот первая жизненная, или, если хотите, житейская мудрость, которую усвоил мальчик: вкус домашних щей,

С. В. Крылов со своей помощницей В. И. Аграфениной в теплице Тимирязевки.

Фото И. Тункеля.

Продолжение на 28—29-й страницах.

А. ГОЛИКОВ, А. УЗЛЯН,
специальные корреспонденты «Огонька»

—ТАНКИ, ВПЕ

Скупой зимний рассвет. На краю леса приютились замаскированные хвойными ветками танки. За ними пехота в белых маскхалатах. Идут зимние военные учения. Командир танкового подразделения офицер Борис Евтихиевич Гапонов знакомит нас с обстановкой.

— Наше наступление,— говорит он,— задержано противником, который поспешно перешел к обороне. После ядерного удара наступление продолжится.

Борис Евтихиевич — человек энергичный, быстрый в движениях. Виски его серебрятся — за плечами Отечественная война, грандиозные танковые бои, ранения...

Танки быстры, маневренны, трудноуязвимы и... очень красивы. Только красота танка своеобразна. Приземистый, с обтекаемой башней и устремленным вперед мощным орудием, он являет собой совершенный боевой механизм. В нем ничего лишнего, все рационально, все подчинено требованиям современной войны: машины почти герметичны, и экипажи в значительной степени защищены от радиоактивной пыли.

Командир смотрит на часы, подает команду. Загудели танковые моторы, и с веток деревьев посыпался иней. Пехота готовится к наступлению. Ею командует старший лейтенант Владимир Алексеевич Рыжов.

Вдруг впереди за заснеженным полем, там, где зубчатой стеной синеет лес, встал черный столб дыма. Вершина его расползается, принимая зловещую грибообразную форму. Взрыв! Зрелище внушительное.

Танки, сбрасывая маскировочные ветки, устремляются вперед. Из их орудийных стволов вырываются длинные языки пламени: экипажи ведут огонь по переднему краю обороны противника. За танками с криками «ура» бежит пехота.

Волна наступления докатывается до холма, поросшего кустарником.

Передний край обороны противника захвачен, а дальше местность заражена радиацией, там были опорные пункты «врага». Теперь наши войска готовятся преодолеть эту опасную зону.

Солдаты быстро надевают защитную одежду, залезают на танки. В воздух взлетают ракеты, рассыпаясь красным дождем. И танки снова рвутся вперед. Теперь они идут на большой скорости, распахивая снег.

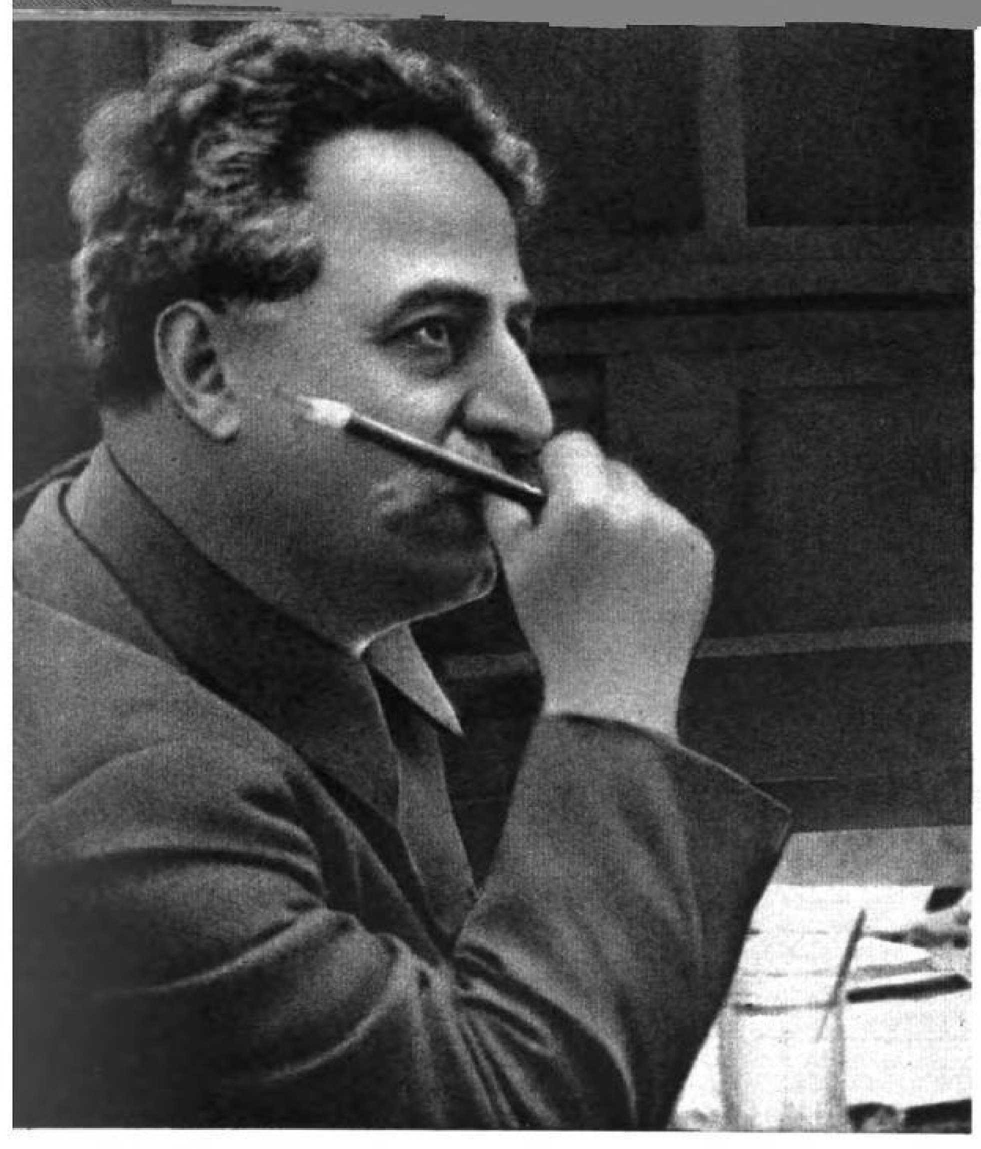
Сейчас войска в наступлении будут форсировать водную преграду.

Кто из участников минувшей

РЕД!

Ракета пошла к цели. ↓

Серго Орджоникидзе на совещании в Наркомтяжпроме 8 мая 1936 года.

К 25-летию со дня смерти Г. К. Орджоникидзе

КАБИНЕТ СЕРГО

А. ЛИТВАК

Прохожу мимо вещей знакомых и вспоминаю хозяина этих вещей, этого кабинета... Чувствуется любовная, дружеская рука сотрудников Музея революции в Москве, собравших все эти вещи.

Календарь раскрыт на листке: «18 февраля». Двадцать пять лет назад — 18 февраля 1937 года — трагически оборвалась жизнь Григория Константиновича Орджоникидзе, товарища Серго, как называла его вся наша страна.

С этим именем вошел он на заре нынешнего века в революционное движение. Под этим именем знали его до революции крестьяне в селах Грузии и нефтяники Баку, петербургские рабочие и жители якутских улусов. Под этим именем знали его в годы гражданской войны на Дону и на Волге, на Кубани и на Украине, в Грузии и Азербайджане — всюду, где вел Григорий Константинович в бой революционные полки. Под этим именем он, командарм социалистической индустрии, вошел в историю первых пятилеток.

На XXII съезде КПСС Никита Сергеевич Хрущев сказал: «Вспомним Серго Орджоникидзе. Мне пришлось участвовать в похоронах Орджоникидзе. Я верил сказанному тогда, что он скоропостижно скончался, так как мы знали, что у него было больное сердце. Значительно позднее, уже после войны, я совершенно случайно узнал, что он покончил жизнь самоубийством. Брат Серго был арестован и расстрелян. Товарищ Орджоникидзе видел, что он не может дальше работать со Сталиным, хотя раньше был одним из ближайших его друзей. Орджоникидзе занимал высокий пост в партии. Его знал и ценил Ленин, но обстановка сложилась так, что Орджоникидзе не мог уже дальше нормально работать и, чтобы не сталкиваться со Сталиным, не разделять ответственности за его злоупотребления властью, решил покончить жизнь самоубийством».

Всю свою недолгую жизнь Орджоникидзе был верным учеником Ленина.

В книге Зинаиды Гавриловны Орджоникидзе «Путь большевика» приведено воспоминание Н. К. Крупской о приезде Серго в Париж, к Ленину:

«Однажды в комнату вошла привратница; она обратилась к Надежде Константиновне:

— Пришел какой-то человек, ни

войны не помнит, какой дорогой ценой доставались такие форсирования рек. Собственно, и наступления-то планировались от одной большой реки до другой. Обычно переправа требовала длительной подготовки. А сейчас на подготовку запланировано очень мало времени, хотя река эта достаточно широка и глубока.

Наступление продолжает развиваться стремительно. Радиоактивная зона осталась позади, и войска уже не предохраняются от облучения. Все роды войск действуют как единый слаженный механизм. Первой переправляется общевойсковая разведка. В нынешнюю теплую зиму река здесь не замерзла, лишь у берегов лежит голубая кромка льда. Кроша ее, в воду спускаются танки-амфибии и плавающие бронетранспортеры. Их прикрывает бог современной войны — ракетные войска. А потом над полем боя появляются истребители.

К реке на автомобилях-амфибиях подъезжают саперы. Это инженерная разведка под командованием старшего лейтенанта Иосифа Николаевича Середовича. Нам говорят, что они будут готовить переправу для танков.

— Строить мост?

— Нет. Проверят состояние дна реки.

— А как же танки пойдут вброд, ведь глубина-то несколько метров?

— Они пойдут под водой, по дну.

Саперы надевают легкие водолазные костюмы. Старший сержант сверхсрочной службы Василий Степанович Скиба проверяет готовность водолазов, затем надевает костюм сам, и начинается работа. У каждого солдата есть фонарь, миноискатель и, чтобы не заблудиться под водой, специальный компас. Один за другим саперы спускаются с кромки льда, и темная студеная вода смыкается над ними.

Мы просим разрешения переправиться на тот берег вместе с танками подразделения Гапонова.

— Что ж, пожалуйста. Только будет тесновато.

В танке действительно тесно, внутри боевой машины все пространство использовано крайне экономно. И мы сидим на месте стрелка-радиста, плотно прижавшись друг к другу.

Командир первым начинает переправу. Сквозь гул мотора слышен всплеск воды — мы «ступили» на дно. Механик-водитель старшина Александр Алексеевич Батурин уверенно ведет машину. Однако за нашим движением наблюдают с берега, и если машина уклонится в сторону, по радио подадут соответствующую команду. Но речное дно, как бы его хорошо ни проверили саперы, таит

— «Противник» справа.

Саперы готовят путь танкам. Машины пройдут по дну реки.

слова не говорит по-французски, должно быть, к вам.

Надежда Константиновна спустилась по лестнице и увидела доселе неизвестного ей кавказца. Он стоял и широко улыбался. Это был Серго Орджоникидзе. Он приехал к Владимиру Ильичу прямо с вокзала».

Здесь, на улице Мари-Роз, произошла первая встреча Серго с Владимиром Ильичем, положившая начало их личному знакомству, а затем и большой дружбе. По заданию Ленина Орджоникидзе проводил работу по подготовке Пражской конференции. Вместе с Лениным Серго на этой конференции был избран членом ЦК партии...

Шлиссельбуржец Ф. Н. Петров, отбывавший каторгу вместе с Г. К. Орджоникидзе, вспоминает о том, как однажды появился в их среде худощавый молодой человек с подвижным, энергичным лицом, одетый в рваный бушлат и такой же халат. Петров подошел к нему, познакомился и спросил, давно ли он с воли и что там нового. И Серго — это был он — сообщил о состоявшейся Пражской конференции, рассказал о В. И. Ленине, о его напряженной работе, о росте рядов партии.

«Главной чертой характера Серго была не только любовь к Ленину, как к гениальному человеку, величайшему мыслителю и вождю партии,— вспоминает Ф. Петров, — но и непоколебимая, страстная вера в правильность разработанной Владимиром Ильичем теории и тактики пролетарской революции. Этой верой в дело Ленина Серго зажигал всех окружающих».

...И вот кабинет Серго, где все напоминает о неутомимой деятельности верного ленинца.

...Как-то, показывая журналистам пустую приемную перед дверями своего кабинета, Серго Орджоникидзе говорил, смеясь:

— Не удивляйтесь, что здесь пусто... Вчера я велел убрать все кресла отсюда... А то что же происходит?.. Приезжают в Москву директора, начальники строек и рассаживаются здесь на целый день, на целые недели, месяцы, вместо того, чтобы быть на заводах и стройках... Устраивают, видишь ли, клуб в приемной, меняют балки на покрышки, покрышки на шпингалеты, развалившись в мягких креслах... Вот я и убрал эти кресла... На ногах без дела долго не задержишься... И волей-неволей сократят они пребывание в Москве, уедут на свои предприятия и стройки — и от этого только польза будет.

То была, конечно, дружеская шутка, над которой весело хохотал сам Серго. Шутка, касавшаяся преддверия кабинета.

А теперь и самый кабинет... В волнении переступаешь порог. И первое, что бросается в глаза,— книги, книги...

Серго был человеком большой культуры. Он любил книги и много читал. Даже закованный в ножные кандалы Шлиссельбургской крепости, он изучал литературу, философию, экономику, историю искусства, естествознание. Тюрьма стала для него, как и для многих революционеров, университетом. В списке авторов книг, прочитанных Серго во время пребывания в Шлиссельбурге, — Маркс и Ленин, Плеханов и Адам Смит, Рикардо и Джемс, Пушкин и Грибоедов, Толстой и Достоевский, Тургенев и Гончаров, Герцен и Чернышевский, Добролюбов и Некрасов, Гарин-Михайловский и Короленко, Горький и Бунин, Вересаев и Серафимович... Много времени отдавал он изучению истории. Книгу «Средние века» Серго читал дважды и конспектировал. В свою тюремную тетрадь заносил он выписки из Байрона, стихи Якубовича и критические заметки о «Горе от ума». В Шлиссельбургской крепости Серго настойчиво и систематически по самоучителям занимался немецким языком и овладел им.

Вот и здесь в кабинете... Ленинские тома... Стенографические отчеты съездов партии... Техническая и Малая Советская Энциклопедия. Чернышевский и Герцен. Энгельс и Лафарг. Серго не изменил своим вечным спутникам... Справочники, контрольные цифры, пятилетний план, «Черная металлургия в России и в СССР» С. Г. Струмилина и два тома «Волжских ткачей»... Книга в стальном переплете — «Качественная сталь от VI до VII съезда Советов». Сколько сил, энергии отдал лично Серго освоению производства качественной стали!..

В ноябре 1930 года Серго Орджоникидзе был назначен председателем Высшего совета народного хозяйства. Он был знаком с сотнями людей на заводах и фабриках, шахтах и рудниках, вузах и проектных организациях и помнил тысячи фамилий. Стоило при нем назвать фамилию человека, и Серго сейчас же вспоминал все связанное с ним. Был он прост в обращении, и через несколько минут после начала разговора любой рабочий или инженер чувствовал себя с Серго хорошо и просто. И, приезжая на завод, в шахту, на стройку, он отправлялся сразу же в цеха, к рабочим, чтобы говорить с народом, выяснить нужды масс, посоветоваться со стариками, выслушать мнение молодых.

Этот кабинет Орджоникидзе был знаком наркомам и ударникам труда, героям пятилеток и членам Центрального Комитета партии, академикам и прокатчикам, рядовым ткачихам и писателям.

...Куртка Серго, значок члена ЦИК СССР, часы, ручка... Стол, кресла, мягкие кожаные стулья, журнальный столик, пять телефонов на столе, зеленая настольная лампа с абажуром — подарок рабочих «Красного Треугольника» народному комиссару, модели самолетов, распростерших свои крылья над книжными шкафами. На столе телефонная книга с указателем номеров междугородной телефонной связи: народный комиссар имел привычку ежедневно справляться о том, как работает то или иное предприятие, что ему требуется в данный момент.

В зале музея, где экспонируются некоторые личные вещи Серго Орджоникидзе, под стеклом лежит карточка — членский билет № 46: «Предъявитель сего тов. Орджоникидзе Григорий Константинович является членом Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), избранным семнадцатым съездом партии».

...В день смерти Орджоникидзе В. И. Лебедев-Кумач написал песню о Серго. В ней были строки, которые нельзя не вспомнить и через четверть века, находясь здесь, в его кабинете:

Нет, не остынет сердце такое,
В каждой победе — биение его!

Старшина А. А. Батурин. Танк идет под воду.

в себе неожиданности. Мы чувствуем, как танк круто опускает нос, словно ныряя в какую-то яму, а потом, содрогаясь корпусом от напряжения, выползает из нее. Едва машина выровнялась, как левая гусеница лязгнула о камень, и танк накренился.

— Валун попался,— крикнул нам командир,— в здешних реках их много.

Но вот мы с облегчением слышим плеск воды, и машина выбирается на берег. Подводное путешествие закончено. Батурин ведет танк под защиту деревьев. Из реки, словно допотопные чудища, один за другим появляются танки, неся на броне водоросли.

Подразделение Гапонова уходит выполнять следующую боевую задачу. А мы наблюдаем, как готовятся к переправе главные силы соединения. В дело вступают большие самоходные паромы... За ними к реке подходят понтонно-мостовые части и быстро наводят мост, по которому на противоположный берег идут бронетранспортеры, штабные машины, ракетные войска.

Когда последние войска перешли через реку и скрылись в лесу, в небо взлетела серия разноцветных ракет: «Отбой учению». А вечером старший начальник в приказе благодарил личный состав подразделений за умелые действия в «бою».

Атакую!

Боевая тревога.

Евгений ОСЕТРОВ

Судьбы народные

Есть люди, общение с которыми духовно обогащает нас и возвышает нравственно. Далеко не всегда взаимная связь должна быть непосредственной. Чаще всего она осуществляется через книги, живопись, музыку...

Душевное обаяние ощущаешь при каждой встрече с писателем Константином Александровичем Фединым. Когда я гляжу на этого человека, любуясь его выразительными глазами, серебром волос, когда я слушаю его речь, веселую или гневную, иногда полуироническую, я думаю о героях его книг...

Творческий путь писателя не был торной дорогой. История становления художника была сложной. От сборника рассказов и повестей «Пустырь», появившегося в 1923 году, К. Федин шел к известным своим романам. Первый из них — «Города и годы» — сразу выдвинул автора на передовую линию художников революционной эпохи. Затем появились «Братья», «Похищение Европы», «Санаторий Арктур». В военную и послевоенную пору К. Федин написал «Первые радости» и «Необыкновенное лето». Выпуском первой книги «Костра» писатель завершает трилогию, охватившую события нескольких десятилетий.

Детство и юность Федина прошли на берегах Волги, в Саратове. Бескрайние волжские просторы, вереницы плотов на реке, бугор Степана Разина, цветущие весной деревенские сады... Отсюда, вспоминает писатель, пошли его первые представления о русской земле — как о мире, о русском народе — как о человеке. Общение с передовыми людьми города, в котором, как живая легенда, звучало имя великого земляка Н. Г. Чернышевского, посещение местной картинной галереи, участие в любительских спектаклях, занятия музыкой — все это заложило в душе будущего писателя изначальные представления о прекрасном в жизни и искусстве.

Первая мировая война застала Федина в Саксонии. Здесь, волею обстоятельств находясь в положении «гражданского пленного», юноша с волжских берегов в течение ряда лет приобщался к немецкой культуре.

Наблюдая взрыв шовинистических настроений, торжественные факельные шествия, присматриваясь к нравам опьяненных кровью бюргеров, молодой Федин видел, как наступало отрезвление, как на историческую арену выдвигались новые силы, смысл деятельности которых сводился к революции. Раздумья о сущности гуманизма, о судьбах европейской цивилизации надолго определили западную тему в творчестве писателя.

Ветер нового времени ворвался в первые книги молодого писателя. Напряженно размышляя о месте интеллигенции в эпоху потрясений, Федин создал образ современников великих событий. Андрей Старцов — прекраснодушный герой романа «Города и годы» — не смог принять революции, неумолимой логики исторических событий. Как эпитафию на могиле героя Федин начертал афоризм: стекло не сваривается с железом. И, оправдывая исторически неизбежную твердость, освященную состраданием, писатель все-таки подчеркнул в эпилоге романа, что жалость заслуживает большего снисхождения, нежели жестокость.

Герои последующих романов Федина, рисующих людей Запада, испытывают трагический ужас перед жизнью, в которой действуют мрачные силы, приводящие цивилизацию Европы на край гибели.

Творческая эволюция Федина связана во многом с годами Великой Отечественной войны. Не случайно из-под пера писателя вырвалась такая фраза: «О многом заставила подумать русского человека Западная Европа за годы второй мировой войны». В своей трилогии, к созданию которой романист приступил в 1943 году, Федин выступил как писатель, увлеченный могучим потоком народной жизни, отдающий все симпатии и привязанности своему Отечеству, родной Волге, судьбам земляков. Во всей красоте раскрыл писатель источник духовной силы своих героев. Недаром Кирилл Извеков — персонаж трилогии, один из самых замечательных характеров современной литературы — произносит такие слова, обращаясь к Аночке Парабукиной: «Я буду радоваться, как художник, когда увижу, что кусок прошлого в тяжелой жизни народа отвалился, и счастливый, здоровый, сильный уклад, который я хочу ввести, начинает завоевывать себе место в отношениях между людьми, место в быту».

Величайшие истины в конце концов просты. Книги Федина доказывают, что ощущение Родины — это осознание связи своей с жизнью родного народа. Не потому ли писатель однажды верно заметил, что смотрит на свою трилогию как на произведение историческое. В самом деле, эпопея, проникнутая духом современности, учит читателя мыслить по-государственному, показывает, что широта подлинного всечеловеческого сознания, присущая передовым идеям века, воспитывается на любви к матери Родине.

...За окном тихо качают ветвями переделкинские сосны. В кабинете писателя все стены заставлены книжными стеллажами. Повсюду книги, очень много книг. Хозяин дома начал собирать их еще в юности. Кто только в течение десятилетий не дарил своих сочинений Константину Александровичу! В его библиотеке мы найдем автографы замечательных писателей двадцатого столетия — Максима Горького, Ромена Роллана, Стефана Цвейга, Бертольда Брехта... Собраны в библиотеке, разумеется, и фединские произведения, изданные на различных языках мира и популярные среди интеллигенции Запада, ищущей ответов на жгучие вопросы современного бытия.

С наслаждением истинного знатока показывает Константин Александрович редкие издания пушкинской поры или какие-нибудь «Ученые записки», присланные земляками из родного Саратова. С едва заметной улыбкой, чуть склонившись, писатель пытливо смотрит, какое впечатление произвела на собеседника букинистическая редкость.

Константин Александрович живо и молодо интересуется всем, что относится к литературе и искусству. Недаром среди его книг большое место занимает сборник литературно-критических статей, литературных портретов, мемуаров, озаглавленный «Писатель, Искусство, Время». Эта книга, не вызвавшая такой обширной критической прессы, как фединские романы, занимает значительное место в творчестве мастера, размышляющего о своем деле глубоко и оригинально. Превосходные страницы посвящены Максиму Горькому, оказавшему решающее влияние на писательскую судьбу Федина. Со страниц сборника встают образы Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Александра Блока, Гете, Шиллера, Томаса Манна, Ромена Роллана. Автор воспроизвел неповторимые черты облика Алексея Толстого, Михаила Пришвина, Юрия Тынянова.

При всей страстной любви к писательскому труду (редко, кто так изнуряет себя работой!) Федин не является замкнутым, кабинетным человеком. Выполняя многотрудные обязанности руководителя Союза писателей СССР, Константин Александрович принимает участие в обсуждении текущих литературных дел, выступает на писательских пленумах и собраниях, ведет обширную переписку, умеет порадоваться удачной книге собрата по перу, сказать правду о сыром, наспех написанном сочинении.

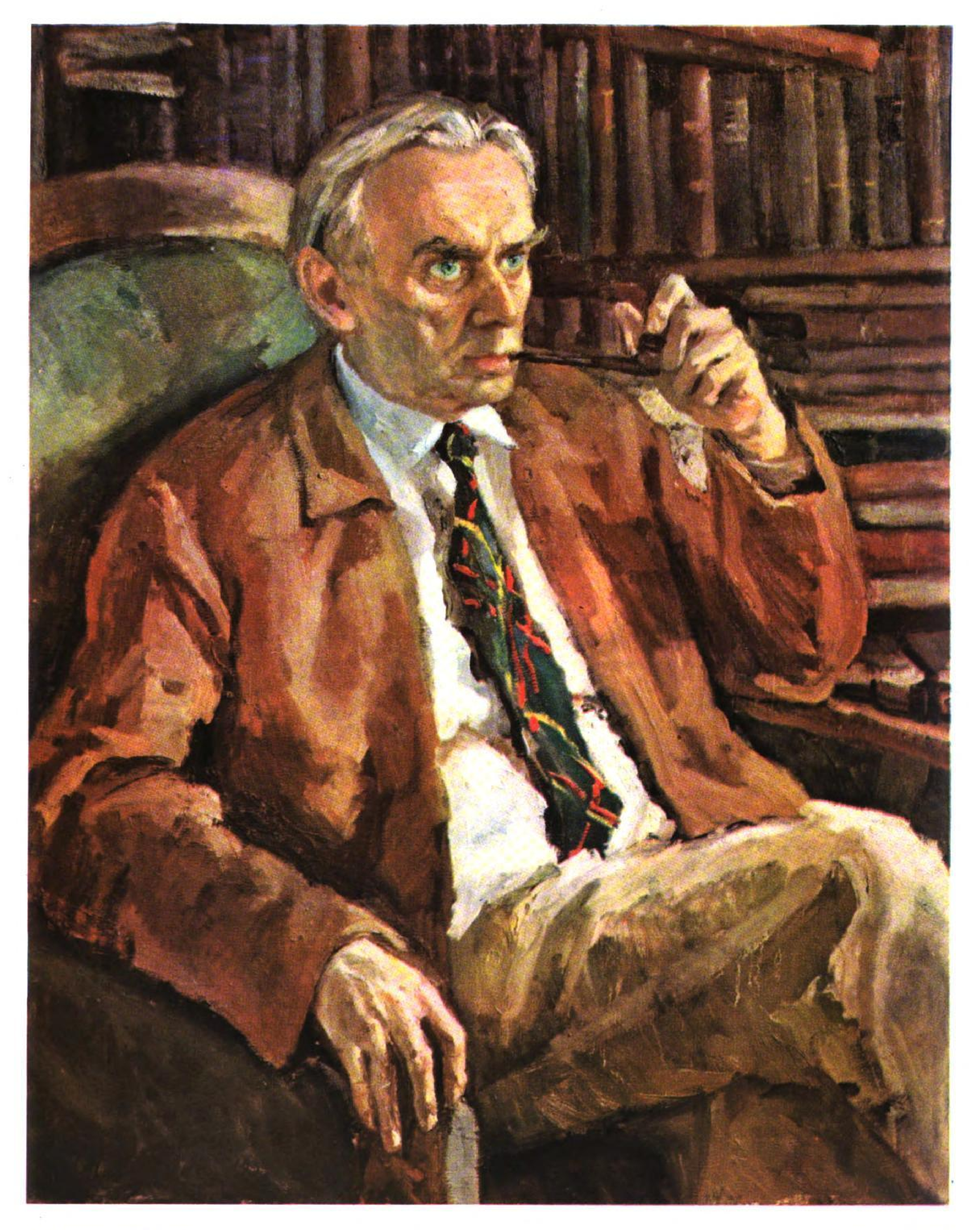
Федин — непреклонный борец за мир. Писатель не устает повторять, что вопрос о мире есть вопрос о величайшем благе человека и человечества.

Писатель постоянно поднимает свой голос в защиту мира. Он председатель Общества советско-германской дружбы.

— Если бы меня лишили права писать о мире, я перестал бы быть писателем и стал бы несчастнейшим человеком,— говорит Константин Александрович.— Я хочу писать о мире так, чтобы каждый мой читатель увидел идею мира в образе... Эта тема и злободневна и вечна. Она именно тот самый «вечный вопрос», который так любезен и мил нам, писателям. И она в обилии дает нам сложившиеся типы современности. Посмотрите, как человек труда создал гигантское движение борьбы за мир на всем земном шаре.

Константину Александровичу Федину исполняется семьдесят лет. Своей трилогией писатель наглядно показал, что русский роман продолжает развиваться. От подчеркнутой композиционной и языковой сложности романа «Города и годы» к классической ясности эпопеи — таков путь Федина.

Художник был свидетелем и участником величайших исторических событий. Он многому научился у своего народа и заплатил ему щедрую дань книгами, запечатлевшими образ великого времени.

Н. Навашина-Крандиевская. Константин ФЕДИН.

Новороссийский цементный завод «Октябрь». Вращающиеся печи.

Фото М. САВИНА.

Машинист Тамара Гарбузова.

Ник. КРУЖКОВ

У самого синего моря

Ходишь по Новороссийску, живописному городу с отличными улицами, веселыми, новыми домами, шумной гаванью и не веришь, что война оставила от города груду дымящихся развалин. Кое-где в самом малом числе угадываешь старые дома, и когда вам покажут такой, то непременно при этом добавят: «Чудом сохранился». Чудо, однако, не в том, что сохранилось что-то от довоенных времен, а в том, что создан, в сущности, совершенно новый город — на пустом месте, на завалах кирпича, на окровавленных штабелях щебня, на руинах. Вот тут-то и постигаешь величие нашего народа, силу его созидательного духа.

А сколько у нас таких, из мертвых воскресших, городов, как Новороссийск, да не просто воскресших, а обновленных, ставших еще более красивыми!

* * *

Прославленный новороссийский цементный завод «Октябрь» разделил судьбу города — был превращен в развалины. Сейчас это красавец завод, живущий полнокровной, ритмичной, четкой производственной жизнью, из года в год перевыполняющий план, завод, которому по заслугам присвоено звание предприятия коммунистического труда.

Когда вы попадете на «Октябрь», вас непременно удивит малое число людей, работающих в цехах. Лишь кое-где вы увидите человека, стоящего у приборов, а эти гигантские мельницы, работающие с неумолкающим грохотом, огромные вращающиеся печи как будто сами, без участия рук человеческих, делают свое дело. Завод почти полностью автоматизирован.

На старых цементных заводах вы задыхаетесь от пыли, которая, кажется, проникает во все поры вашего тела,— здесь вы можете разгуливать в белом костюме.

Старые заводы, работающие на угольном топливе, дымят так, что все вокруг застилается черными клубами,— здесь топливом служит кубанский газ, доставляемый сюда за сотни километров, через горные перевалы, дыму меньше, да и тот в значительной части улавливается мощными электрофильтрами, установленными у основания труб. Электрофильтры улавливают и дым и пыль. Отходы эти — они богаты драгоценными калийными солями — идут на асфальтово-бетонные заводы, а теперь и на производство сельскохозяйственных удобрений.

Новые качества модернизированного завода потребовали новых качеств от труда рабочих, инженеров и техников, особенно рабочих. Мускульной силы и прежних производственных навыков оказалось недостаточно. Нужны были знания, умение пользоваться сложными приборами. Грань между рабочим и техником стерлась. Рабочий и техник, рабочий и инженер естественным образом соединились в одном лице.

Из 726 рабочих завода «Октябрь» — 4 инженера, 46 техников, 32 учатся в заочных и вечерних вузах, 28 — в техникумах, 29 — в школах рабочей молодежи, более ста человек имеет законченное среднее образование. Завод этот может быть с полным правом назван заводом образованных людей. Люди преобразуют технику производства, техника, в свою очередь, преобразует их.

Я разговорился с машинистом вращающейся печи № 4 Николаем Гетмановым. Это рослый, красивый человек с открытым, веселым лицом, спокойно и деловито распоряжавшийся приборами своей гигантской, пышущей жаром печи, протянувшейся на добрые 200 метров.

Первая на заводе бригада коммунистического труда: Владимир Велигоцкий, Виктор Данильченко, Александр Кивачицкий, Анатолий Дудко, Лилия Котович,

— Все идет нормально! — говорит он, подмигнув в сторону печи, и тут же переводит разговор на тему, видимо, очень его интересующую,— о живописи. Гетманов любит русских передвижников и собирает репродукции их картин.— «Огоньку» следовало бы,— замечает мой собеседник,— почаще давать на своих страницах Репина, Крамского, Шишкина.

Да! И сам он рисует в свободное время. Правда, свободного времени не так уж много: машинист печи, студент 4-го курса инструментального техникума.

— Теперь нельзя не учиться: отстанешь и потеряешь профессию. Вот когда окончу техникум,— поступлю в художественную студию...

Вот вам и спор на тему, что важнее: искусство или техника. Все важно для Николая Гетманова. В нем пробужден интерес к широким знаниям, возникли запросы большого плана — это действительно новый советский рабочий.

Таков уж «воздух» на «Октябре» — здесь очень быстро и както по-особенному основательно, наглядно растут люди.

Был Валентин Беляев слесарем, окончил вечерний техникум — стал механиком горного цеха. Был Иван Иващенко счетоводом, окончил техникум — стал мастером цеха сухого помола. Техник Тамара Гарбузова пришла на завод машинистом; сейчас окончила заочно инженерно-строительный институт, ведет большую общественную работу, депутат городского и краевого Советов.

Инициатором движения за коммунистический труд явилась на заводе бригада по обслуживанию контрольно-измерительных приборов и автоматики (КИП). Она и получила первой высокое звание бригады коммунистического труда. Удивительно славный народ здесь! Один к одному! Кого ни возьмешь — любой учится, совершенствует свои знания, занят добрым делом, нужным и ему самому и всем людям. Пришел в бригаду Анатолий Дудко, морячок-балтиец, старшина 1-й статьи; помогли ему товарищи, стал отличным наладчиком, сейчас учится в вечернем техникуме. Виктор Данильченко поступил на завод без всякой специальности; ушел в армию, оттуда снова вернулся на завод — куда же еще идти? — был встречен товарищами радостно, весело; сейчас хорошо работает, учится в техникуме. Владимир Велигоцкий — он тоже демобилизованный — отлично работает и учится заочно в новочеркасском институте. Заканчивают институты Иван Кубенко, Александр Кивачицкий. Да и сам бригадир Александр Козин пришел на завод техником, стал инженером, заочно окончил институт...

Приятно видеть эту молодежь, этих рабочих, славных представителей советского рабочего класса! Не найдешь среди них ни лоботрясов, ни стиляг, ни бездельников, не знающих, куда себя деть и куда приткнуться. Не думайте, впрочем, что это унылые постники, обложенные книжками. Эти и повеселиться могут, аж земля загремит под ногами, народ веселый, полный жизнерадостности и душевной бодрости!

Познакомились мы и подружились на заводе с начальником технического отдела Тадеушем Антоновичем Машевским. «Чин» у него большой, а сам он совсем еще молодой человек, выглядит парнишкой, только что соскочившим со школьной скамьи. Поступил на завод рядовым техником, но уж такова обстановка здесь, что потянуло его в рост, к учебе, к совершенствованию. Окончил заочный институт, стал инженером-механиком. И отлично знает свое дело, и все к нему относятся уважительно и с почтением: Тадеуш Антонович!

— Мне завод все дал! — сказал он.— Как же мне не ответить ему тем же? Вся жизнь тут!

...В стенной газете производственного цеха «Клинкер» нам бросилась в глаза заметка рядовой работницы З. Муравьевой. Вот что она пишет: «Как чудесно, что мой жизненный путь — путь всех советских юношей и девушек — начинается в такое замечательное время, когда коммунистическое завтра становится особенно близ-

Держу дорогу на прицеле

Леонид ЧИКИН

Был марш вечерний долог и далек.
Глотали пыль проселочных дорог.
Шли через речки по мостам и вброд.
Устал расчет. В траве уснул расчет.
Наверх — шинели. И под бок — шинели...

А я держу дорогу на прицеле.

Идет дорога через гору в лог.
За логом ярко светится село.
Там ведрами молочными бренчат,
и забавляют перед сном внучат,
и ужинают, и постели стелют...

А я держу дорогу на прицеле.

С рассветом вновь стада прогонят тут.
Мальчишки за грибами пробегут.
Колхозные трехтонки прогремят.
Мелькнут юбчонки озорных девчат —
тех, что сейчас — я слышал — песни пели...

А я держу дорогу на прицеле.

А ночь накрыла землю тишиной...
Но где-то бредят новою войной,
на картах стрелы острые легли
и вгрызлись в тело этой вот земли,
где спит расчет, где мне стоять велели,
где я держу дорогу на прицеле.

Не ради войн — мне не нужна война! —
мы здесь стоим. И не моя вина,
что нас сюда тревога привела,
что пушки — на окраине села,
что приказали мне в учебных целях
держать дорогу эту на прицеле...

Друзьям не снится грохот батарей.
Им снятся руки жен и матерей,
и губы, им известные одним,
и край, который мы сейчас храним,
одетые в суконные шинели...

А я держу дорогу на прицеле.

Новосибирск.

Океанский

Всеволод АЗАРОВ

Город — моряк и строитель,
Каменщик и капитан!
Солью пропитанный китель
Сильным плечам твоим дан.

Синий простор океана,
Ширь исполинских дорог.
Славить тебя не устану,
Нашенский Владивосток!

Я о тебе был наслышан...
Врезанный в неба опал,
Ты еще краше и выше
Передо мною предстал.

С временем рядом на приступ
В слитном шагаешь строю.
Город с душой коммуниста,
Славлю я волю твою,

Александр Козин, Иван Кубенко.

ким. И, конечно, хочется отдать все свои молодые силы делу строительства коммунистического общества, самого справедливого общества на земле. И мне вместе со своими товарищами по труду хочется внести свою лепту в общее великое дело».

Большие и сложные чувства возбуждает эта скромная заметка молодой работницы. Вдумываешься в эти строчки, и становится ясным тот огромный путь, какой прошел наш рабочий класс, завоевавший себе право на великолепную созидательную, творческую жизнь. Побываешь на таком заводе, как «Октябрь», и как-то веселее живешь после этого на земле.

Завод хорош, люди хороши, да и славный, геройский город Новороссийск, со своими живописными горами и холмами, со своей гаванью, где увидишь флаги разных наций, со своей обширной бухтой, где пошумливает, погуливает зеленая морская волна, очень уж привлекателен и всем располагает к себе.

проспект

Веру в грядущее наше,
В звездный маршрут кораблей.
Веру в победу бесстрашных,
Неудержимых людей!

Мостиков строгих обводы.
Флагов сигнальных салют.
Гомон цехов Дальзавода.
Славных строителей труд.

Вахты твоих краболовов
И китобоев аврал.
В отсветах желто-лиловых
Рог Золотой заблистал.

Встань, горделивый, счастливый,
В брызгах, в свечении звезд,
Здесь, над Амурским заливом,
Солнцем венчаемый Ост!

Детям, и взрослым, и птицам
Дорог над городом свет.
В будущее стремится
Твой Океанский проспект!

Владивосток.

Леонид СТЕПАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

„Мы новую песнь, мы лучшую песнь...“

Из-за узкой колеи вагон покачивало больше обычного. В такт ритмичным колебаниям память снова и снова подсказывала строфы любимого поэта:

Im traurigen Monat November war's,
Die Tage wurden trüber,
Der Wind riß von den Bäumen das Laub,
Da reist' ich nach Deutschland hinüber[1].

За окном — знакомые места. Здесь проходил наш полк семнадцать лет назад...

Напрасно мои глаза пытались преодолеть плотную завесу тьмы. Черное вагонное стекло в крупных каплях дождя было непроницаемо. Но постепенно на нем, как на стекле телевизора, стали появляться один за другим «кадры» из моей солдатской юности: руины немецких городов, убитые солдаты на перекрестках, испуганные, бледные лица изголодавшихся женщин и детей, очередь у наших походных кухонь...

Я торопил ночь. Мне хотелось своими глазами увидеть, как изменилась за семнадцать лет эта страна, какая она, новая, Демократическая Германия?

* * *

Машина, предоставленная нам берлинским журналом «Фрайе вельт», бесшумно скользит по широкому прямому автобану. В окно приятно бьет прохладный душистый ветерок. В нем запах озимых посевов, ярко расстилающихся справа и слева от дороги. То дальше, то ближе от автобана возникают и вновь пропадают вдали живописные городки, перелески, новые поселки, фабричные трубы, готические башни, сигнальные огни аэродромов.

Машина останавливается.

...Еще недавно здесь шептались сосны. Сонный камыш смотрелся в сероватую гладь реки. Теперь Одер отражает в своем зеркале корпуса мощных заводов, богатырского сложения домны, кварталы светлых красивых домов, в которых живет первое поколение граждан первого социалистического города Германии. У города гордое имя: Айзенхюттенштадт — Город металлургических заводов.

На одной стороне широкой, прямой улицы — театр, рабочее кафе, школа. На другой стороне — огромный, весь из стекла магазин самообслуживания, полный всякой традиционной снеди, праздничных подарков, веселых детских игрушек.

В Айзенхюттенштадте во всем новый стиль, новые требования, новый ритм жизни. И ни одного, даже самого маленького частного предприятия.

Город молодой не только по своему историческому паспорту. Он самый молодой в республике по среднему возрасту граждан. Преобладающая семейная категория в Айзенхюттенштадте — молодожены. Не удивительно, что первый соцгород республики занимает первое место и по числу новорожденных.

Айзенхюттенштадт можно было бы также назвать Городом международного рабочего сотрудничества. Сталь, которая здесь варится,— особой прочности сплав труда немецких, советских и польских рабочих. Техника и технология — немецкие, руда — советская, уголь — польский. Советская руда поступает по железной дороге, а польский уголь — по воде, на баржах и пароходах.

— Одер на карте обозначает границу, разделяющую ГДР и Польшу. А на самом деле он сближает нас, помогает экономическому сотрудничеству,— так говорит Евгениус Розень, польский боцман. Он и его товарищи, польские матросы Раймунд Нагель, Веслав Шембет и Станислав Микос, только что причалили к одерской пристани у Айзенхюттенштадта. — Вот разгрузим уголек и пойдем к немецким товарищам в гости.

* * *

Мальчишки съезжали на санках по склону крутого оврага. В их веселом занятии принимал заметное участие толстый кузнец, выскочивший из дому без пальто, в одном джемпере. Потом выяснилось, что старик собственноручно изготовляет мальчишкам «самоуправляемые» санки с железным рулем. Кузнец разгонял сани, и ребята с визгом, хохотом стрелой неслись в овраг. Самое примечательное было в том, что дно оврага — граница ГДР с Чехословакией. На другом склоне оврага катались на санках чешские мальчишки. Иногда с той или с другой стороны раздавалась одобрительная или насмешливая реплика. Но до перестрелки — разумеется, снежками — дело здесь никогда не доходило.

Как все это было не похоже на западную границу ГДР! Там из-за непрекращающейся провокации боннских милитаристов и амери-

---

[1] То было мрачной порой ноября.
Хмурилось небо сурово.
Дул ветер. Холодным,
дождливым днем
Вступал я в Германию снова.
Генрих Гейне
«Зимняя сказка».

канских оккупантов людей тяготит постоянная напряженность. Через границу по линии Хельмштедт—Западный Берлин по мирным свекольным полям ГДР с лязгом и треском мчатся американские танки, бронетранспортеры, военные грузовики с вооруженными до зубов солдатами. Каждый день над территорией республики пролетают американские военные самолеты. Застигнутый в поле грохотом мотора, стоит немецкий крестьянин среди пашни и думает: «И когда все это кончится? Когда наконец будет подписан мирный договор?»

Узнав, что я из Москвы, кузнец с радостной поспешностью подошел к нашей машине. Сначала он так нам тряс руки, что трудно было устоять на месте. Потом назвал свое имя: Иоханнес Шультер. Потом заторопился, побежал в дом и принес большой альбом с собственными фотографиями, сделанными во время поездки по нашему черноморскому побережью. Подробно рассказал об истории каждого снимка, о своих друзьях в Грузии. Гомерический хохот вызвала продукция какого-то причерноморского базарного фотографа: на снимке — толстое и доброе лицо кузнеца, просунутое в дырку над нарисованной на фанере черкеской с газырями и кинжалом. Громче всех смеялся сам пострадавший.

При ближайшем знакомстве оказалось, что Иоханнес Шультер с 1927 года член Коммунистической партии Германии, пережил суровые годы подполья и репрессий...

* * *

Город Циттау находится в так называемом «треугольнике», на юго-востоке, там, где сходятся границы ГДР, ЧССР и Польши. В городе напряженно и вдохновенно трудится крупнейший в стране автозавод «Робур», выпускающий грузовые и специализированные машины.

Секретарь заводской организации СЕПГ Хельмут Россель познакомил нас с продукцией и текущими делами завода. Видно было, что секретарь крепко озабочен. Завод переживает серьезные трудности — трудности роста. Приходится одновременно и выполнять план и проводить серьезную реконструкцию завода. До недавнего времени сборка и монтаж металлических корпусов занимали на заводе по времени значительную часть производственного процесса. Но вот дирекция «Робур» побывала в Чехословакии на автозаводах «Татра», ознакомилась с достижениями чехословацкой техники, договорилась о присылке в Циттау чехословацких автоматов. Теперь сборка металлических корпусов на заводе «Робур» перестала быть слабым местом. Молодые немецкие рабочие быстро освоили чешские автоматы. И опять новые заботы: в цехах стало тесно от готовых металлических корпусов, на прилегающих к заводу улицах вереницами стоят новые грузовые машины. Заводу явно тесно в небольшом старом городке.

— Растем. Вырастаем из дедовских одежек, — говорит Хельмут Россель и добавляет неожиданно: — Если вы не боитесь, то я могу пригласить вас в горы на испытание нашей новой грузовой машины.

Грозно рыча, грузовик упрямо лезет на скалистую гору. Широкая неровная тропа, с камнями, впадинами, с крепкими перекрученными корнями столетних деревьев. Хлещут еловые ветки по бокам машины, не хотят пустить на вершину нового великана из семейства «Робур». Крутизна местами достигает более 30 градусов. Люди в кузове пригнулись, крепко держатся друг за друга, вот-вот сползут по крутому железному скату пола и вывалятся за борт.

— Держитесь, ребята! — кричит Хельмут, весело подмигивая и придерживая руками фуражку. В эту минуту молодой парторг, вчерашний слесарь, чем-то очень похож на молодого Эрнста Тельмана.

— Давай, Хельмут, жми! — отвечаем мы. — Замечательная машина! Молодец «Робур»!

И вот мы на самой вершине Шарфенштайна — 480 метров над уровнем моря. Отдыхает мотор. Поют птицы. Пробивается солнышко сквозь вершины сосен. А мы любуемся сразу и Германией и Чехословакией — она рядом, по соседству, на таких же скалистых, покрытых соснами горах. Хорошо!

* * *

Когда-то это был дорогой отель для буржуазии, приезжавшей сюда на зимний спортивный сезон. Зимний спорт и теперь здесь в почете. Но большой отель на окраине Обервизенталя стал домом отдыха для горняков. И нарекли его по-новому: «Активист». За 20 марок — дневной заработок горняка — здесь можно на полном обеспечении отдыхать и заниматься спортом в течение 14 дней.

Нам повезло. Среди 150 отдыхающих на этот раз была большая группа почетных гостей — старых немецких коммунистов. Они только что закончили обед и были рады побеседовать с нами в уютном курительном салоне.

Рассказы этих людей нельзя было слушать равнодушно: своими воспоминаниями щедро делились участники германской революции 1918 года, лично знавшие Карла Либкнехта и Розу Люксембург, узники гитлеровских концлагерей — «болотные солдаты», героительмановцы, не склонившие головы в кровавую ночь фашизма. Они рассказывали, а нам, нынешним коммунистам среднего поколения, думалось: вот о ком мы читали на пионерских сборах, это для них мы отдавали деньги в МОПР, экономя на школьных завтраках, это те, кто во время жесточайшей войны помог нам остаться стойкими интернационалистами. Их жизни — строчки в лучших страницах героической истории германского пролетариата.

Особенно много рассказывал в этот вечер Пауль Хенель, старый токарь, вступивший в партию в 1913 году. Он знал Августа Бебеля, участвовал в знаменитом кильском восстании моряков и рабочих, в тяжелое время укрывал на своей квартире Эрнста Тельмана.

— Тельман, ребята, был совсем наш, рабочий парень. Любил пошутить, выпить кружку пива, мог ввернуть крепкое словцо. Но послушали бы вы его, когда он говорил перед многотысячной толпой! Это был динамит! Он мог взорвать самые холодные сердца, самые холодные, скептические умы, мог повести за собой всех настоящих рабочих. И его боялись. Ого, как его боялись буржуазия, социал-предатели, фашисты! А он их не боялся. Даже когда Гитлер шел к Москве, он говорил: «Советский Союз свернет шею фашизму. Коммунизм победит».

Былым огнем светились глаза седовласых ветеранов, прекрасны были в этот момент их мужественные, волевые лица с глубокими морщинами, у некоторых со шрамами после камеры пыток. Но вот что-то еще более волнующее, чем их прошлое, озарило лица тельмановцев: речь зашла о новой Программе советских коммунистов.

Долго обсуждали важнейшие тезисы Программы, горячо спорили. Пауль Хенель сказал:

— Мы счастливы, что дожили до сегодняшних дней. Нас воспитали люди, начинавшие борьбу вместе с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Немного нас осталось. Но как глубоко чувствует наше поколение связь между возникновением коммунистического учения и его победным претворением в жизнь! В сущности, с точки зрения истории, для этого понадобилось удивительно мало вре-

мени. И в этом прежде всего заслуга Владимира Ленина, великая заслуга героической партии, созданной им. Грандиозны ваши нынешние дела и ваши перспективы. Вашим путем пойдет все человечество.

* * *

Обервизенталь — самый высокорасположенный город ГДР. Поэтому здесь раньше начинается зима, и пионеры Обервизенталя обычно одними из первых открывают свой зимний спортивный сезон.

Над старинной площадью с каменным дорожным указателем полощутся разноцветные флаги. У главной мачты до начала общего сбора дежурит пионерское звено. Дети в спортивных костюмах и в синих галстуках. Только у одной девочки галстук красный. Бербель Лиссель получила его в подарок от чешских пионеров.

Раздались звуки фанфар, и на площадь стали входить колонны пионеров. Отряды в костюмах горнолыжников, гимнастов, мотогонщиков, будущих космонавтов. В домах, окружающих площадь, распахиваются окна. Словно с ярусов театра, на пионеров смотрят гордые родители, друзья, встревоженные старые обыватели, завидующие младшие братья и сестры.

Пионеры выстраиваются четырехугольником. В центре у главной мачты вожатый принимает рапорт. Пионерский оркестр играет торжественный туш — знамя взлетает вверх и раздувается, как парус. В морозной тишине раздаются торжественные слова:

— Пионеры! К борьбе за дело социализма и мира будьте готовы!

И сотни звонких голосов единым клятвенным залпом ответили:

— Всегда готовы!

* * *

Под звуки марша пионеры прошли по улицам города, вышли на белое, сверкающее снежными алмазами поле. Дорога повела в горы, туда, где здоровый воздух, яркое солнце.

Мы смотрим вслед этому счастливому новому поколению, и память снова и снова подсказывает строфы любимого поэта:

Мы новую песнь, мы лучшую
песнь
Теперь, друзья, начинаем...

НА СНИМКАХ:

Отца зовут Иоханнес Кёниг, что по-немецки означает «король». Как живет семья рабочего «короля»? «Неплохо живем, — отвечает И. Кёниг.— Государство помогло мне, рабочему, стать инженером. Работаю на буроугольном комбинате «Шварце Пумпе» штейгером. Недавно получили трехкомнатную квартиру в новом доме. А моему «принцу» живется и того лучше.

•

На границе с Чехословакией, в местечке Веренштейн.

•

Рассказывает Пауль Хенель. «Вашим путем пойдет все человечество».

•

Пионеры Обервизенталя.

*Взвод на правом берегу,
Жив-здоров назло врагу!*

*Мы в землячество не лезем,
Есть свои у нас края.*

*Ты—тамбовский? Будь любезен.
А смоленский — вот он я.*

*— Я не звал тебя, Косая,
Я солдат еще живой.*

НЕ ШУТЯ, ВАСИЛИЙ ТЕРКИН, ПОДРУЖИЛИСЬ МЫ С ТОБОЙ

А. ШАПС,
постановщик спектакля, режиссер, заслуженный артист БССР

Борис НОВИКОВ,
исполнитель роли Василия Теркина, заслуженный артист РСФСР

Фото С. Фридлянда.

*Генерал награду выдал —
Как бы снял с груди своей.*

С мыслью, может, дерзновенной
Посвятить любимый труд
Павшим памяти священной,
Всем друзьям поры военной,
Всем сердцам, чей дорог суд.

Вот такими словами закончил свою книгу про бойца замечательный поэт нашего времени Александр Твардовский.

И хотя в действительности не было солдата с именем Василий и фамилией Теркин, но поистине именно он, Василий Теркин, прописался навечно в классической советской литературе.

Да, прописался в ней рядом с Левинсоном из «Разгрома», бок о бок с Чапаевым и Павкой Корчагиным, в одной шеренге с Александром Матросовым, Зоей Космодемьянской, краснодонцами...

Сколь же сложна и ответственна задача воплощения Теркина на сцене! Все эти и многие другие мысли и чувства волновали нас, когда мы приступили к созданию спектакля о Теркине.

Было известно, что Твардовский забраковал свыше двухсот инсценировок поэмы, и только талантливая работа писателя Константина Воронкова получила одобрение взыскательного автора.

Правда, это не помешало ряду крупных театров столицы три с половиной года передавать инсценировку друг другу и в конце концов прийти к выводу, что ее осуществить на сцене нельзя.

Владимир Маяковский когда-то писал:

— Поэзия
— вся! —
езда в незнаемое.

Сделав эти слова своим девизом, мы — коллектив Театра имени Моссовета — отправились в поход.

Вместе с нами над созданием спектакля трудились художник А. П. Васильев и композитор В. П. Соловьев-Седой.

Нас манила, волновала генеральная тема поэмы — страстная любовь к Родине и образ советского солдата, который ведет справедливую войну «ради жизни на земле!».

Как нам удалось осуществить свои замыслы — судить зрителю. Однажды, помнится, это был третий или четвертый спектакль, мы вышли после представления из театра и услышали, как зрители перебрасывались между собой афористическими шутками Теркина, а один, видимо, бывалый солдат сказал: «Да, это оптимистическая трагедия Великой Отечественной войны! Уж это точно!» И, откашлявшись, негромко прочитал:

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет!

Более пятидесяти раз прошел спектакль «Василий Теркин» на сцене Театра имени Моссовета, и каждый раз, когда зажигается свет рампы и начинают звучать искрометные стихи Твардовского, гордость охватывает нас

За Россию, за народ
И за все на свете.

← У Тамары Киселевой парик готов. Осталось только подколоть эту прядь.

Когда зритель приходит в театр, он заранее уславливается: верить!.. Открывается занавес; из дремучего леса, освещенного лучами заходящего солнца, выходят принц и принцесса... И зритель верит, что их роскошные одежды украшены настоящими жемчугами и бриллиантами. Вот наступает ночь — настоящая ночь; вот забрезжило утро — настоящее утро... Но и эта ночь, и эти жемчуга, и лес этот — в полном смысле слова — рукотворные. Так можно ли тех, кто преображает скромного человека в сказочного принца, кто расчесывает эти локоны, кто зажигает это солнце на театральном небосклоне,— костюмеров, гримеров, осветителей, бутафоров,— не назвать полноправными участниками и создателями спектакля!

Платье, прическа, грим — это и есть внешний образ действующего лица. Каждый актер припомнит хоть один случай из своей сценической жизни, когда шляпа или эспаньолка, трость или веер стали для него решающей деталью в раскрытии характера.

Этих магов «плаща и шпаги» — художников-бутафоров, костюмеров, гримеров, театральных светотехников и техников-механиков сцены — готовит Московское театральное художественно-техническое училище.

Аркадий Рысков и сделанная им кукла — Королевна. →

БУДУЩИЕ ВОЛШЕБН

Татьяна ТРОИЦКАЯ

← Показ новых костюмов.

Но это не значит, что одного знакомят только с таинствами бутафории, а другого — с накладными носами. Кем бы в дальнейшем ни стал выпускник училища, прежде всего он должен научиться рисовать. Рисунок, живопись, скульптура—основные предметы на всех отделениях.

Будущие мастера костюмерного дела изучают историю театрального и национального костюмов, учатся шить и расписывать ткани, вышивать. Студенту дается задание: придумать костюм для персонажей представления в соответствии с духом времени и модой той эпохи. Но эпоха эпохой, а главное — все время думать об актере. Платье должно существовать не само по себе, а помогать актеру сыграть роль.

— Я помню,— рассказывает старший преподаватель костюмерного отделения Зинаида Марковна Сирвинт,— как Михаил Астангов в Театре Революции репетировал роль Гая в пьесе Погодина «Мой друг». Вначале актеру очень мешал костюм: раздражал, стеснял его,— пока наконец он случайно не встретил приезжего директора. Тот был в бурках и толстовке. Так Астангов и оделся. И все сразу стало на свое место...

На последнем, завершающем курсе студент должен показать себя настоящим артистом своего дела. Если он костюмер — его обяжут соорудить, например, одеяние Эстрельи из «Звезды Севильи». Или пышный кринолин с золотыми кружевами — Санька из «Петра I». Вероятно, в те времена, когда женщины тратили на свои платья десятки метров парчи и атласа да и мужчины не уступали им в щегольстве, портными могли быть люди с большим воображением. Но они имели дело с подлинной парчой, кружевами и атласом. Перед студентками (кстати, на костюмерном отделении один-единственный парень—первокурсник Коля Емельянов) задача посложнее. Атлас и парчу, бархат и кружева, мех и перья они создают сами — разных цветов и рисунков — из белого ситца и мадаполама, сатина и оконного тюля. Костюмы очень эффектны. В свете театрального прожектора они, пожалуй, не уступают своим великолепием тем 200 платьям Елизаветы Петровны, которые демонстрируются в Оружейной палате. Недаром маленький зал училища не вмещает всех желающих посмотреть эти студенческие изделия...

Но поблекнут кринолины и плащи, оборки и буфы без седых, пудреных буклей! Прически, парики, характерный грим — этим занимаются студенты гримерного отделения. Художник-гример должен причесать актера, завить, подстричь, приделать косу, а иногда, наоборот, лысину, соорудить огромный нос, усы или бороду.

Что такое онегинские локоны? А ломоносовские? Как ни странно, но так именуются женские прически. А какие прически носили люди в древности?.. На десятках картонных листов воспроизводят самые разнообразные сооружения из волос: то, что носили в Греции, в Риме, в XVIII веке, в 40-х, 60-х, 70-х годах прошлого столетия. И не только с внешностью действующего лица знакомится гример. Он должен разобраться и в эпохе, к которой относится пьеса. Не мешает знать и характер персонажа.

...Идет урок сказочного грима.

— Почему это у Лешего косой разрез глаз? — обращается преподаватель грима Алексей Степанович Филимонов к студенту. И поясняет, почему недоволен: — Ведь Леший — это сова. У него круглые глаза, почти без ресниц...

Альберт Узков делает из Юры Майорова, тоже студента IV курса, Лешего. Таково правило училища: гримировать друг друга на уроках и экзаменах. Парик готов, вернее, огромная плешь: Леший стар. Остановка за носом. Его можно сделать из пластилина и из папье-маше. Что лучше?..

Маленькую, с задорными глазами Нину Желманову Клава Гамель загримировала злым царем из «Конька-Горбунка». Несколько росчерков — и юная Нина превратилась в дряхлого царя.

— Это просто,— смеется Клава.— Молодое лицо сделать старым легко, это еще на первом курсе проходят...

Алла Никольская трудится над ярко-рыжим париком «Солнце».

Театральный бутафор — очень разносторонний специалист. Он должен решать задачи объемного оформления спектакля — воздвигать дворцы и пирамиды, имитировать драгоценные камни, лепить из папье-маше зеленых юрких ящериц, румяные яблоки и терракотовую посуду, выращивать леса и рощи. А главное, уметь сделать дешевую вещь красивой, сценически эффектной.

В большой комнате идут занятия. Посредине — стол, заваленный зелеными ветками, листьями, цветами. Нагромождены странные сооружения, которые впоследствии станут гробницами, решетка-

Фото Риммы **ЛИХАЧ.**

ИКИ

ми, деревьями... В углу на газовой плите в чанах варится какое-то ведьмино зелье — столярный клей. И укрепляет впечатление колдовской мастерской черная лошадь, которая раскрывает пасть и страшно вращает огромными глазищами. И вдруг буржуйка — такая здесь неожиданная. Она однажды привела пожарного в большое замешательство: он чуть было не оштрафовал училище за несоблюдение правил противопожарной безопасности... Сомнения его рассеялись, когда студент залез рукой в печку и достал оттуда несколько горящих, пылающих угольков, искусно сделанных из плексигласа и подсвеченных красным светом.

Многие студенты-бутафоры — прекрасные кукольники. Аркадий Рысков сделал красивую куклу — Королевну для сказочной постановки «Пятак и пятачок». Она в газовом платье и алом казакине. У нее милое лицо с подтянутыми к вискам глазами и пухлый рот. Рысков надел ее на руку, и кукла ожила: открыла и закрыла глаза, лицо выразило удивление, негодование, испуг — хоть сейчас на сцену...

— Волшебники! — хочется сказать молодым людям, покидая училище.

— Мы еще не волшебники, мы еще учимся, — отшучиваются ребята.

СОЛЕНЫЙ СОЛДАТ

Анатолий **ИВАЩЕНКО**

Теперь можно смотреть на осеннюю землю и вспоминать, вспоминать... Последний аэропорт, стеклянный и гулкий, остался позади. На развороте прощально сверкнули его широкие окна, в разрывах облаков показалась стая реактивных рыб, но вскоре уплыла и она.

Я лечу из Симферополя к Сивашу на маленьком самолетишке, таком старом, будто он явился из той давней дави, с которой мне предстоит встретиться.

Степь лежит внизу картой-трехверсткой. Исчерченная полосами лесных посадок, вся в черных пятнах зяби, зеленых — озимей, кудрявится садами, сбегает виноградниками. Прижимаясь к проселку, отарой овец бегут мелкие тучи. Пониже их виднеется ровная лента канала. На дне его, окутанные синеватыми дымками, хлопочут игрушки-скреперы...

Будничная, равнодушная земля... И это не очень-то правда, что степной полустанок, видавший две войны, каждому расскажет о них. Нет. Камни немы, как нема земля. Хотя и теперь у отножины вон той неглубокой балки плуг, наверное, нет-нет да и заскрежещет о снарядную гильзу, вывернет помятую каску, так и не спасшую чьей-то головы...

Бывалые деды объяснят, что каска, с острием на маковке «хельм» — с той, империалистической, докажут, что снаряд «французский, Врангеля-барона», а гнутая крышка котелка — «это уже будет последней войны».

Память о прошлом хранят посвященные. Земля только будит ее. Нас посвящали в прошлое теперешние деды, когда они еще были молодыми.

...Помню, как собирались они на праздник. За стол садились тесно, человек по двадцать. Рослые, почти все с усами. Кое у кого еще не доношенные красного сукна штаны с леями. В комнате жарко, накурено... На столе матовые ломти сала, в чашках «матерь всякой закуси» — капуста, моченная с яблоками и резанная крупно, а посередине — ужасающей емкости «четвертя» водки. И разговоры, какие разговоры!

Лежишь на сундуке, заваленный полушубками и шинелями, подопрешь кулачишком щеку и слушаешь, слушаешь. Уже знаешь, что сейчас будут вспоминать дядьку Разумовского, знаешь, что он в самой Москве теперь командует кавалерийской военной школой; знаешь, что бабка сейчас всплакнет по своему сыну, отцову брату Ионе, пропавшему без вести, а потом другой дядька Разумовский расскажет, как на верблюде он затесался ночью в село, занятое белыми, и как, выпоров, белые отпустили дядьку «по малолетству»...

Ты знаешь по именам и фамилиям всех их командиров, знаешь города, какие они брали, и все-таки не наслушаешься. И тебе жалко, когда гости начинают расходиться и мать заставляет тебя спать.

По ночам я воевал на Перекопе. Мне снились костры на той стороне таинственного Чонгара, конармейцы, которые как ни бились, а не могли прорваться через высоченный Турецкий вал... И Михаил Васильевич Фрунзе отдает приказ перейти Гнилое море и ударить по укреплениям с тыла.

Ординарцы носятся на конях, ищут верного человека, чтобы тайными бродами перевел войско через Гнилое море. Нашли. Рыбак Иван Иванович Оленчук, он «за товарища Ленина» и к тому же сто раз переплывал Сиваши.

Стоит на берегу войско: боязно лезть в воду. Комиссар из дядькиной Ударной Огненной бригады Иван Гекало говорит перед бойцами речь: «Третью годовщину нашего молодого Октября встретим в последнем сражении с последним врагом республики черным бароном Врангелем. Презрим смерть! Живые пошлют товарищу Ленину доклад о нашей победе. Вперед, заре навстречу, товарищи и братья!»

Солдаты бросаются в воду. Шинели на них обмерзают и глухо гремят. Коням, чтобы не выдал храп, зажимают морды. На плечах бойцы тащат пулеметы, по вязкому дну волокут пушки. И впереди всех идут рыбак Оленчук, Фрунзе и мой дядька.

Мне снился густой туман, прорезанный прожекторами, и бойцы, штурмующие вал. Я видел, как в Сиваше прибывает вода и связисты держат провод над головой. А войска все лезут и лезут из воды.

Утром отцу надо ехать в бригаду, а ты ластишься к нему, просишь: «Расскажи, папка, еще про гражданскую». И целый день потом бродишь с дружками около речки в тщетной ребячьей мечте: «Может, гранату найду, а то, гляди, и наган».

Далекое, милое детство! Кем были вы для нас, старые отцовские товарищи!.. Помните, как, взрослея, мы солидно вставляли поправки в ваши рассказы, и, покачивая головами, вы соглашались: «Да, да, сынок, не в семнадцатом году, а после. И Климова убило, когда эскадронным был, как же его?..»

А ты подсказываешь: «Остапчук. Ну, из Полтавы... Помнишь, еще часы наградные у него были от Буденного?»

И вы не очень-то замечали, как переходим мы из класса в класс, как расписываемся за вас в своих школьных дневниках, а в том заветном, что велся по ночам, уже появилась строчка: «Послал ей сегодня письмо, предложил дружбу... Она у нас самая красивая».

Вы только как-то по-особому вздыхали, глядя, как сын пришел домой в пионерском галстуке, как потом на пиджаке его зарделся комсомольский значок...

А потом мы увидели однажды, как в глазах ваших заплескалось смятение: «Нету больше твоего Остапчука. Нету! Враг народа оказался... И дядьку Алексея взяли!..»

— Воинка внизу, — прерывает мои раздумья молчаливый летчик, — у Красно-Перекопска и сядем. От Армянска это недалеко, там и к Сивашам и на Перекоп доберетесь автобусом.

Он смолкает, и я опять думаю о бойцах далекой гражданской, об их жизни, похожей на роман, в котором по началу не узнаешь конца, роман, который творит само время.

* * *

Я говорил уже о жестоких сувенирах, таящихся в земле. В этой поездке мне было суждено узнать о невероятной находке в Сиваше. Ее поминали люди в краснoперекопской чайной, куда я зашел пообедать, обсуждали на базаре, в автобусе, в полевых бригадных таборах. А было это так.

...Тяжелая сивашская волна набежала на берег и откатилась. За нею, будто нехотя, плеснула другая, но уже не накрыла до края полоску мокрого песка.

Ветер совсем стих... Начался отлив.

Кузнец Иван Павлов, подкатав штаны, босиком брел по упругому песку к баркасу, поставленному на

замочку недалеко от берега. А вода все убывала. Иван кинул в баркас весла, нашарил на дне мятое ведро и уже хотел черпать, когда взгляд его упал за борт. Кузнец оторопел, в испуге качнулся и растерянно опустился на борт. По спине прокатился леденящий холодок: в неглубокой воде, раскинув руки и вроде даже пошевеливаясь, лежал человек.

«Что за чертовщина?! Последнее время, кажись, никто не утоп...». Иван перевел дух, глянул еще раз. Нет, не показалось, человек лежал. Теперь Павлов рассмотрел его одежду: старая буденовка, рваная шинель с накладными через всю грудь застежками — «разговорами», обмотки, ботинки... «Наваждение,— вслух сказал Иван и передернул крутыми плечами,— никак солдат лежит еще с гражданской?»

Слез кузнец с баркаса, попробовал вытащить солдата. Не поддается: наполовину уже врос в дно. Пришлось разгребать песок. Наткнулся на что-то твердое. Дернул — винтовка. Потом под руки попалась полевая сумка. Положил ее в баркас к винтовке. И осторожно поднял странно легкое тело солдата. Бледный, с всклоченной, низко опущенной головой, он нес его в село на руках. С шинели солдата, с Ивановых брюк и рубахи сбегали струйки воды. От колодца навстречу Ивану кинулись бабы.

Тетка Васена, тронутая разумом еще в девятнадцатом году, когда петлюровцы порубали трех ее сыновей, заголосила не своим голосом, вцепилась в кузнеца:

— Отдай Колечку! Отдай, ирод черный!

На улицу, не успев умыться после работы, выбежал с детворой тракторист Соколюк, птичница бабка Власовна, ее соседка доярка Фомина...

К правлению колхоза Иван подходил сквозь толпу...

— Целенький-то!

— А молодой, годков двадцать, небось.

— На Федора Комова похожий...

— Вода в Сиваше такая, хоть век не испортит.

— ...Не скажи, Петровна, Федор пошире в плечах был...

Под вечер в клуб, где на столе, покрытом кумачом, лежал солдат, собрались старые фронтовики. Подъехал израненный в боях Адам Поддубный, за ним председатель сельсовета бывший комиссар Ударной Огненной бригады Иван Гекало, эскадронный Николай Виховский. Со Строгановки пришел Иван Иванович Оленчук. Тот самый...

Осторожно открыли разбухшую полевую сумку, нашли туго обтянутый мокрой портянкой сверток. Развернули. Дальше шла такая же мокрая бумага. Ее снимали в глубоком молчании слой за слоем, пока Поддубный сказал:

— Дальше вроде суше. Стоп, справки.

Он положил на ладонь два потертых, с рваными краями и слегка подпорченных листка. Прочитал:

— Иванов... Отчество не разберу. Прохор. Так... Девятьсот первого года рождения... Это сколько же ему было в двадцатом?.. Девятнадцать. И не размылось даже, откуда родом.

— Давай-ка сюда...— Взял листки Гекало и, склонив седую голову, нацелился толстыми очками в мутные строчки.— Из нашей бригады парень... Вот что, Адам, надо послать родне телеграмму. А хоронить будем хоть и через столько лет, но со всеми почестями.

Он обвел всех медленным взглядом и каждому отдал приказ. Фронтовики тут же по одному выходили.

Иван Павлов распорядился нагреть воды в соседнем дворе и собрал старух мыть солдата. Когда он вернулся в клуб, Гекало серьезно и торжественно сказал:

— Парень молодой был, и обрядить его надо, как жениха...

Отыскали дома продавца, принесли лучший, какой нашелся в сельпо, черный костюм, белую рубашку, галстук, ботинки... Девчата нарвали в палисадниках цветов. Пионеры поставили у изголовья знамя. А комиссар все сидел у обряженного Прохора и всматривался в его лицо. Может, в одной хате стоял с ними на постое, может, рядом бежал в атаку и ел из одного котелка? Нет, он не помнил его.

— Должно, когда из воды выходили, ударило его,— сказал Оленчук,— помнишь, Иван Васильевич, шрапнелью начали в аккурат бить? Бабы толкуют, у него прямо против сердца три дырки...

— А-а?.. Наверно,— проговорил Гекало, думая о чем-то своем, вздохнул и добавил: — Пушок на губе, вишь? И не брился-то ни разу, сердяга.

Потом комиссар тяжело поднялся:

— Станем, братцы, в почетный караул. Иван, Адам, вы, Иван Иванович, и я в первой смене.

Когда из школы для караула принесли винтовки, Гекало снял со своей гимнастерки орден боевого Красного Знамени, привинтил на пиджак солдата.

...Три дня и три ночи старые бойцы, комбайнеры, школьники и доярки менялись у гроба. За это время слух о соленом солдате прокатился по всей округе. Из дальних, ближних сел в Штурмовое ехали и ехали люди.

А на телеграмму так и не было ответа. Может, давно умерла Прохорова родня, может, переехала в другие места... Кто знает!

На четвертый день огромная процессия двинулась на площадь. За гробом районный оркестр нес печальную мелодию, ветер перехватывал трубачам горло, и марш получался нестройный.

Гекало поднялся на глинистый холмик. Народ затих.

— Не надо плакать, люди,— сказал комиссар Ударной Огненной.— Умирая, мы знали, что придем к своим потомкам и на праздничные пиры и на подмогу в грядущих битвах. Так чего же плакать?.. Он бился не за слезы — за радость живых. Как нетерпеливо хотелось нам счастья! Мы думали: добьем Врангеля, и сразу тут, в Крыму, станет сплошной наш сад, лучше, чем в раю....Хоть бога, конечно, нету. И будут в том саду дворцы, и всем досыта хватит хлеба, какой мы вырастим своими руками. И еще будет там Правда, Совесть, Братство. А обернулось не так быстро. Как жили?! То война, то ожидание войны. Но раз взялись строить, построим все, как загадали.

Он говорил, а на ветру трепетали знамена. Небо над головой комиссара было синее-синее, на берегу ослепительно сверкали солончаки, и чайки носились над водой с громким криком.

И казалось, будто бой только кончился, и что молоденькие хлопцы-прицепщики — товарищи Ивану Гекало и Прохору Иванову, что похоронят они павшего друга, отряхнут пыльные шлемы, троекратно прогремит залп, и трубач заиграет поход.

...Уже обрастает и былью и громкой геройской небылью молва о соленом солдате. Рыбаки говорили мне, что солдат вовсе не солдат, а матрос. На полированном диоритовом обелиске Прохору — то ли по незнанию, то ли еще почему — выбито: «Герой Советского Союза...» В районной чайной — я сам слышал — рассказывали, что ездит к солдату каждый год седая его невеста...

Рассказчик налил друзьям по чаре, снял шапку и поднял стакан:

— Выпьем за помин того солдата.

* * *

Кто из нас мог думать, жизнь, что дорога соленого солдата станет и нашей дорогой? Как сбылись вы, детские сны...

Мы становились такими же, как отцы, хоть были для них детьми даже в тот страшный июньский день сорок первого, когда из репродукторов вырвалось цепенящее: «Война!» Они пошли опять туда, а мы между бомбежками учили сразу ставшие ненужными сильные глаголы, решали задачки по геометрии и стояли в очередях за пайковым хлебом.

Зимой от отца письмо: «Ранен под Феодосией, лежу в Махачкале...» Заезжал после госпиталя домой. Хмурый, молчаливый, говорит: «Кто, кто сломает Гитлеру хребет?.. Вон дядьку Алексея выпустили. Генерал, дивизией правит... Может, и ваш черед? Так вы в первом же бою папу-маму кричать будете».

Мы ушли на фронт из девятого. Нам было по семнадцать, когда в иссеченном осколками саду под холодными Миусскими высотами, преклонив колено, мы давали гвардейскую клятву. Из стрелков нас перевели в бронебойщики. Незнакомый лейтенант повел на гору в окопы боевого охранения. Показал противотанковое ружье: «Патрон вставляется так, целиться сюда. Понятно? Действуйте».

Думал, утром нас сменят, и мы пойдем из охранения спать.

— Когда же,— спрашиваю,— спать?

Лейтенант смеется:

— Никогда!

И все-таки нет, «папу-маму» мы не кричали ни в одном бою и в сорок третьем подошли к Крыму. Так же, как тогда, в давнем двадцатом, стояла глубокая осень. Шли дожди...

Помню мокрую листовку: «Крым на замке. В мире еще нет силы, которая была бы способна прорвать германскую оборону на Перекопе и Сиваше. Пусть германские солдаты отдыхают в окопах.

Они здесь проживут до нашей победы. Путь большевикам в Крым отрезан навсегда».

За Турецким валом зарылись в бетон и камень, ощетинились пушками, пулеметами, врытыми в землю танками и огородились колючкой двенадцать гитлеровских дивизий.

Каждую ночь ребята из нашего разведвзвода лезли в ледяной, обжигающий Сиваш. Три километра без двухсот метров — туда, разведка огневых точек и опять два восемьсот — назад. Идти все равно одетым или голым. Воды — где по грудь, где по шею. Вернешься, разденешься, трут тебя спиртом, укутают в сухое. А тепла нет. Не из чего сделать над окопом накат. Одеяло, четыре штыка по краям — вот и вся крыша. Топить нечем. Жгли тол. Дым от него чернейший. Ходили прокопченные, как черти.

Как-то в землянку заглянул лейтенант. Молодой, вежливый. Представился:

— Лектор. Проведу беседу «Знаете ли вы, что такое гвардия?».

Налетели «юнкерсы». Сыпали бомбы, как горох из ведра. Ребята спорили: попадет или не попадет?

Хватились — лектора нет. «Только ж был тут»... «Юнкерсы» улетели. Смотрим, лейтенант вылезает и как ни в чем не бывало продолжает:

— Знаете ли вы, что такое гвардия?

Говорим:

— Умойся, лицо с темнотой сливается.

А он на полном серьезе:

— Это я потом. У меня, ребята, сегодня еще три беседы.

— Тогда крой про гвардию, а то служим в ней, и знать надо все до тонкости.

На крымских подступах нам приходилось трудно. Надо было так же, как в двадцатом, ударить со стороны Сиваша, повторить внезапный вихревой налет Фрунзе. Ночью в селе Строгановке бывший связной легендарного командарма отыскал знакомый дом, постучался в знакомую дверь и спросил Ивана Ивановича Оленчука.

Старику уже было почти семьдесят, у него болели ноги. Но он взял длинную палку, чтобы прощупывать дно, и так же, как в гражданскую, сказал:

— Пойдемте.

В ту же пору года, что и в двадцатом, в такой же звонкой тишине, подвязав, чтоб не звякало, оружие, без огонька, без кашля брели по воде тысячи и тысячи людей. Проваливались в ямы, надрывались под тяжестью минометных стволов... В детских снах эта картина грезилась мне сказочно красивой. В жизни все выглядело иначе. Темень, серые силуэты людей... Падаешь, захлебываясь горькой водой, а выберешься — шинель в локте тугая, сгибаешь — хрустит. В голове одна мысль: скорей, скорей!

Долго-долго шли по воде. Это было страшно представить.

Вдруг взревели орудия, залаяли пулеметы, столбами поднялась вода. Сверху заныли самолеты. Но было уже поздно. Полк за полком с многоголосым «Ура!», «За Родину!». Где «в бога», где за полубога, все круша на пути, лезли и лезли из воды... Было, было, было!

...На том плацдарме нам приказали взять языка. Ходили ночь за ночью. И все без толку! Ровное, как стол, плато — ни бугорка, ни балочки. Колючая проволока, пристрелян каждый метр. Гроздь ракетных огней в небе и — обнаружены!

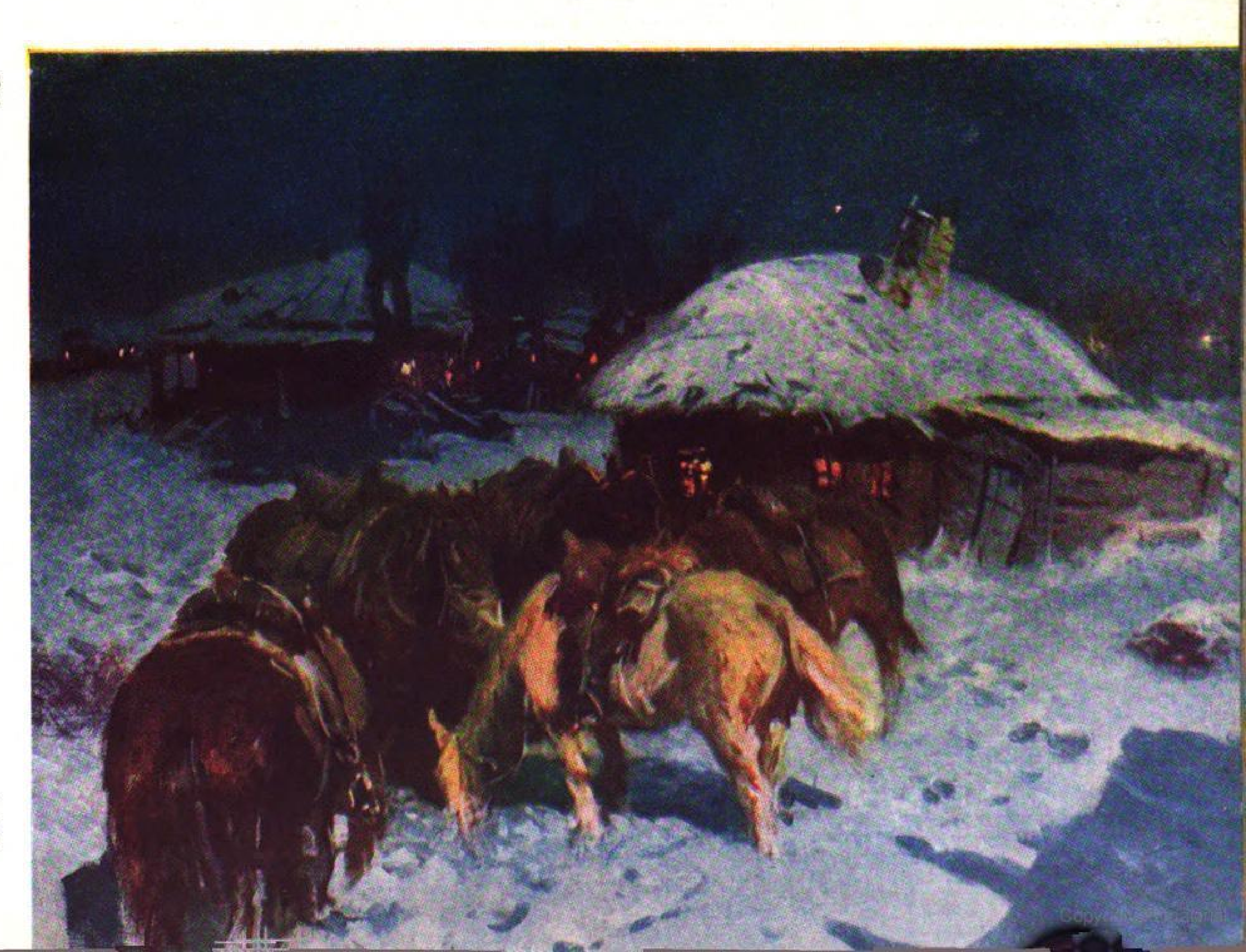
Предлагают контрольный поиск. Идут только те, кто сегодня «в форме». Сами назначаем час выхода и объявляем его в последнюю минуту. Из наших окопов за поиском будет наблюдать большое начальство. Что ж, такая проверка не в обиду.

Последний перекур, поем «Землянку», потом «Темную ночь» и переваливаемся за бруствер. До-

Е. Моисеенко (Ленинград). КРАСНЫЕ ПРИШЛИ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

М. Греков.
НА ДРУГОЙ ДЕНЬ В СТАНИЦЕ ПЛАТОВСКОЙ (1934 г.).

Государственный музей латышского и русского искусства. Рига.

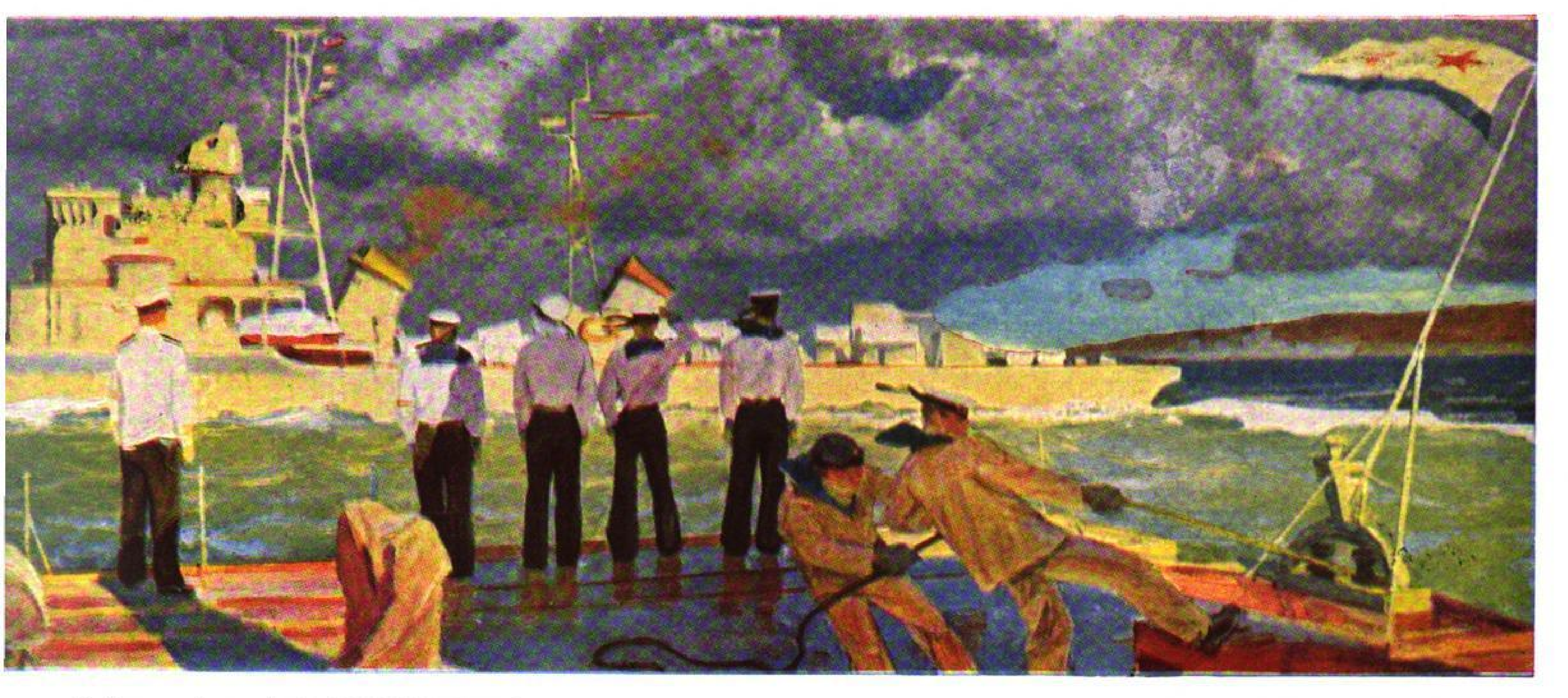
«Огонек». 1962.

А. Лысенко (Москва). ГОД ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ПЕРВЫЙ.

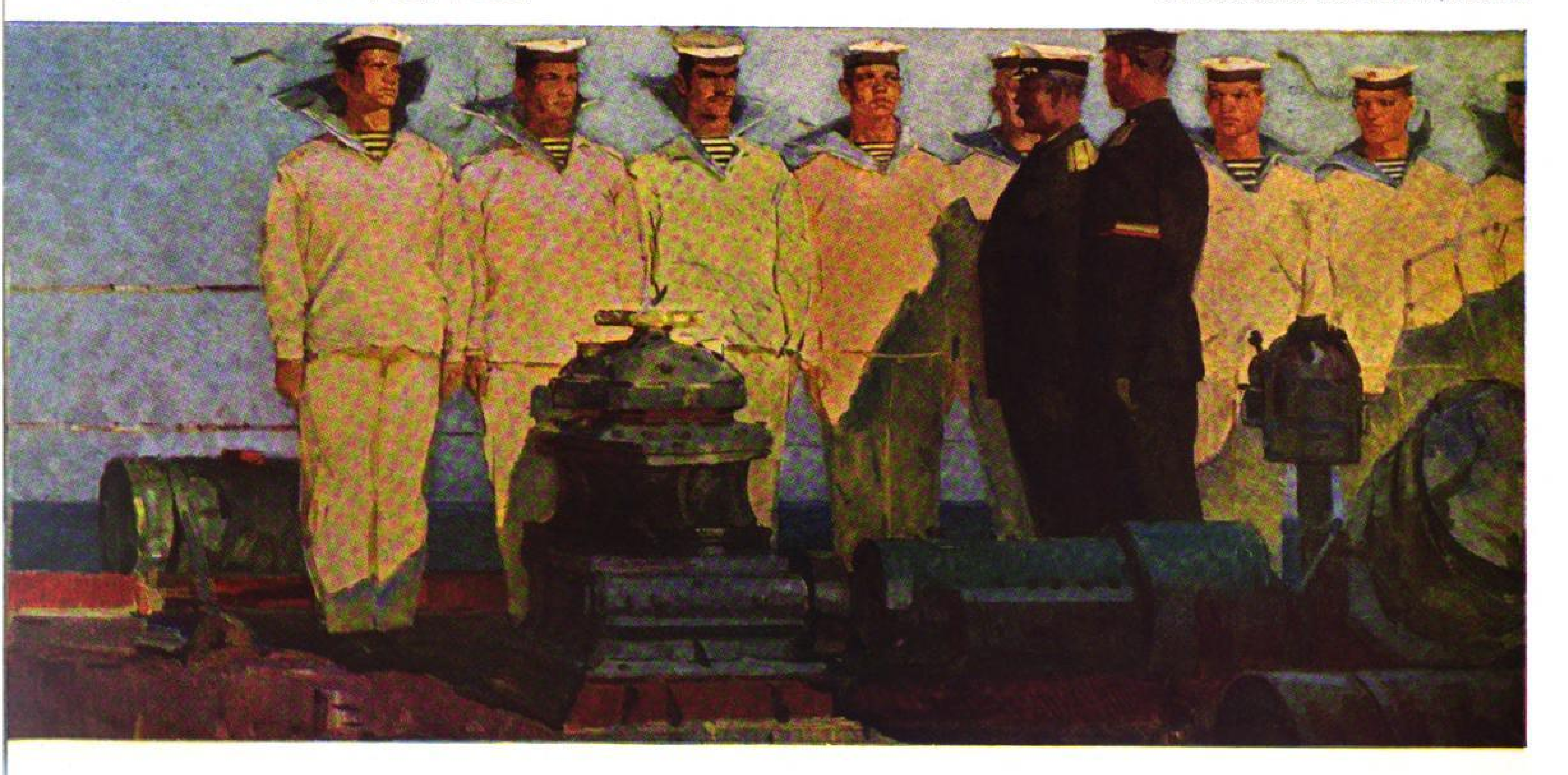

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

К. Иванова (Москва). НА БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ. 3-я Всесоюзная выставка маринистов.

В. Одайник и З. Самойленко (Киев). ПРИКАЗ. 3-я Всесоюзная выставка маринистов.

говор: обнаружат нас или не обнаружат — лезть. Товарищ толкает в плечо — значит, прыгаем в их окопы.

Нас не обнаруживают. Саперы прорезали в колючке дыры, широкие, как ворота.

Лезем. Уже близко. Не дышу. Лезем... Поднимаю голову — почти надо мной ствол пулемета. Толкают. Готовлюсь к броску. Тишина взрывается. Хлестнуло очередью по плечу и где-то около шеи. Над головой, смещаясь то вправо, то влево, летит огонь. Товарищи расстреляны на бруствере. Кто-то еще стонет, потом затихает. А пулемет все бьет. Чувствую, как из ран течет горячее.

Первая мысль была пролежать, не шевелясь, до следующей ночи, потом ввалиться все-таки в окопы. Понимаю: не долежу. Почему-то вспоминается ее имя, лицо... Беру противотанковую, зубами вставляю запал, вырываю тряпицу предохранительной чеки и швыряю гранату через бруствер. По тому, как дрогнула земля, понял: все в порядке.

Ползу назад. Путаюсь в проволоке и на рассвете скатываюсь в свои окопы. Сажают на ящик, раздирают маскхалат. Чей-то голос:

— Трахнуло месяца на четыре.

Рассказываю о ребятах. На душе горько, беру в кулак нервы. Тот же голос:

— В капюшоне пятьдесят две дыры. Как не накрылся!

* * *

Да, жизнь, как странны твои переходы! Мы мечтали о дне победы, этот день казался чем-то большим, ярким и радостным. А дальше полное неведение. Какое будет оно, мирное время?.. Нет, в такую туманную даль за победный рубеж на фронте мы не заглядывали.

Мирное время оказалось таким. Госпиталь — уже четвертая за войну лежка. Все растерянно-ошалелые. Будто нет у тебя ни рук, ни ног, а душа растеклась по всей земле.

На соседней койке старый солдат. Он ранен в челюсть и ногу. Говорить нельзя: лицо забинтовано. Кормят через резиновую трубочку, вставленную в пищевод. Ходить солдату нельзя из-за ноги. Живут у соседа только глаза. Под выгоревшими бровями они кажутся большими, глубокими.

Какие это были глаза! В них плескалась радость, лучилось солнце. Я глядел на него, и мне хотелось дурачиться. А он молчал, все смотрел, смотрел.

Потом нацарапал карандашом на уголке газеты: «Черти, вы пьете, а я?»

Наш брат на выдумку остер. В минуту притащили стеклянную воронку, у двери выставили караул, и скоро воронка уже втиснута в трубку, и мы льем в нее вино прямо из бутылки.

Старшина, танкист, басовитый, с орденами на нижней рубахе, отбирает бутылку:

— Так негоже. Не бензобак все ж.

Он разливает вино по стаканам, говорит тост, все чокаются с соседом, и потом старшина заливает воронку. Когда мы закусываем, он льет ему компот...

Скоро по палатам новость: всех, кто ранен три раза и больше, пускают по домам.

Комиссия, выписка. Мой вещмешок с сапогами, отличной шерстяной гимнастеркой и брюками — подарок мадам Черчилль — куда-то загадочно исчез. Паразит-каптенармус, рыжий, с крючковатым носом, всучивает мне линялую, почти белую гимнастерку с «кокеткой» из новой ткани в полспины, трофейные сапоги с голенищами в раструб и коротковатые брюки. Из их разрезов выглядывают кальсоны, желтые от всеистребляющего мыла «КС». Вместо вещмешка — старая наволока. Под мышкой — костыль, в кармане — бумаги. Инвалид второй группы. Неужели это я?

На первой же пересадке наволока лопается под тяжестью банки со свиной тушонкой. В Ростове захожу в вокзальную уборную и перед зеркалом критически разглядываю фигуру нового Дон-Кихота. Потом еду с таким расчетом, чтобы, боже упаси, не заявиться домой днем.

Ничего, жизнь, не это самое главное! Я знаю, что в ту, гражданскую, случалось буденновцам (что поделаешь?!) держать шпоры в карманах и красоваться в лаптях.

Я обнял на пороге мать, вошел в дом. Удивляюсь, он же был когда-то большой. Почему теперь все стало таким маленьким? Половицы вот-вот провалятся под сапогами. Сажусь на знакомый потертый стул, перебираю на комоде нехитрые фарфоровые безделушки. И мне кажется: стул тоже развалится, хрустнет в огрубелых пальцах моя старая копилка.

Поел — не заметил, как сунул в наволоку ложку. Неужели я не дома? И тут же и простой и неожиданный вопрос: а что теперь делать? В школу? Поздно.

Знаешь, жизнь, нам исполнилось в ту весну ровно по двадцать. А мы были и мужчинами и мальчишками. Как жила во мне детская мечта стать моряком, так и вернулся я к ней. Кинулся на книжки, тренировался ходить так, чтобы не замечалась хромота.

— Там же здоровье надо железное,— вздыхала мать.— А ты...

Она не могла договаривать «калека»...

— Ничего, мама, сейчас июнь, а экзамены в августе.

Сдаю их в три дня. Потом к врачам. Глаза, сердце, уши — все проверяют строго. Везде — «годен». Перед хирургом стояли голой толпой. В последней графе — последнее «годен».

На улице «на нас девчонки смотрят с интересом», дома ребята всего двумя годами моложе просят: «Расскажите про фронт».

Остается мандатная комиссия, и я — на отделении штурманов дальнего плавания.

Меня расспрашивали недолго, сказали:

— На судоводительское отделение вам нельзя. Если хотите, можем взять в багермейстеры. На землечерпалку.

Выхожу, как побитый. На улице долго стоял перед серым тяжелым зданием со статуей Фемиды на фронтоне. Рука, в которой богиня держала весы, отбита, над головой кружит воронье.

Однокашник, тоже вчерашний фронтовик, спрашивает:

— Был на оккупированной территории?

— Да, четыре месяца. После восьмого класса.

— Теперь понимаешь?

— Неужели?!

— Да, поэтому. У тебя так называемые компрометирующие данные. А сейчас проводится операция «Сетка с мелким очком». Вылавливают любую задоринку, и тем, у кого она есть, ходу ни-ни.

Вот оно как повернулось, жизнь! Клял я тебя, сознаюсь, и все кричало во мне: за что? Неужели заработала та же чертова мельница?..

Ночью меня кто-то тряс за плечо. Открыл глаза — оказывается, стою посередине комнаты и сонный кричу. Спрашивают:

— Что с тобой?

— Атака. Остапчука убило... Опять лезут.

По дороге купил на станции курицу в обрывке газеты. Попались на глаза расплывшиеся строчки официального постановления. Про дядьку Алексея: увековечить память погибшего... воздвигнуть памятник в Полтаве...

* * *

Уже под вечер я пробился на бригадный стан. Облетевшие тополя вокруг дома гудели под ветром. Плеска тяжелых сивашских волн здесь не слышалось. Только с дальних гонов плыл мерный рокот тракторов, допахивающих зябь. Навстречу мне лениво вышел серый рослый волкодав. Закинул голову, будто собирался трубно залаять, потом приветливо замахал хвостом.

В просторной передней кухарка прибирала со стола. Трактористы, отужинав, курили.

— Здравствуйте, коли не шутите,— сказал самый старший из них.

Он сидел на низкой скамейке у печки и пускал папиросный дым в поддувало. По красноватому лицу его и белесым, выгоревшим бровям пробегали озорные зайцы.

— Постой, постой...— вырвалось у меня. Что-то до боли знакомое полоснуло по сердцу. Где я видел его? Нет, такой баритон я бы не забыл. Но глаза! В них плещется золотой свет. И шрам на щеке...

— Сосед! Помнишь госпиталь?

— Лежали, как же... Только я что-то не угадываю...

— Мы же с тобой День победы встречали.

— Не-е, брат, я в сорок четвертом отвоевал вчистую. Выходит, что обознался... А чего в наши края?..

Я рассказал, что исходил пешком сивашские берега, искал старый окоп, в котором мерз тут когда-то, искал место, где легли товарищи, где сам чуть не ушел на тот свет. Бригадир крепко обнял меня. Только солдат знает, что это такое — брести, задыхаясь, по бурьянам, пока одному тебе известные приметы не приведут на тот страшный взгорок и ноги твои не подкосятся у заплывшего бруствера. И ты будешь сидеть тут час за часом, вспоминая путь, каким пришли сюда тогда. Эх, не надо про это...

Пока ели борщ, я стал в бригаде своим человеком. Когда приехал водовоз дядька Федор, ему уже объяснили, что к бригадиру фронтовой друг в гости прибыл из самой Москвы.

Трактористы собирали в сумки пожитки, уезжали домой, в село. Ночевать на стане оставались только бригадир и дядька Федор. И меня уговорили не уезжать на ночь глядя.

Водовоз сел к печке и, закурив, спросил:

— А на съезде не были?

— Не пришлось.

— Жалко, а то бы про культ, может, рассказали.

Я сказал, что ведь все печаталось в газетах.

— То мы читали,— вскинул дядька Федор дуги бровей и повторил: — Читали. А вот...

Бригадир засмеялся:

— Дядько Федор никак не может поверить, что вся правда сказана ему, до самого корня.

— Ну, ты языком мели меньше,— рассердился водовоз, и в малых колючих глазках его забегали красные отсветы,— ты партийный, тебе все понятно, а мне еще, может, не дюже.

Бригадир встал и вышел на середину.

— И чего ты мутишь? Чего ты из-за Сталина все чернишь?! Это раз,— загнул он палец.— Другое: ты вот знаешь пофамильно всех председателей, какие валили наш колхоз?

— Знаю. А что?..

— А то, что пока ты канючил, колхоз на ноги встал. У тебя за месяц в семье на каждого приходится заработка, по-старому говоря, больше тысячи. А огород какой? Наташка твоя в институте? Иван в техникуме?

— Ну и что?

— А то, что я не ныл. Работал и работать буду, пока ноги носят. Тут земля вся моими руками перевернутая. Два раза на минах подрывался с трактором. От соли за лето по рубахе на мне сгорало. А жизнь, она, голова твоя садовая, вся наша. И с медом, и с дегтем, и с солью. Нам пахать на ней бугры. Корчевать сорняк, удобрять... Ты думаешь, почему в эту войну растоптали мы вот такого вражину? Да потому, что солдатами в ней были наши, солдатские сыны. И ой как круто им приходилось! И не только на войне...

Мой Колька в плен попал, чуть с голодухи не загнулся. Бежал — опять попался. Потом наши освободили их лагерь. Думает: «На фронт бы скорей». А его в Сибирь. За колючку. Думаешь, протез у него с фронта? Нет, подстрелили, когда из Сибири собрался бежать в Москву, за правдой... Держали Кольку в лазарете, держали... Смотрят: негожий. Пустили, абы с лагерных харчей долой, батьке на иждивение.

Вернулся он, а тут в аккурат начался Волго-Дон. Он туда. Целину объявили — в Казахстан подался. Сейчас в Сибири завод строит.

Золотоглазый бригадир помолчал, пересел ко мне на диван и продолжал:

— Летом приезжал он в отпуск с жинкой и детишками. Спрашиваю его: чего мыкаешься по свету? Пора прирастать где-нибудь. А он мне отвечает: «Я, батя, вроде еще служу, и все еще вроде взводный на меня смотрит».

Понимаешь, брат, у того солдата, что сивашская волна к берегу прибила, тело в соли осталось непорченое. А Николаю душу грязь не вымазала. Пишет: в партию подаю заявление. Как думаешь, спрашивает, примут? Ответил ему: подавай, примут непременно. А как иначе? Мы народ просоленный.

Он повернулся к водовозу и круто спросил:

— Ты это понимаешь?

* * *

...Бывает, жизнь, думаешь о смысле твоем и своем — все сложно, трудно, а услышишь однажды вот такое, и сразу все станет на свои места. И легче тебе живется и легче думается.

Крымская область.

ДО АРИКИ ДЛИННЫЙ ПУТЬ

О. ШМЕЛЕВ

Фото А. БОЧИНИНА.

В далекой южноамериканской стране Чили, вытянувшейся на Тихоокеанском побережье континента наподобие беговой дорожки, 30 мая начнется заключительная стадия VII первенства мира по футболу. Шестнадцать команд, и в их числе сборная СССР, вступят в борьбу за обладание кубком Жюля Римэ — «Золотой богиней». Она весит один килограмм восемьсот граммов, эта маленькая богиня, живущая с прошлого чемпионата мира в Бразилии, но никакими весами не взвесишь спортивный престиж, который она приносит своему обладателю. Потому так трудна всегда борьба за кубок.

Прошлый раз, в Швеции, наша команда выбыла из борьбы после четвертьфинальной встречи. Правда, «наказали» нас тогда со счетом 2 : 0 нынешние вице-чемпионы мира — шведы, и подобный проигрыш кое-кто счел бы для себя почетным. Однако советские футболисты не хотят такого почета и напряженно готовятся к встречам в Чили.

Репортаж о тренировках сборной команды Советского Союза хочется начать с одного вопроса, который мы задали главному тренеру Гавриилу Дмитриевичу Качалину, и с его ответа. Но прежде необходимо вспомнить, из чего складывается программа тренировки всякого спортсмена-мастера, будь он футболист, легкоатлет, гимнаст или боксер. В каком бы виде спорта ни выступал мастер, он обязан быть развитым разносторонне. Поэтому, тренируясь, штангист, например, становится прыгуном в высоту, и наоборот.

Мы спросили у Гавриила Дмитриевича:

— Какие виды спорта больше всего любят на тренировках ваши ребята?

Он улыбнулся и ответил:

— Футбол.

Это было вполне естественно. Мы подумали, что, наверное, футболисты сборной другими видами спорта занимаются без особой охоты. И сразу скажем — ошиблись.

...Плеск воды под гулким сводом плавательного бассейна громок и весел. Блестящим пушечным ядром летает над зеркалом бассейна мокрый мяч. Вот мяч у Игоря Нетто, он хочет передать его Гусарову, но Лев Яшин спешит наперерез... Идет игра в водное поло, и если бы лица игроков не были так знакомы, мы решили бы, что это типичные ватерполисты.

...В зале расставлены гимнастические снаряды. Очередное упражнение — опорный прыжок. Гиви Чохели разбегается. Толчок, стремительный полет, четкое приземление... Будь здесь судьи по гимнастике, может, они вывели бы за этот прыжок баллов девять,— такая оценка прилична не только для футболиста, но и для гимнаста.

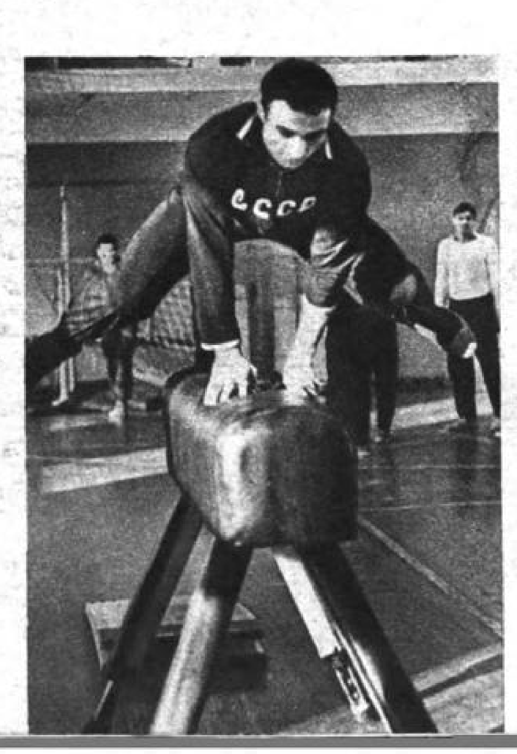
...Когда футболист появляется на баскетбольной площадке, в его психологии происходит целая революция: здесь все наоборот, здесь надо играть руками и запрещается играть ногами. Но, глядя, как действуют под щитом Воронин, Маслаченко, Серебрянников, Иванов, мы испытали даже некоторое беспокойство: не ровен час, во время футбольной встречи у этих игроков вдруг проявится вот такой баскетбольный рефлекс! Впрочем, Маслаченко это не страшно: он ведь вратарь.

...Все на лыжи! Проходит пять минут, и вот уже снежное поле прочерчено двойной строчкой лыжни. Но кто это там застыл в растерянности, не в силах сделать и шагу? Это Котрикадзе. Подъезжает Виктор Понедельник, говорит: «Смелее, Сергей!» А Сергей улыбается виновато: «Не могу!» Все ясно: южане со снегом и льдом близко не знакомы. Михаил Месхи вот так же чувствовал себя, когда надел коньки и вышел на лед.

...Мы видели, как на занятиях по тяжелой атлетике даже самый легкий футболист — Хусаинов (его собственный вес — 64 килограмма)—охотно вступал в поединок со штангой. Мы видели футболистов бегающими наперегонки и прыгающими через боксерскую скакалку.

И, наконец, на крытом корте московского стадиона «Динамо» мы увидели круглый, тугой, звонкий, новенький футбольн.. мяч. Начались занятия, так сказать, по специальности. Качалин и его помощник тренер Гуляев вооружились свистками...

←
А. Мамыкин тренируется с мячом.

Прыгает Гиви Чохели.

У Л. Яшина минута отдыха.

Устали? На то она и тренировка...

А несколько позже всех кандидатов в сборную СССР — их двадцать девять человек — можно было застать около маленького макета футбольного поля: шли занятия по тактике.

— Кто из двадцати девяти кандидатов войдет в команду? Ведь в Чили поедут только двадцать два.

Г. Д. Качалин ответил:

— Все зависит от уровня подготовки. Кто будет в лучшей форме и лучше покажет себя в товарищеских матчах, тот и войдет в число двадцати двух.

Последним нашим вопросом был такой:

— Какую цель ставит перед собой ваша команда на предстоящем чемпионате мира?

— Видите ли,— сказал Гавриил Дмитриевич,— розыгрыш первенства в Чили разбит на два этапа. Сначала игры в подгруппах. Их четыре, по четыре команды в каждой. Команды, которые займут в своей подгруппе первые два места, получат право продолжать борьбу за кубок, а две другие выйдут из соревнований. Можно сказать поэтому, что наша задача тоже разбивается на две половины. Сначала нужно занять в подгруппе первое или второе место, а дальше — борьба за кубок. Сейчас мы думаем в основном о первой половине. Это будет достаточно трудный этап.

Первая игра у наших ребят — со сборной Югославии. Она состоится на стадионе в Арике 31 мая.

До Арики — длинный путь, и он до отказа будет наполнен трудом.

Г. Д. Качалин приступил к занятиям по тактике.

Наперерез И. Нетто бросился Л. Яшин... Позади начеку Г. Хусаинов и Э. Дубинский.

Виктор Понедельник — Сергею Котрикадзе:
— Смелее! Упадешь — снег мягкий.

КОГДА

Повесть

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

VIII

— Даша, Даша, ты пришла... Как ты узнала, что я здесь?.. Видишь, какой я? Ты плачешь. Не надо, слез так много. Я улыбку твою люблю... Улыбка от солнца — да, да... А где дочка, доченька, где ты?..— бредил политрук Фомин, мучился от боли в изорванном осколками теле.

Он лежал в лесу под березой, на шинели, среди ромашек. Принесли его сюда Кирилл и Дмитрий. Батальон разбит, кругом немцы, идут их танки по седым от пыли дорогам.

За лесом — родная Невесель. Если тихо, там и оставят политрука — так решили.

Фомин раскрыл глаза... Все еще жив. Над ним голубое озеро. Это небо, как он сразу не узнал! Но почему там в огне облака? Это от пожаров, все горит... Война.

— Пришли, политрук. Это наш лес,— сказал Кирилл.

— Наш лес... Наш... наш... нашествие...

Кирилл отвинчивает фляжку с водой. Фомин крепко сжимает его руку. Вода льется по разбитым губам, уже пить тяжело, видно, конец скоро.

Дмитрий сидит на пеньке, сгорбился. На душе тошно, никакой надежды, что это когда-то кончится, даже сердце ломит от тоски.

Кирилл подсел к Дмитрию.

— Стемнеет — пойду. Ты здесь останешься.

Закурили самосад. Дмитрий языком подклеил цигарку, спросил:

— Что ты про наше положение думаешь?

— Перенесем политрука и сами ночку отдохнем, поедим — легче будет.

— А дальше?

— Без своих пропадем. Надо к своим идти, своих искать.

— Далеко. Накуем пятки.— И он бросает окурок.

Когда стемнело, Кирилл пошел в деревню поглядеть, что там. Сомкнулись ветви за ним. Горит звездочка в росинке на его следу.

— Мне просто не повезло. Не бежать бы мне к дереву, а в сторону б, за вами, где бы мы теперь были! — говорит Фомин слабым голосом.— Я на ходьбу крепкий. На завод всегда пешком ходил и с завода по бульвару на Серпуховском валу. Хороший бульвар: липы, акации. С дочкой всегда там гулял. Она в песке возится, а я газету читаю. Говорят, там в новые дома бомбу бросили. А я как раз в новых домах жил, на пятом этаже.

Раздались выстрелы в той стороне, куда ушел Кирилл.

Вскочил Дмитрий.

— Вот и новые дома.

Застонал, забился на своей шинели Фомин.

— Ты уходи, Козырев, слышишь, уходи, мне все равно конец. Уходи!

В деревне каменный амбар, даже летом в нем холодно. Отодвинули засов, раскрылась скрипуче дверь, и толкнули Кирилла в черноту. Наступил на что-то мягкое, упал.

Он ощупал пол, потную стену и сел. От гимнастерки коноплей пахнет. По конопле полз к деревне. Немцы... Слышал, как визгливо играла губная гармошка. Зачем полз? Надо было назад вернуться. Хотел матери про себя весточку дать: «Мама, жив!» Забежал в свою баньку за угольком. Нашел уголек и только на двери написал: «Мама...» — ударили в спину, потом об стену головой ударили. Накренилась под ногами земля.

А когда проходил мимо своей избы, увидел разбитые окна, разбитый сундук в проул-

---

Окончание. См. «Огонек» № 7.

ЦВЕЛИ ТАВОЛГИ

Виктор РЕВУНОВ

ке. Потом только узнал, что в деревне своих никого нет: все в лес ушли.

Посидел Кирилл, ощупал голову,— волосы липки от крови... Попался, конец... Вот где конец!

— Посортируют нас кого куда: кого в бурьян, а кому, может, и повезет, сохранят жизнь,— говорил в темноте голос.— Им ведь простого человека невыгодно трогать: кто будет хлеб сеять или уголь добывать?

— А ты на какой же сорт рассчитываешь?

— Я про свой сорт только вспоминаю. Сортирован и пересортирован, так что только мякина летела. Прежде первый сорт был, а потом из меня новый сорт сделали. Даже мог быть выслан к ледовитым морям со своей родной земли, на которой заботами с малых лет жил. Кто пил, кто гулял, кто про политику языком шлепал, а я о хлебушке заботился, и сам имел, и власти давал, было что дать. А как взяли все, распотрошили, то и нос опустил. Без наживы мне один черт, на кого работать. А то сорт. Какой дадут.

— Да тебя сразу в отброс надо, на червя.

Слышал Кирилл шепот рядом:

— Тут агенты — провокаторы, тихо.

— А ты, может, политрук? Ты, может, поагитируешь тут? Где ты тут такой? Покажись, покажись. Не покажешься, нет: сам перед червем дрожишь.

Кирилл вышел из своего угла на голос и ударил. Тот, кого он ударил, закричал. Раскрылась дверь, свет метнулся по стенам.

— Политрук здесь, держите политрука. Вот он, я его знаю. Я его знаю,— вертелся перед Кириллом выродок с большим лбом и остренькими скулами, губы, тонкие, злые, кривились.

«Неужели на земле может зародиться такая гадость? И это — человек!»

Кирилла увели.

В школе, в том самом классе, где когда-то за партой сидел Кирилл, его обыскали. Нашли письмо. Это было письмо Фомина: просил он Кирилла, коль придет он к своим, передать эту весточку.

Вальтер Келлер, немецкий офицер, взял письмо — свернутую в трубочку бумажку, развернул ее.

«Друг ты мой! Невероятно, что я буду жить. Я хочу, хочу жить, но это невозможно. Ванюша, дружок, не знаю, дойдет ли до тебя эта весточка, но если вдруг дойдет, ты скажи про меня моей жене и дочурке, так им скажи, чтоб им не так было больно, что меня нет.

Вот и все, пожалуй.

Привет!

Фомин».

Келлер вернул письмо Кириллу.

— Ты Фомин? — спросил он.

Кирилл не ответил: не все ли равно, с какой фамилией его расстреляют?

Уже светло было, шиповниковым цветом брезжила в тумане заря.

Из амбара в отдушину увидели, как прошел Кирилл с лопатой, за ним шагах в шести — Келлер в фуражке с высокой тульей, в ремнях. Руки у него за спиной, в руках — пистолет.

Прошли у самой обочины, за которой луг, а дальше — Угра, еще в пару. Сколько воли вокруг, родных и милых с детства трав с желтыми одуванчиками и колокольчиками!

Недалеко от дороги, за осинником, Кирилл и Келлер остановились.

— Копай,— сказал Келлер.

Он сел на поваленную березу, рядом положил фуражку. Он бледен, бледны и его волосы. Он недавно здесь и еще не нюхал русского пороха, но все впереди — там, откуда доносится тяжкий гул. Там не только русские гибнут, но и из немецких окопов летят клочья мяса с дымящимся тряпьем.

Келлер глядит, как этот русский копает. Он устал, едва стоит, лопата вырывается из рук, но он снова берет ее, горбясь, надавливает ногой, отбрасывает пласты; отбросил, наконец, и лопату.

— На одного мне этой дыры хватит, даже слишком.

Кирилл садится на край ямы и тяжело дышит, вытирает пот со лба, еще не все испытал, еще должен смерти в упор посмотреть... Мать жалко. Мать узнает.

По руке щекотно ползет «божья коровка». Келлер закуривает, бросает сигарету и спички Кириллу. Курит... Курит, не спешит.

«Докурить даст — и все.— Глядит на золотой обрез на сигарете.— До этих пор, до этой каемочки огоньком дотечешь, моя жизнь».

Быстро тлеет сигарета, и вдруг Кирилл бросает ее. Встает на краю, спиной к яме, пошире уперся в землю...

«Этот русский умеет держать себя. А что, если пощадить его? Нельзя, это враг, и это опасно: есть военно-полевой суд. Это может дорого стоить... Пора кончать!»

— Почему ты не просишь, чтобы я пощадил тебя?

— Просят нищие.

— Но это жизнь.

— В твоих руках пистолет, а не жизнь. Моя жизнь со мной.

— Она с тобой последнюю минуту.

— Но до конца — без продажи.

Келлер сжимает запотевшей рукой пистолет и вдруг видит, что это не его пистолет. Он по ошибке взял со стола чужой пистолет, и он, кажется, не заряжен... Не заряжен!

В заднем кармане обойма. Надо скорей достать ее. Русский понял. Келлер выхватил из заднего кармана обойму, но зарядить пистолет не успел.

Кирилл бросился на Келлера. Они схватились, затоптались в вязкой земле и оступились, упали в яму.

«Зря, зря я достал обойму, мне надо было бежать, и я был бы жив, а теперь поздно. Зачем все это?.. Зачем?.. Я хочу жить!.. Я хочу жить!» — хочет крикнуть Келлер, но слышен только хрип, руки слабеют.

Синяя полоска неба так ослепительна, в высоте жемчужно-белое облако с розовым, словно взорвавшимся внутри, пламенем.

Кирилл вылез из ямы... Келлер жив!

— Пощадите меня!.. Я хотел пощадить вас. Я знаю русских. Я жил в Москве. Мой отец помогал вам строить завод. Сохраните мне жизнь, и я никогда не буду стрелять в русских.

— Ты выпустишь всех пленных в амбаре?

— Да.

— Ты сдержишь слово?

— Да.

— Я посмотрю...

Когда Кирилл скрылся в лесу, Келлер вылез и зарыл яму, чтоб никто не знал, и даже выстрелил, как будто бы расправу совершил.

Счастливая, видно, звезда горела вчера в росинке на следу Кирилла. По этому следу он и пришел под ту березу, где лежал Фомин.

Кирилл встал перед ним на колени. Дышит политрук, дышит, раскрыл глаза и вдруг слезами и улыбкой сверкнул.

— Поярков! — обнял его.— Думал, смерть встречу, а друга встретил!

— А Дмитрий где?

— Он пошел узнать про тебя.

После того, как схватили Кирилла, Дмитрий ждал его часа два. Потом пошел к деревне. Долго таился в кустах в отдалении. Прошли немецкие танки к фронту. Там расслухали багрово-красные зарева. Жутко! Что делать? Куда идти? Печально проскрипел коростель. Нет Кирилла. Может, давно лежит в кустах сам холоднее росы или схватили? Хватают крепко, не вырвешься.

Только тут он почувствовал потерю: один. Было тяжело, но Кирилл решал даже в том последнем бою в окружении, когда, задыхаясь, бились прикладами и лопатками в кустах. Дмитрий был рядом с Кириллом, за ним бежал в самый ад, а не туда, где было потише, и вырвался, и дальше шел за ним, как бы по готовому следу, а теперь не было следа.

«Думал, не пропаду с ним, а он и сам пропал... Сам решай, сам иди. Но куда?.. Куда?»

Раздались голоса невдалеке.

«Сюда идут...»

Ветка треснула под ногой Дмитрия, он попятился и упал. Бежать! Бежать в самую глушь, в болота.

Но до болот далеко, ближе была сторожка лесника Полунина.

Затявкала собака, когда Дмитрий подошел к сторожке. Окна черные, мечутся тени по плетню. Постучал в окно чуть слышно.

— Кто? — раздался за стеклом голос.

Дмитрий шепотом сказал:

— Алексей Яковлевич, свои.

Открылась дверь.

— Кто такой?

— Не узнаешь?

Полунин впустил Дмитрия в избу. Теплынь, хлебом и щами пахнет.

Дмитрий сел на лавку, сил нет даже сидеть.

— Дай хоть хлеба корку.

— Отдали все, а теперь корку. Хрена вон тебе с огорода, а не корку!

Маленький, с каплю, огонек замигал в сторожке. Полунин отрезал хлеба, только кусок, остальное завернул в холстину. Поставил чугунок с картошкой.

Дмитрий откусил хлеба, откусил картошки и, уткнувшись в руки на столе, стал жевать.

— Плохи дела,— сказал Полунин. Он сед, в белой рубашке и в стеганке. Нюхнул табаку, заяснилась от слез голубинка в глазах.— Разбили, что ль, крепко, что один идешь?

Дмитрий не ответил: он спал с зажатым в кулаке куском хлеба.

...— Кирюшку Пояркова расстреляли.

Застонал Дмитрий, проснулся. Какой нехороший сон про Кирилла! Уже светло. Полунин на пороге стоит в мокрых сапогах, в картузе.

— Кирюшку Пояркова расстреляли.

Не сон — правда!

— Где?

— В осиннике за вашей деревней... твою мать, такого малого уложили!

Дмитрий весь день пробыл у Полунина. Жаловался на боль в голове, на ломоту. Пил кипяток с сушеной малиной.

«Расстреляли Кирюшку... Что с политруком? Может, уже жизни лишился? А если жив политрук, и сейчас ему кто-нибудь глоток воды дал, и узнают, что я раненого оставил? Смерть!»

Пронзило Дмитрия холодом, когда он вдруг встретился взглядом с Полуниным.

— Я пошел. Может, приду.

— У меня ничего не высидишь.

— Может, по делу приду.

Из лесу Дмитрий поглядел на осинник за деревней. Бугорок из свежей земли возле осинок.

«Вот и довоевались. Прощай! Стыдно мне перед тобой. Я его без глотка воды оставил!»

Представил, как он вернется и, если жив политрук, водой его напоит, хлеба даст и дотащит к Полунину. И ему хотелось, чтоб политрук был жив.

— Прощай, Кирюшка. Немного я сдал, прости.

Он вернулся под березу, где оставил Фомина. Но его там не было, только трава смята.

«Люди были!»

Тогда-то Дмитрий и забежал в колено, забился в самую глушь под берегом. Вцепился в корень и зубами стал грызть его.

— Подлец, какой я подлец!

IX

Он снова здесь. С ним Рина.

Они работали вместе в поликлинике. Она молоденькая, только что с курсов, медсестра, с которой он как-то столкнулся в раздевалке. От неожиданности она вздрогнула. Так показалось ему в ту минуту.

Он уже не мог не думать о ней.

На работу он шел в радостном ожидании встречи с ней, все равно где: в раздевалке, на лестнице. Особенно бывал счастлив на собраниях. Садился где-нибудь неподалеку от нее. У нее были тонкие плечи и тонкая, в матово-белой свежести шея, по которой скользили длинные черные волосы.

Все ему нравилось в ней, даже как она сидела, прямо и спокойно, положив на сумочку руки. В мочках ушей — рубины сережек. Черные волосы и эти рубины — мгла и взблескивающий огонь.

«Я его люблю»,— хотел он, чтоб так подумала она о нем, как он думал о ней.

Что на свете не случай!.. В воскресный день он увидел ее. Он ехал в машине, а она шла по тротуару в красной, похожей на цветок, шапочке, в сером коротком пальто, ноги длинные, стройные, в туфельках со стрелками каблучков.

Он остановил машину с раскрытой дверцей.

Она села, в машине было тепло, от стекол едва-едва продувало ветром, и в тепле она почувствовала запах талого снега. Скоро весна! Это так радостно, что скоро весна, с черемухами и сиренью и новыми, как ручьи, сверкающими надеждами.

— Вы свободны сегодня? — услышала Рина его голос.

— Да.

— Поедемте куда-нибудь.

— Куда?

Они уехали за город, свернули на просеку среди берез и тут вышли.

За городом и зимой воздух чуть-чуть пахнет медом — это от сена, тлеющего летним теплом в стогах и сараях.

Лес был рассечен широкой просекой, которая спускалась к ручью, а за ручьем поднималась в гору. Небо над горой мутное, сырое.

— Я приезжаю сюда почти каждое воскресенье,— сказал Дмитрий.— Надеваю валенки и иду вон на ту гору. Но сегодня мои валенки наденете вы.

Рина сняла туфли, ноги ее были в прозрачном капроне, сквозь который просвечивали льдинки ногтей. Надела валенки — они были большие и высокие — и рассмеялась. Молодой, яркий рот, и белые зубы, и эта красная шапочка над снегом, и пар от дыхания, и запах духов и тепла — сколько красоты в ней!

«Я ее люблю, люблю!..»

А ей хотелось быть хорошей с ним. Она знала, каким он богом был, когда в маске и с поднятыми в блестевших перчатках руками медленно шел к белой двери, которая раскрывалась перед ним и закрывалась.

За этой дверью тайна для посторонних, там тихо и только его голос: «Пинцет... Еще один... Ножницы... Зажим...»

Там все подчинялось этому голосу без промедления.

«Все»,— раздавался в тишине его голос с эхом под сводами, и он выходит, за его спиной ярко горит свет, и как бы из этого света глядят его глаза, радостно или сурово, а то и безнадежное раздумье печалит их.

Сейчас глаза его веселы, лицо в румянце, а голос совсем простой.

— Я иногда приезжаю сюда работать. Читаю, пишу. Мозг в абсолютной, я бы сказал, кристальной тишине. Я обычно ставлю машину вон там, на горе. Но сегодня лучше походить. Сегодня — воля. Я рад, что встретил вас, Рина. Чувствуете, уже пахнет весной? Здесь воздух чист. До ближайшей трубы с дымом семь километров. А прямо через лес — Звенигород. Город, который звоном колоколов возвещал о приближении врага. Отсюда и название — «Звенигород».

— Я не знала, я думала, это потому, что город такой звонкий, веселый — «звени-город».

— Вы были там?

— Давно. Там такая чистая вода, помню, быстрая, она тоже звенит, когда плывешь.

— А какие там соловьи! Меня как-то раз завезли туда послушать знаменитость среди соловьев. «Ванюша» — так звали этого соловья. В овраге жил, на самом дне, у ручья. Чудо! Как он чокал — гроза, гнев, даже удивительно, откуда такая страсть, сила! А свист — такой печалью позовет вдруг... Погубили.

— Как погубили?

— Поймали и в клетку продали с обманом. А обман был такой. Когда соловей один, его еще можно ловить, а в паре, влюбленного, его не тронь: погибнет в разлуке. Его и разлучили, разлученного повезли, говорят, в мешке, чтоб не бился.

— Вы правду говорите?

— Да, к сожалению.

— Он же знал, этот человек, зачем же он это сделал?

— А вы поживете, может, и не то сделаете.

— Я?

— Я вам объясню.

Они шли по просеке с широкой тропкой и лыжнями. Снег зазернился от тепла и влаги, рассыпчат, стеклянно блестит на буграх.

— Допустим, я вас люблю,— начал свое объяснение Дмитрий.— Но есть другой. Он победил. Любовь, если хотите,—это борьба, схватка без жалости, сверкание молний, тут нет мира, все идет до конца. Мучайся, страдай, молись, прыгай в пролет — вы не придете. Вот и пропал человек. Что там соловей!

— Неужели неудачной любви достаточно, чтоб пропал человек?.. Мой папа был на войне, раненый попал в плен. Он пришел через семь лет. Открываю дверь, а он на пороге улыбнулся: «Вот и я». Он хотел прийти домой гордым, со своей улыбкой, таким, каким его любила мать, и он пришел таким, непобежденный. А ночью я слышала, как мама плакала. После она мне сказала, что тело отца в рубцах, его били... Моего папу били. Он мучился от боли, унижений, разлукой мучился, но не пропал... Вы его оперировали три года назад, и после мне показали на вас: «Это он!» Я вас тогда поцеловала. Вы не помните, вы забыли.

— Разве это были вы? — Весь так и вспыхнул Дмитрий и поглядел на Рину, хотя глаз с нее не сводил, но тут поглядел с удивлением.

— Вы были гордый и чуть даже суровый — так мне тогда показалось.

— Я вспомнил: девушка в белом платье!

— А потом в белом халате встретили меня в раздевалке и сделали так, чтоб я работала с вами,— это мне по секрету сказали.

— Вы мне понравились, признаюсь. Признаюсь во всем,— восторженно и громко говорил Дмитрий.— Но постойте, постойте, как все это неожиданно! Это были вы в белом платье? Помню, помню!

Они остановились возле ручья. Вода с бульканьем вырывалась из-под льда, кипела в корнях лозы. Тонкий ствол ее как бы пересечен у комля белым, в снегу, полем; под берегом корни свились мускулисто. Быстро бежит вода, уносит под лед сверкучее солнце.

— Признаюсь во всем, Рина! Вы видели, как играет свет в бриллиантах? Обыкновенный свет, и нужен бриллиант, чтоб увидеть все огни света, всю красоту, которая скрыта в нем. Для человека любовь — тот самый бриллиант. Все живем, все любим, но настоящая любовь, как все настоящее,— редкость. Ей нужно и солнце, и цветы нужны, и хлеб прежде всего. Без хлеба любят хлеб. Многие даже и не подозревают, что они не любили. Обманутые минутной страстью, выгодой или просто жалостью, прошли мимо своего бриллианта. Жена не знает, что она нелюбима, а муж не знает, как прекрасна была бы его жена, но не с ним, и чувствуют это, что чего-то нет. Живем и мы. Некоторые знают меня. Но разве можно все знать о человеке? На работе, допустим, я прошел мимо вас. Но я не просто прошел, я, может, целую неделю эту минуту ждал. Что неделю! Я всю жизнь ждал такую, как вы, не зная вас, ждал.

Ей признались в любви, ее любили.

«Он меня любит... Любит!» — звенел в ней веселый голос.

«Она теперь знает, что я люблю ее».

Он смял крепко похрустывающий в руках снежок и загадал: «Если я попаду в ту сосну, то и она меня любит».

Он размахнулся — снежок четко шлепнул в ствол.

— Я уверен, что вместе нам будет хорошо.

— Да.

Это «да» обрадовало Дмитрия. Он снова смял снежок и опять загадал: «Она будет моей женой».

Но не решился бросить: промах огорчил бы его.

— Хотите летом поехать куда-нибудь? Знаете куда? На Угру. Река, травы, рыбалка. А леса — сосны смолистые. Я там родился.

— Поедемте,— сказала она.

Он размахнулся, и снова снежок шлепнул в ствол.

— Я буду ждать, а жить начну с того дня, когда мы сядем в машину и вырвемся на целый месяц.

X

— На Угру, едем на Угру,— говорил Дмитрий своим знакомым.

Он был счастлив, сразу и забыл, как мучился, ждал этого дня, не верил, что Рина поедет. «Она едет!»

Он купил палатку, надувную лодку и спиннинг с автоматической катушкой.

Еще надо было заехать к знакомому врачу, взять у него какие-то необыкновенные крючки.

На улице Горького перед светофором он остановил машину. Справа над площадью поднималась тень Пушкина. «А на бульваре, где прежде стоял, все-таки лучше было: там он издали, как будто из веков, выходил к этой вот улице, к нам. А тут он в квадрате площади — математика, постановление, а поэзии нет. Или уж там привыкли его видеть?»

Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются — и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг...

«Мой друг, мой нежный друг...» — повторил Дмитрий, стараясь представить, как сказала бы Рина эти слова.

В это время за стеклом машины мелькнул мужчина в зеленой клетчатой рубашке, очень уж знакомое лицо, где-то видел, и Дмитрий вдруг чуть не вскрикнул.

— Кирилл!

Не поверил, не может быть, даже привстал в машине, глядел вслед, пока не скрылся он за углом. Показалось или на самом деле это был он?

Сразу же в справочном бюро узнал. Да, такой проживал в Москве, дали и адрес. «Невероятно, ведь он же расстрелян, была и могила на краю осинника!»

Вот тогда-то и навестился Дмитрий к дому Кирилла. Хотел зайти, но пораздумал и решил: тут что-то не так с этим расстрелом, тут, может, что-то и скрыто.

«Какое мне, собственно, дело, да и некогда! Потом, потом, может, зайду».

А встреча случилась: вместе и в машине ехали и за ухой посидели. Все и обошлось, если бы не те чудовищные слова, которые сказал Дмитрий: «Знаешь, подлец». И сам ужаснулся, что сказал. Но поздно!

Они стояли друг против друга, вдвоем.

— Политрук расстрелян, а ты жив,— сказал Дмитрий и посмотрел на Рину, которая сидела на берегу: не слышала ли?

— Кто расстрелян? Фомин?

— Да.

— Он жив!

— Фомин жив?.. А говорят... А как же удалось тебе, постой, как же ты спасся?

— Ты как будто чего-то испугался? Меня подлецом обозвал. Жив — так подлец. Чего

ты испугался, Митя? Ведь, говорят, ты тогда вернулся, с водой и хлебом? За водой и хлебом к Полунину ходил? А у нас не было времени тебя ждать. Мы с Фоминым жалели, что не дождались тебя. Пропадешь, думали. Не пропал.

— Прости, Кирилл.

— Ты поспешил, погорячился.

— Да. Прости.

— А как я остался жив? Мне просто повезло. У этого немца не был заряжен пистолет. Он дал мне слово выпустить наших пленных в амбаре, и я его пощадил... А если бы политрук умер от ран? Как я доказал бы тебе?

— Я поверил бы тебе... Прости.

—...Что у вас там случилось? — спросила Рина, когда Дмитрий подсел к ней в траву.

Дмитрий поглядел в луга, где шел Кирилл.

— Можно мечтать о каком-то необыкновенном человеке. Но есть люди сильней мечты.

XI

Кирилл стал работать шофером в совхозе. Сколько сразу встреч и знакомств случилось в дороге!

Один раз он встретил Рину.

Она была одна, ходила в лес за земляникой; набрала целую корзинку у самой дороги, на сушистых вырубках с порыжевшими папоротниками и пнями. Ягоды бело-розовые и красные, крупные, особенно в траве, а возле пней мельче, но слаще, подвяленные солнцем.

— Какая вы богатая! — сказал Кирилл.

Он загорел, был весел, и это ей понравилось.

— Это здесь земля такая богатая. Я никогда не видела столько цветов... А вы уже работаете?

— Да.

— А живете где?

— Пока у Павла.

— Я все вспоминаю ваш рассказ про мальчат. Это так трогательно, что вы рассказали про эту их радость.

— Значит, вы не обиделись на меня?

— За что?

— Вы тогда ушли.

— Да я и ушла, чтоб не слышать вашего спора. Мужчины это любят, а мне дороги были мальчата, ваш рассказ про них. У вас светлое сердце.

«Вот ты какая!»

— Я совсем не так думал о вас. Вы добрая и нежная... Я, может быть, спешу все сказать. Но как же не спешить! Когда еще увижу? Может, и никогда. Собрались — и нет вас, Рина.

— Арина меня зовут.

— Арина... Ариша... Аришенька... Платочек бы вам да луг некошеный!

Она улыбнулась, глядя в его глаза со свежестью утренней синевы.

— Почему луг некошеный?

— Так, мечта.

— Вы столько испытали, и неужели еще не пришли к вам ваши мечты, чудесный вы человек? Хотите, я надену платок и выйду в некошеный луг? Где он?

— Зачем же разорять счастье, Ариша? Я вчера ехал и видел с дороги ваш огонек. Он был розовый, точно цветок шиповника.

— Так иногда кажется.

— Но есть совсем несчастливые огоньки. Такой огонек горит у соседки, рядом с ней живу. Одна, двое детей. От кого? Никто не знает. Но она мать, а они дети — двое мальчат. Я хочу, чтоб эта женщина полюбила меня, и если она полюбит меня, я раз в жизни совру перед людьми ради этих мальчат, скажу: я их отец.

— Милый вы, милый... Я буду ждать такого, как вы, раз знаю, что есть такие люди.

XII

Дмитрий в это время сидел с удочкой в лодке. Но не глядел на поплавки, все думал, что чего-то нет между ним и Риной, какой-то искорки, взгляда, а пора бы.

Еще больше затревожился он, когда Рина пришла с ягодами из лесу. Показалось ему — что-то случилось: глаза у нее и глубже, и красивее, и блеск в них нежнее.

«Что-то случилось, она что-то знает, чего я не знаю,— подумал он.— Но не заглянешь в душу».

Не спал в эту ночь, ворочался.

«Мужичонка какой-нибудь и тот счастливее меня, потому что лаской обрадован. Все можно иметь и быть несчастным без этой вот ласки. А ее не вымолишь, она как дождевая капля, которую не заставишь упасть там, где тебе угодно. Она может пролететь мимо сада и упасть в бурьян, и бурьян ее выпьет».

Все равно, даже самая преданная любовь когда-то уйдет, а раз так, то надо любить каждое мгновение, он должен любить, пока она с ним. А он растрачивал эти мгновения — золото дней — на какие-то раздумья. Не для этих раздумий он приехал сюда.

По мокрой, холодной траве идет к машине. Рины нет. Она на берегу. Река вороненo блестит, льется лунный свет на быстрине.

— Ты не спишь? Почему?

— Не знаю. Какая-то птица кричала так печально: она, наверное, погибла.

— Ты глядишь мимо меня, все эти дни ты глядишь мимо меня, а я так люблю твои глаза! — говорил он и прижимал ее руки к губам, целовал.— Почему ты глядишь мимо? Я люблю, люблю тебя, Рина. Если бы ты меня так любила, я был бы горд, что меня любят, что во мне есть что-то необыкновенное, раз ты меня любишь. Ты любишь меня? Только правду. Я был честен с тобой, будь и ты честна со мной.

— Я хотела бы уехать.

— Почему?.. Может быть, мы переменим место, у нас есть еще время и для моря.

— Нет-нет.

— Что ж, я отвезу вас... Но что случилось?

Она впервые, может быть, видела так близко землю или только теперь заметила, что земля — это прах перегоревших и перепревших корней, трав, цветов и листьев; из этого праха солнце творило жизнь — новые корни, травы, цветы и листья, всю эту зелень, сияющую и трепетавшую в прозрачно-хрустальном зное.

«Просто и чудесно!» — подумала Рина и расплела порозовевшими от земляничного сока пальцами стебли белоуса, под которыми краснелись ягоды, порвала паутинку, которая упруго натянулась, заскрипела на травинке и лопнула, и, когда лопнула, сразу сверкнуло стекло машины за кустом.

Машина остановилась. На дорогу вышел Кирилл. Рина в платье с подсолнуховыми цветами идет среди тонких березок. Подошла с корзинкой в одной руке, другой прижимала к груди ворох белых ромашек, среди которых пылали искры гвоздики.

* * *

Машина неслась по мокрому, озаренному голубым небом шоссе, и чем дальше уезжала Рина, тем грустнее ей было. Так никогда не грустила она.

...А в колене, на уступе берега, сидел с косою Кирилл. Дождь спутал траву, смыл следы на песке, как будто ничего тут и не было.

Казимир **ЛИСОВСКИЙ**

ТАЙГА БИРИЛЮССКАЯ

Хозяин «виллы Кедровой»

Из открытого окна тянет густым, смолисто-пряным ароматом тайги и сыростью болот. Мимо проплывают одна за другой новые, еще незнакомые станции, если можно назвать станциями эти маленькие красные вагончики без вывесок.

Я впервые еду в рабочем поезде от Ачинска на север. Еду по одному из участков новой железной дороги Ачинск — Абалаково. Движение здесь до станции Суриково открылось сравнительно недавно.

Быстро смеркается. В темноте я не вижу людей, сидящих в соседнем купе. До меня доносятся только их разговоры — обычные, житейские. Слышу чей-то густой бас: «Однако Кипрейный проезжаем...»

Бас приближается ко мне.

— Не найдется ли у вас папироски?

Протягиваю пачку сигарет. Чиркаю спичкой. Огонек на мгновение вырывает из темноты бородатое лицо.

Бас продолжает:

— Говорю, Кипрейный проезжаем... Разъезд такой. Вы, однако, не здешний.

— Красивое название.

— В этих местах пчеловод один живет. Знаменитый! О нем и в газетах писали и кино недавно нам показывали в Сурикове. На весь край славится своими медосборами. Да что там край! На всю Россию, сказывают. А мед-то пчелы собирают с кипрея. Оттого и название разъезда — Кипрейный. Тамо-ка его пасека. Шалагиным звать. Может, слышали?

Конечно, я слышал об этом человеке. Слышал еще давно, до войны.

А наутро я уже сидел у него, в его новом, добротно срубленном из золотистых кедровых бревен доме. Из окна виднелась тускло поблескивавшая речушка Суразовка, впадающая в Кемчуг. Вокруг на десятки километров простиралась тайга. Когда-то в эти места надо было добираться из Ачинска три-четыре дня. Ведь даже до районного центра — Бирилюсс — отсюда около ста километров!

Но рельсы железной дороги разбудили и эту глухомань. И то, что я, выехав несколько часов назад из Ачинска, уже сижу за столом в большой, пахнущей кедровой смолью избе, — лучшее тому доказательство.

На столе лежит распечатанное письмо, полученное из Красноярска, от одного из местных прозаиков. Василий Федорович Шалагин, хозяин дома, протягивает его мне. Письмо начинается шутливым адресом:

«Остров Счастья,
Вилла Кедровая
У залива Раздумья».

Он плотен и коренаст, хозяин «виллы Кедровой». У него большой покатый лоб и сильные руки. Про таких говорят в народе: крепко сбит. И хоть ему сейчас уже под шестьдесят, но, пожалуй, только некоторая грузность в фигуре напоминает о его годах.

Я смотрю на Василия Федоровича, на его крупные руки и думаю: как же надо любить своих пчелок, свой медвежий угол, чтобы так самозабвенно отдавать себя целиком, без остатка, любимому делу, чтобы всю жизнь провести в тайге, вдали от городов и поселков!

Но всю ли жизнь?

— В тридцать пятом году мне удалось собрать с каждой пчелосемьи по двести пять килограммов валового меда. Это был самый высокий результат в стране. В следующем году меня наградили орденом Ленина. К тому времени на нашей колхозной пасеке было уже сто пять ульев...

Вот тогда-то,— улыбаясь одними глазами, продолжал он,— случилось непредвиденное. Спокойно я жил. Каждый год получал хороший медосбор, был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. И вдруг... вызывают меня в тридцать восьмом году в Москву, в Наркомат земледелия РСФСР. Предложили мне должность начальника Главного управления пчеловодства. Я взмолился: «Помилуйте, какой из меня начальник? Я ведь самоучкой научился читать и писать, в то время и школы за двадцать пять километров вокруг не было...» «Ничего,— говорят,— сдюжишь, ты мужик крепкий...» На начальника я не согласился, а на заместителя уговорили. Два года пробыл в этой должности. Три брошюры написал о пчеловодстве. А в сороковом году поступил в Академию соцземледелия — была такая. Проучился там зиму. К весне стало невмоготу. Так потянуло в тайгу — сил нет! Стал проситься. Куда там! Я еще потерпел-потерпел, а потом сбежал. Самым натуральным образом. Спасибо Михал Михалычу Пришвину, это он меня надоумил. Любил я его книги. Некоторые страницы до сих пор наизусть помню. Часто он бывал у меня, ездили на охоту. И как-то на одной из подаренных мне книг написал: «Поближе к пчеловодам, подальше от Наркоматов». Я так и сделал.

Мы долго проговорили в тот день с Василием Федоровичем. О его судьбе можно было бы написать целую книгу. Да какую! Можно было бы рассказать, как в годы войны, на подступах к Москве, он был тяжело контужен, попал в плен к гитлеровцам; как вели его по дорогам Смоленщины в лагерь смерти; как организовал побег, как бежали они под градом пуль в лес, прятались, пробирались по околицам сел, занятых немцами, и как выбрались наконец к своим...

Вернулся солдат домой и снова занялся любимым делом. В 1946 году вызвали его в Москву, предложили организовать здесь, на Кипрейном, опытную пасеку Научно-исследовательского института пчеловодства. Десять лет проработал он на этой должности. Потом пасеку передали техникуму, при котором работала годичная школа пчеловодов. Шестьдесят человек обучались в ней. Затем школу закрыли, а пасеку передали Нагорновскому совхозу... Я бы мог привести несколько выдержек из плаката, посвященного опыту работы В. Ф. Шалагина. Там много хороших, убедительных цифр. Тем более удивительно, что Красноярское краевое сельхозуправление закрыло не только учебную пасеку, но и единственную в крае школу пчеловодов...

На следующее утро мы с Василием Федоровичем и его женой Анастасией Федоровной поехали на пасеку. В пути Василий Федорович горько сетовал:

— С пчеловодством у нас в Сибири дело обстоит с каждым годом все хуже и хуже. Взять хотя бы наш Бирилюсский район. В тридцать пятом году здесь было девять тысяч пчелосемей, а теперь едва три тысячи наберется.

За разговором мы не заметили, как подошли к пасеке. В окружении берез, правильными рядами стояли восемьдесят маленьких домиков-ульев. Они были уже утеплены и приготовлены к зиме. Крохотные крылатые обитатели их могли не бояться никаких холодов.

Василий Федорович пошел осматривать ульи, проверять у пчел запасы кормов, оставленные на зиму, а я отправился в тайгу. Высоченные метелки тимофеевки, стебли борщовника тотчас же скрыли меня с головой. А потом тайга словно расступилась, и на полянах, залитых лиловым кипреем, возник передо мной мертвый, горелый лес. Обугленные стволы упирались острыми, почерневшими вершинами в осеннее небо. И мне показалось, что я уже где-то видел именно эту картину. И вспомнилось: на цветной линогравюре замечательного сибирского графика Владимира Ильича Мешкова, моего давнего друга. Она так и называлась: «Бирилюсские гари». Я и не знал, что через несколько часов встречусь с ним, что в Панкове, рядом с «виллой Кедровой», стоит его скромная избушка, куда он приезжает на месяц-два поработать над этюдами, эскизами, над своими новыми линогравюрами.

Чародей цветной линогравюры

Я встречал Мешкова еще до войны, когда он работал в газете «Красноярский комсомолец». Сухопарый, подвижный, со смуглым лицом, всегда спокойный, он позднее всех засиживался в редакции, вырезая на куске линолеума то заставку, то какой-нибудь пейзаж.

А потом он уехал на Север, в Эвенкийский национальный округ, работать в редакции окружной газеты. Погрузил на теплоход «Мария Ульянова» целую телегу линолеума и поплыл в Туруханск. А из Туруханска уже на катере добрался до Туры, окружного центра Эвенкии.

К первым работам молодого художника-самоучки внимательно, по-отечески отнесся известный советский график П. Староносов, а позже — один из старейших мастеров гравюры, И. Павлов. Оба они долгое время помогали ему добрыми пожеланиями, дружеской критикой... Началась война, и я потерял его из виду. Он, оказывается, был призван в армию, служил до 1946 года командиром автомобильного подразделения. После войны я встретил его работы на страницах центральных журналов и газет. Все чаще и чаще стали появляться его линогравюры в столичных изданиях. И трудно было удержаться от возгласа искреннего изумления. Каким точным и емким стал каждый его штрих, каким уверенным — резец!

Вот его цветная линогравюра «Поздний гость». Это, по сути дела, вполне законченный рассказ, небольшая поэма. На переднем плане — усталые олени. Один из них прилег на снег. Стережет поклажу мудрая лайка. Брошен на снег хорей — шест каюра, которым он погоняет оленей. Вдали гостеприимно светится окошко заметенной снегами избушки с высокой мачтой радиостанции. А над всем этим — над избушкой, над белым безмолвием — сполохи полярного сияния, его мерцающая лента.

Серию цветных линогравюр посвятил В. И. Мешков Шушенскому, заповедным местам, связанным с пребыванием Владимира Ильича Ленина в ссылке. Самой заветной, самой любимой темой остается для него Север. Каждый год, иногда даже по нескольку раз, приезжал он в Эвенкию. Однажды прожил там полгода: опоздал на

В. Мешков. СЕВЕРНЫЙ ПОРТ.

Гравюры на линолеуме.

НА БЕРЕГУ КАРСКОГО МОРЯ.

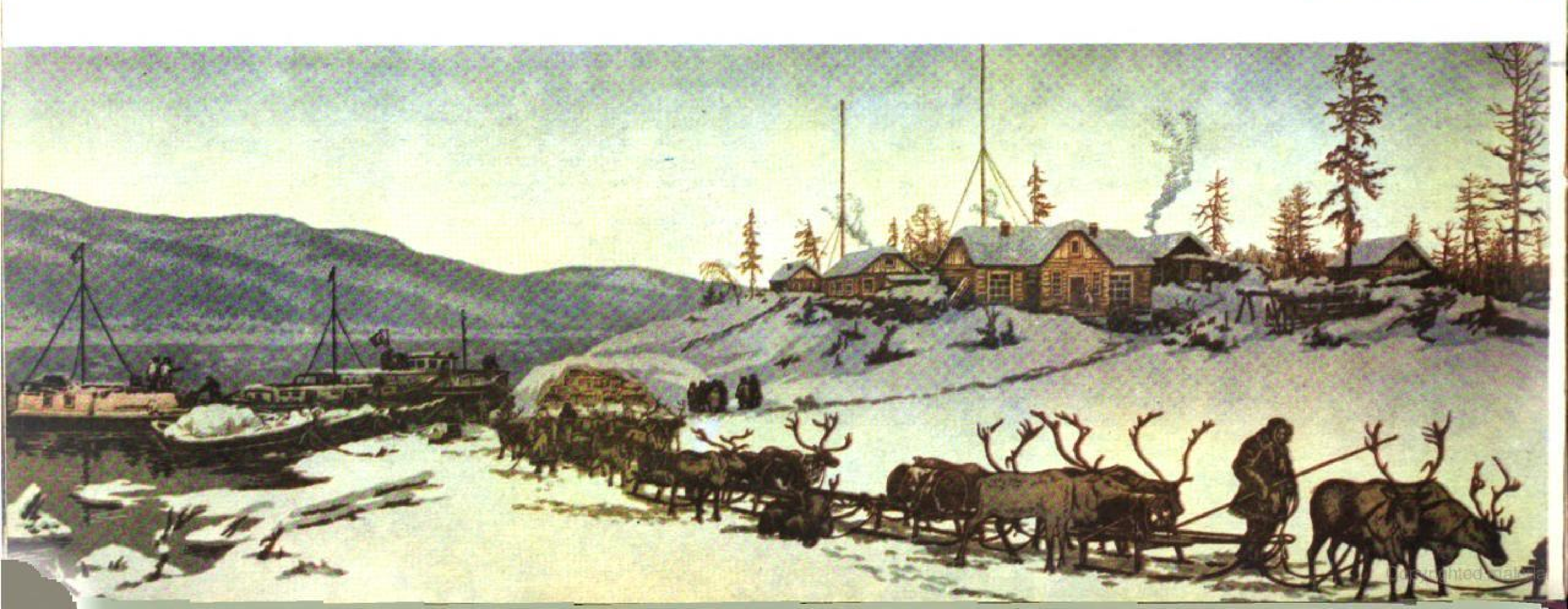
В. Мешков. РАССВЕТ НА ЕНИСЕЕ.

ДАЛЕКИЙ АЭРОПОРТ.

Гравюры на линолеуме.

ФАКТОРИЯ НА ТУНГУСКЕ.

самолет и зазимовал. Впоследствии Полина, жена его, говорила мне полушутя-полусерьезно, что ей ничего не оставалось делать, как думать, что муж забыл семью и женился на какой-нибудь миловидной эвенке. Но пришло говорящее письмо. Это старый друг художника радист-умелец Середкин, уже давно живущий в Туре, решил таким способом известить семью о «дорогой пропаже». С рентгеновской пластинки зазвучал знакомый голос мужа и отца: «Жив и здоров. Целую вас, мои дорогие. Скоро буду дома...»

В 1958 году Мешков отправился с группой писателей и журналистов на Диксон. Но он не ограничился этим скоростным рейсом на огромном красавце судне. Возвратившись с Диксона в Дудинку, художник сел на «АН-2» и полетел в глубь таймырской тундры — в Волочанку. Оттуда на моторной лодке вместе со своим спутником-саха поплыл по реке Хете на факторию Камень.

Был конец августа. В пути их неожиданно застигла «черная пурга». Лодку выбросило штормом на песчаный берег. Все время подбрасывая в костер намытый волнами плавник, пять дней просидели они без пищи, находясь между жизнью и смертью. На шестые сутки, когда немного стихла пурга, на их костер набрел оленевод-саха, искавший пропавших оленей. Он привел замерзавших путников в свой чум, накормил, а потом доставил на факторию. Художник слег. Его бил жестокий озноб. Но крепкий организм и на этот раз не подвел. Целую папку интереснейших рисунков, выполненных в карандаше, привез тогда художник домой.

В Волочанке, в школе, он встретил парнишку. Звали его Мотюмяку Турдагин. Он был нганасаном, сыном одной из самых маленьких народностей Крайнего Севера. Директор школы сказал художнику, что Мотюмяку любит рисовать. Увидев в детских работах искру таланта, Мешков пригласил мальчишку к себе в Ачинск, учил, как нужно рисовать, резать на линолеуме, а потом помог ему поступить в Красноярское художественное училище. Не один только Мотюмяку с благодарностью вспоминает о нем. Интересным, самобытным графиком обещает стать другой его ученик — эвенк Ботулу.

Художнику В. И. МЕШКОВУ, истинному мастеру северного пейзажа

Цветная линогравюра
Висит на стене моей.
Я вижу в руке каюра
Приподнятый шест — хорей.

Олени бегут торопко
По насту Виви-реки.
Вдали замерцали робко
Фактории огоньки.

Глоток торопливый чая,
Короткий ночлег в избе.
Покажется крыша раем,
Дощатым раем тебе.

И снова окрик каюра
В предутренней тишине...

Цветная линогравюра,
Ты юность вернула мне!

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Цветные линогравюры В. И. Мешкова с успехом экспонировались на многих всесоюзных выставках. В 1960 году две его работы — «В Туре» и «В горах Путорана» — были отправлены в Париж на выставку русского и советского искусства.

Последние работы В. И. Мешкова — цветные линогравюры «На берегу Карского моря», «Фактория на Тунгуске», «Рассвет на Енисее», «Северный порт», «Далекий аэропорт» — свидетельствуют о все возрастающем мастерстве художника.

...Я обрадовался, когда в вечерних сумерках увидел худощавую, стройную фигуру художника. В кепке, с походным рюкзаком за плечами, в плаще и кирзовых сапогах, он казался значительно моложе своих лет. Крепкое пожатие рук — и вот мы уже сидим в его избушке. Володя зажигает лампу, роется в рюкзаке и вдруг сообщает, что чай-то он и забыл.

— Ну, ничего. Сейчас нарву листьев смородины и такой чай заварю, какого сроду ты не пивал!

Он вышел в ночную темноту и через несколько минут вернулся с пучком смородинных листьев. Чай действительно получился на славу. Мы почти всю ночь проговорили. «Старый звенк», как он шутливо называет себя, показывал мне сотни набросков, эскизов, зарисовок, акварелей...

— Давай на боковую,— предложил наконец художник.— Завтра нам предстоит трудный день. Поедем на строительство дороги. Тебе это нужно для стихов, мне для рисунков...

Дорога в завтра...

Мотовоз немилосердно трясет и качает на стрелках. Нам повезло: он идет в Суриково. В кабине спит усталый моторист. Совсем еще юный напарник его то и дело высовывается в окошко: дорога новая, насыпь все время оседает... На стенке кабины вижу прикрепленный кнопкой портрет Василия Ивановича Сурикова.

— Это твоя работа?

— А чья же! — хитро ухмыляется Мешков.— Надо же знать строителям, чьим именем названа их станция!

Потом я видел такие же портреты Сурикова на других станциях и разъездах, в школе и даже... на паровозе. Оказывается, Мешков вырезал на линолеуме портрет великого русского художника, отпечатал более двухсот экземпляров и раздарил всем ученикам, машинистам, дежурным по станции.

Через каких-нибудь полчаса справа от линии показался поселок станции Суриково, поселок строителей новой дороги. Десятки рубленых, а большей частью щитовых домиков. Маленький клуб. Магазин. Столовая. Пекарня. Над крышами торчали телевизионные антенны — Суриково принимает телепередачи из Красноярска.

Трудно еще живется здесь: не хватает жилья, многие разместились с семьями в вагончиках, а некоторые даже и в палатках. Строительство дороги Ачинск — Абалаково было объявлено комсомольской стройкой: сюда нахлынула много молодежи.

Мы подъехали к маленькому вагончику с яркой вывеской: «Станция Суриково, ж.-д. линия Ачинск — Абалаково». Зашли в комнату дежурного по станции. Высокий, гренадерского вида человек в форме железнодорожника разносил кого-то по телефону в пух и прах. Раздались свистки мотовозов: это рабочие бригады уезжали в «голову» укладки. Было около восьми утра. Рабочий день только начинался.

«Гренадер» оторвался от телефонной трубки и на миг недовольно взглянул на нас. Мы робко представились. Нет, не зря говорят: на ловца и зверь бежит. Суровый железнодорожник оказался тем самым человеком, которого мы искали, — начальником строительно-монтажного поезда № 196 Виктором Федоровичем Чумаком, очень общительным, обаятельным человеком.

А еще через час мы уже мчались в «голову» укладки. Стук колес отнюдь не мешал нашему разговору. Дотошный Мешков засыпал начальство бесконечными вопросами. Был с нами и Алексей Михайлович Борзенков — заместитель начальника треста «Красноярсктрансстрой». Он тоже охотно рассказывал о дороге, о трудностях строительства.

— Начали мы строить ее еще в 1956 году. Средств, механизмов, ресурсов было мало. Более того, одно время хотели даже законсервировать строительство. И только в шестьдесят первом году мы по-настоящему развернулись. Сейчас на основные работы бросили всю нашу технику. А ее теперь у нас много: восемь механизированных колонн! Это значит — пятьсот автомашин, шестьдесят два экскаватора, сорок шесть бульдозеров, автогрейдеров двинулись в наступление на тайгу, на болота. Впрочем, вы сами скоро увидите...

— А трудно здесь, наверное, работать? Труднее, по-моему, чем на дороге Абакан — Тайшет,— вставил я.— Там, правда, скалы. Но метростроевцы их здорово пробивают. А тут болота, болота...

— Да, трудно. Особенно на северном участке, со стороны Абалакова. В иных местах приходится воздвигать насыпь высотой до шестнадцати метров. Пять мехколонн бросили мы туда. Но ничего... Люди идут вперед.

Дальше путь нам преградил паровоз. Он казался каким-то особенно громадным и необычным здесь, у тихого Родионова озера, в окружении кедров и лиственниц. К паровозу был прицеплен электробалластер. Он поднимал рельсы со шпалами, укладывая так называемую балластную подушку — слой щебенки. Впереди виднелась группа парней и девчат, ловко орудующих лопатами. Виктор Федорович Чумак подошел к нам.

— Одна из лучших наших бригад — путейцы. Руководит ею Владимир Романович Козык. Он приехал сюда сразу же после окончания строительства дороги Новокузнецк — Абакан. Люди борются за звание бригады коммунистического труда.

Мы подошли к ребятам во время обеденного перерыва. Со стороны леса показались девушки с ведрами и корзинами: поварихи!

Навстречу нам шел худощавый, неприметный на вид молодой человек, лет двадцати семи. Смущенно протянул руку и тихо сказал: «Козык».

Начал свою работу Владимир Козык в Ачинске, а встретились мы с ним у будущей станции Ганина гарь. Много километров позади. Пока мы разговаривали, нас окружила шумная ватага юношей и девушек — из Мордовии, с Украины, из Молдавии!.. Какие же они здоровые, жизнерадостные!

— Новые кинофильмы редко завозят. Все больше старые, рваные...

— За два года только три концерта слушали.

— Обещали открыть университет культуры. Говорят, два лектора месяц назад выехали к нам, да так и не доехали...

Справедливые жалобы! Стоило бы к ним прислушаться работникам ЦК ВЛКСМ и Красноярского крайкома комсомола.

...Мы продолжали путь. Нас обгоняли все время «МАЗы», «ЗИЛы». Одни мчались в карьер за грунтом, другие возвращались, тяжело нагруженные песком и гравием. Вскоре справа показалось несколько маленьких вагончиков — будущая станция Ганина гарь. Еще несколько километров, и... рельсы оборвались. Дальше шло одно лишь земляное полотно. Но вот и оно уперлось в болото.

Топи тут глубокие. В некоторых местах достигают девяти метров. Чтобы тракторы и экскаваторы могли продвигаться вперед, приходится делать лежневки — бревенчатые настилы. Такая лежневка сооружается и здесь, где мы стоим. И болота отступают. В холодную, черную, хлюпающую жижу летят десятки тысяч кубометров грунта. Земляное полотно все дальше и дальше уходит в тайгу, на север.

Близок день, когда откроется прямое движение рабочих поездов по маршруту Ачинск — Абалаково протяженностью 274 километра.

...Я вижу прямую линию серебристых рельсов, бегущих к Енисею. И, честное слово, дух захватывает от волнения! Ведь не только драгоценный экспортный лес — знаменитая ангарская сосна — хлынет на платформах в Ачинск, а оттуда — во все концы страны и даже за ее пределы. Нет! Дойдя до Абалакова, где будет строиться гигантская Енисейская ГЭС, дорога впоследствии пересечет Енисей, выйдет к Ангаро-Питскому железорудному бассейну, затем перепрыгнет через Ангару, дойдет до ангарского села Богучаны, а оттуда устремится к станции Решеты, где и соединится с Сибирской магистралью.

Я вижу путеводные огни будущей ГЭС. Я вижу новые заводы и комбинаты, что возникнут в глухой ангарской тайге.

Во имя этой светлой цели врубаются в бирилюсскую тайгу, взрывают сонную тишь болот, побеждают топи строители новой железной дороги Ачинск — Абалаково. И разве не сродни им кропотливый труд бирилюсского пчеловода или мастерский резец замечательного графика?

Вот она какая, тайга бирилюсская!

ЖЕРТВЫ 8 ФЕВРАЛЯ

Даниель Ферри. Ему было 15 лет.

Раймон Вентжан, рабочий типографии.

Жан-Пьер Вернар, почтовый служащий.

Ипполит Пина, каменщик.

КРОВЬ НА ПЛОЩАДИ

8 февраля 1962 года навсегда останется в памяти Франции.

В этот день на древние камни площади Бастилии, где когда-то народ Франции шел на штурм королевской тюрьмы — символа мрака и жестокости, пролилась кровь патриотов. 173 года назад парижские санкюлоты жертвовали своей жизнью во имя победы республики. Теперь восемь человек, потомки первых республиканцев, пали в борьбе за республику, чтобы отвести от своей родины угрозу фашизма. Их убили союзники ОАС — полицейские, посланные правительством Франции против мирной демонстрации.

Вот что писал об этом парижский корреспондент английской буржуазной газеты «Обсервер»: «Полицейские были вооружены длинными дубинками, они были в железных касках и жестких рукавицах. Они напали на демонстрантов, размахивая винтовками и автоматами. Я слышал, как после одного столкновения несколько полицейских насвистывали мотив песни «Алжир французский».

Сообщники оасовцев, одетые в полицейскую форму, зверски расправились с теми, кто вышел на улицу, требуя спасти Францию от коричневой чумы. Под полицейскими дубинками падали старики, женщины, дети. Полиции был отдан приказ любой ценой сломить республиканцев. Его автор — министр внутренних дел Франции Фрэ, тот самый месье Фрэ, который начинал свою карьеру под началом нынешнего идеолога ОАС Жака Сустеля и о котором этот махровый реакционер сказал однажды: «Если хотите, Фрэ — то же самое, что я». Сустель, намеченный оасовцами в министры внутренних дел своего фашистского правительства, может быть доволен: его выученик действует в лучших оасовских традициях.

Зверства властей всколыхнули Францию. На другой день после преступления на площади Бастилии весь трудовой Париж остановил работу. По всей стране прокатилась мощная волна манифестаций и митингов. И всюду плечом к плечу шли коммунисты, социалисты и радикалы, предста-

НАРОД ФРАНЦИИ

Л. АНДРЕЕВ

Тайна испанской ночи

Темной февральской ночью минувшего года в Мадриде на одной из богатых вилл встретились несколько французов. Собеседники пили виски и оживленно разговаривали. Среди присутствующих выделялся грузный мужчина с военной выправкой — бывший генерал Рауль Салан, готовившийся стать во главе фашистского заговора.

Вскоре после этой встречи на алжирских улицах стали находить листовки. Под текстом рядом со значком, похожим на паука, стояли буквы — ОАС. В листовках говорилось о том, что все национальные подпольные движения Франции единогласно решили объединить свои силы и свои действия в одном боевом движении — Секретной вооруженной организации.

Так появились на свет эти три буквы, которые расшифровываются в жизни Франции бесконечными взрывами и убийствами, угрозой фашистского путча.

Программа ОАС мало чем отличается от программ ее идейных учителей — гитлеровцев. Та же демагогия, тот же антикоммунизм. И цели те же. Франции нужна «хирургическая операция», заявляют оасовцы. Это означает, говоря другими словами, роспуск парламента, запрещение политических партий и профсоюзов, ликвидацию всех демократических и республиканских свобод, то есть установление фашистской власти. Но у ОАС есть и более близкие цели: не допустить прекращения войны в Алжире, не дать алжирскому народу обрести независимость, сохранить Алжир за кучкой монополистов и крупных землевладельцев.

Преступники

Рожденный в Мадриде «ребенок» начал делать первые шаги. Ночью 24 марта 1961 года в здании Национального собрания Франции — Бурбонском дворце — прозвучал взрыв.

Затем последовал взрыв на берегу Женевского озера в небольшом французском городке Эвиане, выбранном для франко-алжирских переговоров. Жертва взрыва — мэр города социалист Камилл Блан. Он хотел, чтобы переговоры о прекращении войны в Алжире состоялись.

Но все это было лишь прелюдией к «настоящему делу».

В ночь с 21 на 22 апреля руководимые «ультра» парашютные части Иностранного легиона вошли в город Алжир, захватили административные здания, штаб, радио, почту, телеграф. К 7 часам утра мятежники окружили Летний дворец, арестовали генерального делегата французского правительства в Алжире Морэна, министра общественных работ и транспорта Бюрона, оказавшегося в Алжире, и главнокомандующего войсками генерала Гамбье.

Так начался новый путч алжирских «ультра». Застрельщиками в нем были фашисты разных стран, одетые в форму парашютистов Иностранного легиона. Возглавили мятеж друзья Салана по колониальным авантюрам — генералы Шаль, Зелер, Жуо. Сам Салан, понятно, тоже не усидел в Испании. На следующий день «ультра» уже приветствовали своего главаря в Алжире.

ОАС решила дать народу открытый бой. Народ принял брошенный вызов, поднявшись на защиту республики. По всей Франции прокатилась мощная волна забастовок и демонстраций. Возникла широкая сеть антифашистских комитетов бдительности, в которых объединились люди различных политических убеждений. В армии солдаты выступили против мятежников. Оказавшись в изоля-

БАСТИЛИИ

вители всех профсоюзных объединений, десятков различных организаций Франции, шли все подлинные республиканцы, которым дорога свобода их родины. Эти манифестации единства состоялись, несмотря на запреты властей, несмотря на полицейские кордоны. Мощь народного гнева была так велика, что власти не осмелились запретить торжественные похороны жертв 8 февраля.

13 февраля траурная процессия прошла от Дома профсоюзов до кладбища Пер-Лашез, где падали под пулями Тьера, но не сдались славные ком. нары. Вся Франция в скорбном молчании провожала в последний путь героев площади Бастилии: замерли заводы и фабрики, остановились поезда метро и автобусы, не работали почта и телеграф...

Борьба против фашизма во Франции вступила в новый этап. Расправа над патриотами сплотила республиканцев, в ряды борцов против оасовцев влились новые силы. Единство французских демократов становится все крепче, и в этом единстве — залог победы над фашизмом.

Париж 13 февраля. Траурная процессия.

Фото Франс Пресс — ТАСС.

ПРОТИВ ФАШИЗМА

ции, «ультра» вновь ретировались. Салан вместе с приближенными бежал. Авантюра ОАС провалилась, но сама Секретная вооруженная организация осталась нетронутой.

Потерпев поражение в открытом бою, ОАС вернулась к старой тактике взрывов и убийств из-за угла.

Сообщники

Не так давно главы многих крупных предприятий в Алжире получили от ОАС требование об уплате налога, подсчитанного с безупречной точностью на основе их оборота. Предприниматели попросили приема у ответственного администратора самого высокого ранга — г-на Ватто, управляющего Алжирским банком — филиалом Французского государственного банка. Ватто их принял и сказал: «В чем дело, господа? Секретная вооруженная организация — это политическая организация французов Алжира. На что же ей, по-вашему, жить?» Вывод ясен: платить надо.

Немало сделало для поощрения ОАС и само правительство де Голля. Без попустительства властей ОАС, конечно, не смогла бы организоваться, создать сеть своих ячеек по всей стране. Правящим кругам Франции, судя по всему, нужны фашисты из ОАС. С их помощью в недавнем прошлом уже не один раз срывали франко-алжирские мирные переговоры. Цель — осуществить свой старый план расчленения Алжира.

Правящие круги Франции не прочь с помощью ОАС надеть цепи и на французский народ. Они хотят поставить его на колени, заставить жить так, как того желает верхушка финансовой олигархии. Не потому ли так снисходительно правительство к убийцам из Секретной вооруженной организации?

В сущности говоря, она не такая уж секретная. О ней многое известно. Ее можно было бы ликвидировать при желании. Однако борьба властей с ОАС носит весьма символический характер. Оасовцев стараются не трогать.

Сам Салан, глава ОАС, живет в окрестностях Алжира, проводит совещания своих единомышленников, отдает приказы о взрывах, убийствах, поджогах, принимает журналистов.

«Я хожу, куда хочу,— заявил Салан в интервью корреспондентам американской телевизионной компании «Коламбиа Бродкастинг систем».— Меня останавливали патрули, а затем отпускали, и никто не наложил на меня руку».

Ведь если Салана арестовать, то вместе с ним следовало бы посадить за решетку 80 депутатов парламента, сочувствующих ему, надо основательно перетряхнуть государственный аппарат, полицию, верхушку армии, где скрытых и явных оасовцев тоже немало.

Нет — фашизму!

Власти, «бессильные» против террористов, без колебаний мобилизуют все полицейские силы, как только на борьбу с оасовцами поднимаются демократы. Так было 19 декабря, в Национальный день борьбы против терроризма ОАС и за мир в Алжире. Так было 6 января, когда весь трудовой Париж, протестуя против обстрела здания ЦК компартии, вышел на улицу с требованием положить конец злодеяниям «ультра». Так было 8 февраля, когда на площади Бастилии полиция расправилась с антифашистами.

Никакие запреты, никакие зверства полицейских не смогут сломить волю народа Франции, бдительно стоящего на страже своих завоеваний. Трудящиеся Франции, возглавляемые компартией и другими демократическими организациями, отдают себе отчет в том, что фашистские молодчики из ОАС могут стать серьезной угрозой. Ни на минуту не затухает во Франции борьба против ОАС и ее высоких покровителей.

Бывший генерал Салан — главарь ОАС.

Для патриотов во Франции — дубинки и пули. Для фашистов — полная возможность плести сети заговоров, устраивать взрывы и убийства.

Зерно в броне

НАЧАЛО — НА 3-й СТРАНИЦЕ

сладость сна, веселье игр с братьями, сердечность отца, ласка матери,— все это зависело от того, что народится на земле.

Возможно, цепкость и практическая направленность крыловского ума развились и тогда, когда юношей после окончания Мичуринского сельхозтехникума работал он на селе агрономом или когда в войну держал трудную оборону и ходил в рисковое наступление.

После окончания Тимирязевки агроном С. В. Крылов был принят в аспирантуру. Его научный руководитель дал ему тему для кандидатской диссертации. Исследования, которые вел аспирант, обещали, наверно, поднять агронома и на докторскую степень, а возможно, и вознести в академики. И тем не менее, несмотря на все это,— прощай, слава, почет, уважение некоторых руководителей, здравствуй, неприятности, бессонные ночи, бесконечная трепка нервов — Крылов берется за решение проблемы, которая многим «здравомыслящим» ученым казалась абсурдом, бессмыслицей.

Ну, не бред ли это уверять, будто человечество испокон веков допускало грубую ошибку, сея большинство сельскохозяйственных культур только весной или осенью. А Крылов утверждает: сеять надо только в зимние месяцы, в ту пору, когда земля тверда, как камень, да еще плотно присыпана снегом.

Предвижу недоуменные вопросы. Разве можно зимой пахать? А Крылов и не говорит, что пахать надо зимой. Пахать нужно осенью. Ну, а сеялки, разве они справятся с почвой, по твердости напоминающей шоссейный асфальт? Сошники в нее просто не влезут. «А разве сеялкам на роду написано ходить с сошниками? — спрашивает Крылов.— Пусть будут другие сеялки: без сошников». «А как же вы заделаете семена в почву?» — спросим Крылова. «А как существовал мир до того, как человек придумал сеялку? — на вопрос вопросом отвечает Крылов.— Или возьмите сорняки и любые дикорастущие растения: их-то в почву никто не заделывал». «Ну, хорошо. А семена? Не померзнут ли они при зимнем севе?» Тут в виде контрвопроса Крылов снова напоминает вам о сорняках, семена которых не зимуют в амбарах и оттого, может быть, вернее, именно оттого, что они не нежатся из поколения в поколение в барски-амбарной обстановке, а годами, десятилетиями, веками получают спартанскую закалку, они, сорняки, в десять, сто, тысячу раз жизнеспособнее любого культурного растения. Забежав вперед — рассказывая о работах Крылова, просто невозможно не забегать вперед,— скажем, что ученый за время своих шестилетних опытов доказал: культурные злаки, посеянные однажды зимою, награждают следующее поколение повышенной жизнеспособностью: всхожесть за одну репродукцию повышается на десять процентов!

Но как все же произошло, что агрономом Крылов нагнулся и подобрал лежащий на поверхности клад, в то время как другие не замечали его или, не желая замечать, проходили мимо?

Занимаясь исследованиями на опытных делянках Тимирязевки, Сергей Васильевич заинтересовался сверхранними и подзимними посевами. Давно известно, что семена, брошенные в почву накануне заморозка, не успевшие наклюнуться и прорасти, как бы в спячке лежат всю зиму в грунте, получая хорошую закалку. В семенах и зимой происходят едва заметные биологические и физиологические процессы, и если эти процессы протекают при пониженных температурах, то семя, пробуждаясь, становится менее чувствительным к холоду и сырости, болезням и вредителям. Часть этих иммунных свойств приобретает и семя, высаженное в грунт в сверхранний срок, до начала обычных весенних полевых работ.

Интересно, что на Кубани прекрасно знают, сколь выгоден сверхранний посев. В Краснодарском крае случаются годы, когда вдруг среди зимы наступает такое потепление, что в пору начинать сев. Проходит несколько дней, и зима возвращается с морозами и снегом. Но если хлеборобы не растеряются и успеют уложиться с полевыми работами в этом ложно-весеннем «окне» — на Кубани этот просвет так и называют «окнами» — и семена пролежат какой-то срок в холодной земле, под снегом, то урожайность, например, пшеницы, поднимается сразу центнеров на десять с гектара.

Вся беда в том, что метеорологи не в силах точно предсказать, когда наступит «окно», наступит ли оно вообще и если наступит, то сколько времени продлится. А не дай бог обманет погода. Можно и семена потерять и труд. Оттого и «окна», и подзимние, и сверхранние посевы — слишком рисковое, неверное дело. Посеешь под мороз, а мороз не придет сразу, и семена, наклюнувшись, погибнут.

Крылов пришел к выводу: земледелец освободится от риска лишь тогда, когда будет бросать семя в мерзлую землю.

Зимний посев кажется нелепостью только потому, что к нему не привыкли. Вся проблема зимних посевов упиралась в трудности, связанные с заделкой семян в мерзлую, окаменевшую почву.

Чтобы проверить справедливость такого суждения, Сергей Васильевич Крылов в 1956 году вышел сеять на свои делянки, когда все другие агрономы московской параллели давно перебазировались с опытных участков в лаборатории. Снег с делянки соскребли лопатой. Бороздки для заделки семян прорубили топором. Когда семена были опущены в землю, их засыпали сверху мерзлой рубленой почвенной крошкой. А потом зима покрыла крыловские делянки снегом.

Коллеги считали затею Крылова чудачеством. Весной, когда снег начал таять и когда над крыловскими делянками разлилось озеро талой воды, которая, казалось, вымоет и сгноит семена, чудачество переквалифицировали на растрату сил и средств.

Сошла вода, и почвенная жижа чуть подсохла. Крылов пошел проверять семена. Они были на месте. Да он в этом и не сомневался. Просто ему было приятно посмотреть на успех дела, в которое он твердо верил.

После того как почва подсохла настолько, что можно было сеять обычным способом, или, как говорят агрономы, наступил «оптимальный» срок сева, Крылов рядом с зимним посевом провел обычный, весенний. И когда утром Крылов с лаборантами вышел на весенние делянки, на зимних сквозь почву уже прорезались первые зеленые стрелки. Зимние развивались с опережением весенних недели на две. Урожай поспел дней на десять раньше. Это тоже очень важно. Но главное — урожай-то был намного выше. Те же семена. Та же почва. Те же удобрения. А урожай процентов на 50—70 выше.

В очерках не принято приводить таблицы. Но нет слов, которые короче и убедительнее, чем таблицы, описали бы победу С. В. Крылова.

Урожайность яровой пшеницы сорта «Московка» при разных сроках посева (в пересчете на центнеры с гектара)

	Весенний	Зимний
1956 год	23,5	47,8
1957 »	26,6	43,3
1958 »	30,0	46,3
1959 »	20,0	39,3
В среднем за 4 года	25,0	44,2

Средняя прибавка урожая за 4 года — 76,8 процента!

Прошло три года. Совхоз «Кульминский», Оренбургской области, рискнул засеять, по Крылову, небольшие участки. Это было в середине января. Сеяли вручную: инженеры еще не успели создать по проекту агронома первую зимнюю сеялку. Урожай на «зимнем» поле был получен в 33,6 центнера с гектара, а рядом на «весеннем» — всего 22,2. Итак, в производственных (хотя и опытных!) условиях прибавка на каждом гектаре вышла в 11,4 центнера. К тому же, естественно, урожай поспел раньше, и убирать его приходилось не в пору «пик», не в разгар осенних работ, когда заморозки на носу.

Совхоз «Уджарский», Семипалатинской области, в 1958 году тоже решил испытать крыловский способ сева и рискнул 70 гектарами. Оправдался ли риск, можно судить по тому, что в 1959 году совхозом зимой было засеяно уже 240 гектаров, а в 1960 году под зимнюю пшеницу не пожалели и нескольких сотен гектаров.

Такие же успехи не только на пшенице, но и на бобах, горохе, ячмене, овсе, льне, сахарной свекле, кормовой свекле, горчице, гречихе, вике, капусте, моркови, люпинах, огурцах, хлопке...

— Знаете, — говорит Сергей Васильевич и откидывается на спинку кресла, и глаза его становятся острыми, словно он старается разглядеть, что будет и должно быть через сто тысяч лет,— если заняться только одним зимним хлопком, то можно получать вполне зрелые коробочки задолго до морозов и задолго до будущих морозов вытянуть из куста хлопка все, на что тот способен. А ведь он на многое способен, и многого мы не добираем. Все это можно было бы подсчитать, но некогда, некогда. Одна проблема тянет сразу десять других. Надо отобрать самую важную...

И Крылов отбирает. Оставив груду интереснейших проблем, которых хватило бы не только на одного Крылова, а на целый институт, оставив все это, ученый берется за самую важную, самую злободневную проблему — зерновую, берется за производство кукурузного зерна.

Почему кукуруза не дает спелого зерна в центральной зоне страны? Початки не успевают созреть: не хватает теплого времени, не хватает двух-трех недель. Если кукурузу можно было бы посеять не тогда, когда почва прогреется до 10—12 градусов, а недели на две, на три раньше, тогда початки дошли бы. Или создать такую кукурузу, вегетационный период которой длился бы не более двух месяцев. Над этим бьются и у нас и в Америке. А добьются ли селекционеры такого успеха? Но если и добьются, то есть такая опасность — скороспелая кукуруза не дотянет урожайностью до позднеспелой: початки будут мелкими, зерно — не лучшего качества. Вот если бы кукурузу, как рожь, пшеницу, свеклу, можно было бы сеять зимой... Нельзя! У всякого правила бывают исключения. К несчастью, исключением на этот раз стала кукуруза. Ей нужно минимум 10—12 градусов выше нуля, и не на воздухе, а в почве.

Спросите, почему? Вообще-то кукурузное зерно не боится холода, и кукуруза не так уж теплолюбива, как принято считать. Кукурузное зерно, брошенное в холодную землю, прекрасно прорастет. Оно могло бы дать более ранние всходы, чем обычно, но есть у него ахиллесова пяточка. На набухшее в холодной почве семя немедленно набрасываются плесневые грибы и гнилостные бактерии. Они сжирают питательные вещества, необходимые для только что народившегося растения, и оно гибнет. В почве же, прогретой до 10—12 градусов, плесневые грибы и гнилостные бактерии обессиливают и чахнут. Тут кукуруза защищена от своих смертельных врагов температурной броней. Если бы удалось вместо такой брони придумать какую-либо другую, то кукурузу можно было бы сеять раньше овса. Вот если бы каждое зернышко можно было защитить от его врагов искусственно сделанным щитом... Но ведь зернышек-то тысячи тонн!

И все-таки попробуем, решил Крылов и начал экспериментировать. Как пасхальные яички, красил, обмазывал он кукурузные зерна всякими красками, замазками, клеями, цементами. Скорлупки, непроницаемые для плесени и гнили, получались, но они же лишали семя дыхания, влаги. Зерно не портилось, но и не прорастало. Нужна была такая броня, которая пропускала бы тепло, в нужные моменты — влагу, воздух, но не пропускала бы плесневых грибов, гнилостных бактерий.

Нашлась такая броня. Это был парафин, который в нашей промышленности является не столько продуктом, сколько отходом про-

изводства. Нефтяники Татарии и Башкирии, например, ненавидят его лютой ненавистью. Нефть Второго Баку так пересыщена им, что на каждой скважине парафин — это враг № 1.

Крылов расплавил этот самый парафин, обмакнул в него кукурузное зернышко и высадил его в холодную, если не сказать, ледяную почву.

Так как температура почвы никогда не бывает постоянной — она меняется даже ото дня к ночи, — парафиновая броня, застывшая и затвердевшая на холоде, начинает трескаться от температурных скачков. В трещинки устремляется влага. Ей достаточно и незаметной глазу трещинки, чтобы просочиться. А плесневым грибам и гнилостным бактериям тут не разгуляться. И вот зерно начинало набухать в прочно сидящей на нем парафиновой рубашке, оно пробуждалось от спячки не при оранжерейной температуре в 10—12 градусов, а при 6—8 градусах тепла.

...Сто лет назад петербургский овощевод Грачев представил на Всемирную выставку в Париже зрелые кукурузные початки, выращенные на его огороде под Петербургом. Разумеется, в Париже Грачеву не поверили. И он за свой счет предложил послать из Парижа в Петербург арбитров. К счастью, на его огороде еще оставались несорванные початки. Это была сенсация.

Как, спросите, добился Грачев успеха? Он яровизировал кукурузные семена. Проращивая их зимой в теплом помещении, а затем закутав в мешки, он выносил их на улицу и прятал в сугробы. Петербургский овощевод закалял проросшие семена холодом. Закалял настолько, что высаживал их в открытый грунт намного раньше обычного срока, и кукуруза успевала созреть еще до морозов.

— А у нас находятся люди, — говорит Крылов, — которые уверяют, будто кукуруза — теплолюбивая культура.

Итак, парафиновая оболочка действовала и как умнейший счетно-решающий прибор. Она не стесняла движение «мускулов» семени и отзывчиво реагировала на каждое их движение. Когда природа семени хотела пробуждения, оболочка трескалась ни днем, ни часом раньше или позже, и образовывались трещинки той ширины, что пропускали строго необходимое количество влаги и не пропускали врагов. Крылов назвал парафиновый щит термическим автоматом.

Первая же кукуруза, посеянная парафинированными зернами, дала в Москве зрелые початки. И сколько потом Крылов ни проводил опытов — холодное ли было лето, теплое ли, — в початках зерно не имело влажности более 30—35 процентов. Прямо хоть на элеватор! И выглядели зерна в початке так, будто их одно к другому пригоняли молотком.

В чем же преимущества нового метода?

...Парафинируя зерна кукурузы, высевая их за две-три недели до того, как температура почвы достигнет 10—12 градусов, мы на две-три недели удлиняем вегетационный период...

...Высевая семена в холодную почву, мы подвергаем их естественной яровизации. Значит, делаем их жизнеспособнее, менее уязвимыми к возвратным холодам, без которых наша северная весна не обходится...

...Кукуруза, проросшая на две-три недели раньше обычного, развивается при более коротком дне и при более длительной ночи. А кукуруза, как южное в общем-то растение, привыкла тысячелетиями развиваться при коротком дне. Значит, ее всходы в ранней фазе развиваются теперь при более благоприятных световых условиях...

Совсем недавно Сергей Васильевич показал мне пробирки с кукурузными зернами необычного вида. Их словно вываляли в пыли. Я высыпал их на ладонь и попытался, дунув на них, очистить зерна от пыли. Сергей Васильевич улыбнулся.

— Это гексахлоран. Не сдувается и не стирается. Намертво прилип. И это очень важно!

Действительно, если вы взглянете на кукурузные непарафинированные зерна, опудренные гексахлораном, то сразу заметите: гексахлоран удерживается лишь на небольшом участке, около зародыша.

— Теперь мы действуем так, — объясняет Сергей Васильевич, — сперва протравим, потом, если надо, вводим в жидкий парафин стимуляторы роста, микроэлементы и чистые ядохимикаты без наполнителей: для них сам парафин наполнитель. А уже после парафинирования опудриваем гексахлораном. И эти три слоя химикатов делают кукурузное семя почти абсолютно неуязвимым. Даже для такого страшного вредителя, как проволочник.

Все это хорошо, скажете вы. А сколько будет стоить это парафиновое удовольствие? Гроши! На 1 гектар потребуется не более 400 граммов парафина. По подсчетам Сергея Васильевича, для всего нашего сельского хозяйства этого дешевого продукта — парафина достаточно не более 30 тысяч тонн. Единственно, что потребует некоторых затрат, и то небольших, — это сам процесс купания зерен в жидком парафине. Разумеется, процесс этот теперь уже полностью механизирован. Созданы и выпускаются необходимые машины, их способен сделать самостоятельно любой колхозный кузнец. Но если дело поставить широко, привлечь к нему калибровочные заводы, то хлеборобы будут получать парафинированные семена в тех же пакетах, как теперь обычные калиброванные гибриды.

...Так уж получается, что всякому новшеству на каком-то этапе, обычно на первом, приходится одолевать трудности: не всегда и не сразу практики встречают его с распростертыми объятиями. Но крыловская кукуруза настолько поражает своими преимуществами, что куда ни обратись агрономом со своей идеей, всюду говорят ему: добро пожаловать! Два года назад парафинированная кукуруза существовала лишь на делянках Тимирязевки. В прошлом году ею была засеяна первая сотня гектаров в колхозах и совхозах Рязанщины. В этом году под нее отводятся сотни тысяч гектаров в десятках областей. Не знаю, выпадало ли такое счастье хоть одному из крупнейших наших селекционеров, создавших новый сорт? И разве нет оснований сказать, что с крыловского початка в истории кукурузы начинается новая эра.

ПРОБЛЕМЫ ОТКРЫТИЯ ФАКТЫ

Железо без домны

Замечательный советский металлург академик И. П. Бардин часто любил говорить, что домна — это жернов, повешенный на шею металлургии в наказание за грехи в области научных исследований. Действительно, история домны уходит в глубь веков. Если мартен относительно молод — всего сто лет, то домна старше в 6—7 раз. И хотя «вековые старики» все еще дают сталь и чугун, раздается немало голосов о том, что им пора на пенсию. Причин много: домне нужен остродефицитный кокс, запасы которого ограничены, современный металлургический процесс с трудом поддается автоматизации. Но главное — наука открыла новые пути получения металла вне домны.

Вот один из них.

Представьте себе вертикальную трубу. Снизу в нее вдувают газ. Труба перегорожена специальными перегородками-диафрагмами, в которых проделаны отверстия. Проходя через эти отверстия, давление газа увеличивается, если в этот момент бросить навстречу струе газа кусочки мелкораздробленной руды. Под воздействием струи эти кусочки не упадут, а как бы повиснут в воздухе и начнут подпрыгивать. Когда глядишь на прозрачную модель, то кажется, что маленькие кусочки руды кипят. Отсюда и название — «метод кипящего слоя».

Обдувая руду, газ восстанавливает железо. Однако когда исследователи начали экспериментировать, то их ожидала неудача. Известно, что железная руда весьма прочный материал. Но при такой высокой температуре, как 900 градусов, она утрачивает свою прочность и, как тесто, начнет слипаться в большой комок, который плохо пропускает газ.

Что же делать? Ученые Центрального научно-исследовательского института черных металлов решили вместо окиси углерода применить водород. Они подняли давление, а температуру процесса снизили до 500 градусов — и руда сразу перестала слипаться. Теперь водород легко проникал в руду и превращал ее в исключительно чистое железо, которое уже сегодня находит применение в радиотехнической промышленности, станкостроении и машиностроении.

Новые опыты открывают дорогу к ниспровержению домны и дают возможность получения металла новым эффективным способом.

Инженер Л. ЛИФШИЦ

Кормовая мука из тайги

Недавно в газете «Красное знамя» Приморского края появилась крошечная заметка колхозников о том, что они применили в качестве дополнительного корма домашним птицам и животным кормовую муку из хвои.

Для переработки веток колхозники приспособили трактор «ДТ-20» с дробилкой «ДКУ-2». Послав в тайгу трех человек, колхоз заготовил достаточное количество хвойной муки прямо в тайге. Уже с первых дней добавления нового корма резко возросла яйценоскость кур... Сейчас хвойная мука введена в меню всем животным.

А что думают по этому поводу ученые?

— Хвойная мука, — говорит профессор Института витаминологии Н. С. Ярусова, — на три четверти состоит из неперевариваемых и неусваиваемых веществ типа клетчатки. Кроме того, в составе хвои содержится некоторое количество эфирных масел и смол (до 10 процентов), вызывающих раздражение слизистой оболочки желудка и кишечника. Что же тогда ценного может быть в хвое? Витамины «С» и «А». Свежая хвоя по содержанию витамина «С» приближается к ягодам смородины.

Слово берет руководитель лаборатории промышленного откорма птицы ЦНИИ птицеперерабатывающей промышленности И. А. Патрик:

— Добавление хвои в корм животных и птиц с чисто витаминным назначением широко используется во многих хозяйствах как у нас, так и за рубежом. Давно уже известно, что птицы нуждаются в витамине «А», а крупный скот сразу в обоих витаминах — «А» и «С».

О питательности хвойной муки, состоящей в основном из неусваиваемых веществ, не может быть и речи. Наоборот, при быстром откорме птиц и животных, особенно молодняка, желательно пользоваться наиболее концентрированными и усваиваемыми кормами. Так сказать, кормами с большим коэффициентом полезного действия.

И тем не менее витаминные качества хвои не позволяют пренебрегать ею. Какое же количество хвойной муки допустимо при добавке к основному корму? Для птиц — не больше 5 процентов. Для скота (коровы, свиньи, овцы) можно добавлять до 10 процентов.

В. СИБИРЦЕВ

ЕСЛИ...

...ЕСЛИ при проектировании железных дорог будут использованы счетные машины, пригодные для расчета дорог в любых условиях местности, то стоимость строительства полотна уменьшится в среднем на 10 процентов. Это при современном размахе работ даст колоссальную денежную экономию...

...ЕСЛИ всю лучистую энергию Солнца, падающую на расположенную перпендикулярно к солнечным лучам поверхность, можно было бы превратить в электрическую, то с одного гектара мы смогли бы снять энергию в 10 тысяч киловатт...

...ЕСЛИ направить в Среднюю Азию воду, полученную при осушении огромных болот Васюганья и других районов Западной Сибири, то станет возможным дополнительно оросить 10—13 миллионов гектаров засушливых земель...

Фельетон

М. СЕМЕНОВ

Двойники

Рисунок Л. Самойлова.

Троица

В нашей истории, затрагивающей довольно широкий круг лиц, речь должна идти главным образом об этих трех.

«Папаша». Столь почтенная кличка принадлежала Отару Григорьевичу Пхаладзе, заведующему лабораторией Всесоюзного научно-исследовательского института психиатрии имени проф. Ганнушкина. Путь в эту лабораторию Отара Пхаладзе был извилистым и достаточно непонятным. Родился он в Тбилиси в семье уважаемого ученого-медика профессора Г. М. Пхаладзе. Здесь, в родном городе, окончил среднюю школу, поступил в Тбилисский государственный медицинский институт. Затем оставил его якобы по болезни и диплом врача получил уже в другом месте — городе Баку, в медицинском институте.

В 1958 году О. Г. Пхаладзе появился в Москве «для окончания аспирантуры и написания кандидатской диссертации по истории медицины». Почему будущий историк счел наиболее подходящим местом для работы над задуманным исследованием лабораторию питания института психиатрии и чем руководствовалась дирекция института, поставившая вчерашнего студента во главе этой лаборатории, неизвестно. Во всяком случае, герой наш получил вполне солидные документы, московскую прописку и место в общежитии по Потешной, 3, которым, впрочем, он ни разу не воспользовался.

Предварительное это знакомство с О. Г. Пхаладзе мы хотели бы закончить одним замечанием. Сначала нам казалось, что кличка «папаша» не очень подходит к нему. По двум причинам: во-первых, он сравнительно молод, ему всего 33 года, во-вторых, никогда не сочетал себя узами брака и, следовательно, начисто лишен обязанностей родителя. Но от такого мнения нам пришлось отказаться, когда мы коснулись деятельности Отара Пхаладзе, никак не связанной с профилем института проф. Ганнушкина. Однако об этом несколько позже...

«Босс», он же «Вилли», он же Асатиани Владимир Антиозович, тоже родился в Тбилиси, тоже имеет высшее образование, тоже холост. Но на этом его сходство с «папашей» и кончается. В. А. Асатиани — лицо без определенных занятий и определенного места жительства, хотя и обитает последние годы в Москве.

«Шеф». Под этой кличкой в кругу лиц, близко его знающих, числился Олег Михайлович Саркисов. На первых двух членов троицы не похож совершенно. Он коренной москвич, женат, высшего образования не имеет, а являлся всего-навсего студентом Московского физико-технического института.

Период исканий

Из истории всех сколько-нибудь значительных открытий мы знаем, что их авторы вначале переживали определенный, иногда, впрочем, довольно мучительный период исканий.

Был он и у О. Г. Пхаладзе.

Жители Тбилиси, проходившие в весенний день 1958 года по проспекту Руставели, не могли не заметить стоявшего на углу, на оживленном перекрестке видного молодого мужчину. Могучего телосложения, щегольски одетый, он невольно привлекал к себе взгляды прохожих. Но человек этот смотрел на шумящую вокруг толпу совершенно безучастно и равнодушно. Его одолевали тяжелые думы.

Этим человеком был Отар Пхаладзе.

После короткого пребывания у родных ему предстояло возвратиться в Москву. Но он не мог, не имел права появляться в столице с пустыми руками. Нужны были деньги, чтобы расплатиться с долгами, накопившимися в процессе исследований истории медицины. А поскольку в этот процесс входили главным образом всесторонние исследования ресторанных меню, подробное знакомство с ходом хоккейно-футбольного чемпионата и зимне-весеннего дерби, загородные прогулки на такси, то Отар Пхаладзе даже толком не знал, сколько же он должен. Вероятно, очень много. Между тем его собственные денежные ресурсы иссякли, а родительская щедрость и их кошелек имеют, как он выяснил вчера вечером, совершенно точно обозначенные пределы. Где же достать денег?

И тут рассеянный взгляд нашего героя упал на вывеску, прикрепленную к дому на противоположной стороне улицы. «Институт...» — прочитал О. Пхаладзе и ударил себя по лбу.

— Какой я ишак, какой ишак! Вот же они, живые деньги, только бери, не ленись!

И когда к нему подошла его знакомая М. Д. Вартанова-Чихладзе, он был уже весь воплощенная энергия.

— Слушай, ты ведь готовишь будущих студентов по русскому языку? — деловым тоном обратился к ней Пхаладзе.

— Да, Отар.

— Можешь ли ты подобрать мне несколько родителей, которые хотят устроить учиться в Москве своих детей и нуждаются в посторонней помощи?

— Могу, Отар.

— Даю тебе три дня сроку.

И вот на четвертый день повеселевший О. Г. Пхаладзе покидал родной город, увозя в портфеле необходимые при вступлении в вуз документы десятиклассников Сергея Цатурова и Гурама Деканосидзе.

Справедливости ради надо отметить, что в тот момент у Пхаладзе не было конкретного плана действий, который обеспечил бы его клиентам возможность получения высшего образования. Но определенные мысли на этот счет у О. Г. Пхаладзе все же имелись.

Мысли эти были такого рода.

Пхаладзе великолепно знал, как велика у нашей молодежи тяга к высшему образованию. Знал он и о существующих у нас справедливейших и поистине демократических правилах приема в высшие учебные заведения. Ему самому приходилось не раз видеть юношей и девушек, соревнующихся перед лицом экзаменационной комиссии за право стать студентами. Это всегда открытые соревнования.

Но он знал и другое. Есть нищие духом и обделенные умом недоросли, которые страшатся этого честного соревнования. Есть люди, которые считают, что они могут приобрести для своих недалеких сынков и дочек диплом инженера или врача с той же легкостью, с какой приобретают им ботинки, туфли, костюмы, платья и белье.

В расчете именно на этих людей и строил неудавшийся историк медицины планы будущего материального благосостояния.

Не будем утомлять читателя излишними подробностями. В этот период исканий у О. Г. Пхаладзе было больше удач, чем неудач. В Москве он установил связь с неким кандидатом медицинских наук, доцентом, который, впрочем, мог выдавать себя и за наследного принца английского двора и за пришельца с планеты Марс. Такая уж разносторонняя натура! С помощью этого доцента Пхаладзе удалось кого-то из своих питомцев устроить, а кого-то пришлось срочно выдворять из Москвы без студенческих билетов и зачетных книжек. Это была кустарная работа. В конце концов Пхаладзе прервал отношения с доцентом, оставив в его карманах 92 тысячи рублей (здесь и дальше — в старых деньгах) — часть тех сумм, которые он получил сам от родителей нескольких абитуриентов.

Чувство неудовлетворения владело Отаром Пхаладзе вплоть до того момента, когда студент Московского физико-технического института О. М. Саркисов написал письменные работы по русскому языку, математике и физике за А. Б. Квиникадзе, поступающего в Московский технологический институт мясо-молочной промышленности.

В этом частном факте О. Г. Пхаладзе увидел ключ к решению поставленной перед собой задачи. С этого момента дело было переведено на строгоорганизованные и, можно сказать, научные рельсы.

Негласный главк

Да, Отар Пхаладзе понял: с кустарщиной пора кончать, нужна четкая, построенная по хорошо продуманной схеме организация. И он создал ее. Создал нечто вроде негласного главка высшего образования.

Роли распределились так.

Начальник — он, Отар Пхаладзе, «папаша», теперь носящий эту почетную кличку с полным основанием, поскольку на его руках целая плеяда желторотых птенцов, желающих иметь в клювах студенческие билеты.

Первая рука — Владимир Асатиани, «босс», человек для особо важных поручений, главной обязанностью которого являлась вербовка клиентуры.

Второй зам — Олег Саркисов, «шеф» по набору рабочей силы.

«Босс» ездил по градам и весям, собирал документы абитуриентов.

«Шеф» совместно с «папашей» подыскивал для каждого из них двойников — студентов московских вузов, которые должны были писать за недорослей сочинения, тянуть экзаменационные билеты, отвечать на дополнительные вопросы экзаменаторов.

Затем следовала чисто техническая работа: на паспортах абитуриентов заменялись фотографии, а их двойники несли документы в приемные комиссии соответствующих институтов. Как правило, экзамены проходили блестяще. Был лишь один случай, когда лжеабитуриент провалился и не набрал нужного количества баллов. За это его лишили обещанного вознаграждения и дали хорошую взбучку.

Когда на доске объявлений появлялся список принятых в институт лиц, следовала другая техническая операция. Фальшивые фотографии изымались, а на экзаменационный билет, зачетную книжку и студенческий билет наклеивались настоящие. В таком виде эти документы и вручались клиенту. Не трудясь, не испытывая и тысячной доли волнений человека, вступающего в вуз, они входили в храм науки с гордо поднятой головой...

Как догадывается читатель, эта вторая операция с документами, находившимися уже в институтских канцеляриях, была сопряжена с известными трудностями. Но они легко устранялись взятками соответствующим должностным лицам. Такими оказались заместитель декана Московского полиграфического института И. П. Басенко, сотрудник 2-го Московского медицинского института В. М. Генералов, бывший технический секретарь приемной комиссии Московского полиграфического института С. С. Михалева и другие.

Дела шли гладко и приобретали все больший размах.

Когда летом 1960 года на руках «папаши» оказалось слишком много питомцев, он решил часть их отослать в Ленинград.

В Северную Пальмиру был немедленно направлен квартирьер. Он снял несколько частных комнат. Затем «Красной стрелой» были посланы из Москвы абитуриенты и их двойники. За ними самолетом проследовал и сам «папаша». Действуя испытанным способом, он блестяще провел и эту операцию, устроив всех своих подопечных в Ленинградский педиатрический и Ленинградский санитарно-гигиенический институты.

Крах системы

«Папаша» торжествовал: наконец-то он оседлал фортуну! Ему казалось, что благополучию фирмы не будет конца. Он швыряет деньги направо и налево, закатывает кутежи в «Арагви», заводит «персональную» машину с «персональным» шофером. Отправляется на отдых в Карловы Вары, где для пущей важности выдает себя за кинорежиссера. Всюду, где он появляется, его окружают почетом и уважением: «папаша»!

Но система уже дала трещину. И «папаша» пока этого не подозревает.

Великовозрастный болван, некий Ленго Гегешидзе, вместе с другими студентами Ленинградского педиатрического института оказался в совхозе на уборке урожая. Вел себя как последний босяк: пьянствовал, хулиганил, отлынивал от работы. И его отчислили из института.

Тревожная весть об этом достигла негласного «главка». Опасаясь новых провалов, «папаша» отдал категорический приказ: всем липовым студентам перестать посещать занятия. Но было уже поздно. Нашелся один ослушник, который после некоторого раздумья заявился в институт. Его заставили написать объяснение: почему он отсутствовал на занятиях несколько дней. Посмотрели его личное дело. И увидели липу: подложную фотографию. Припертый к стене, ослушник признался, что он, так же, как и Гегешидзе, попал в институт с помощью подставных лиц, хотя и не назвал их.

Паника имеет свойство распространяться быстро. В воздухе запахло гарью, и персонал «главка» стал разбегаться. Люди, на которых опирался «папаша», покидали столицу, не дожидаясь получения выходного пособия.

До создания ликвидкома дело не дошло. Его обязанности взяли на себя следственные органы.

Несколько вопросительных знаков

Как не хотелось заканчивать наше повествование вопросительными знаками! А все-таки придется.

Итак, подведем некоторые итоги. За три года негласный главк сделал студентами 36 абитуриентов. Сделал с помощью молотка, правда, не обычного, а золотого. Действуя по старой поговорке: золотой молоток и железные двери отворяет, негласный главк отворил двери нескольких высших учебных заведений Москвы и Ленинграда.

А в том, что молоток был золотым, сомнений быть не может. О. Г. Пхаладзе получил от родственников недоучек 395 тысяч рублей. Из этой суммы, как мы уже указывали, 92 тысячи получил некий кандидат медицинских наук, около 20 тысяч было потрачено на подкуп должностных лиц, примерно 80 тысяч рублей пошли на долю «босса», «шефа» и его команды двойников, остальное осело в карманах самого «папаши».

Из итогов этого грязного и беспримерного дела вытекает несколько вопросов.

Первый вопрос к Министерству высшего образования и уважаемым руководителям названных нами высших учебных заведений. Надолго ли решили они сохранить такие порядки, при которых личные дела абитуриентов можно свободно выносить из институтских канцелярий и вообще производить над ними любые манипуляции? До каких пор приемные комиссии будут продолжать формироваться по порочному принципу включения в них тех сотрудников учебного заведения, которые не сумели достать путевок на лето и остались в Москве, благодаря чему в комиссии попадают случайные, а порой и нечестные люди? Как могло случиться, что подопечные «папаши» в течение длительного времени числились студентами, хотя в большинстве своем они были полными невеждами, не обладающими элементарными знаниями? Где была добросовестность преподавателей, деканов? Ведь именно один из таких невежд, питомец 2-го Медицинского института, написал на имя декана несколько заявлений, в которых не было ни одной грамотной фразы. Одно из заявлений выглядело так: «Прашу перевести меня с восьмой группы на третью, патаму я изучал в школе аглицкий язык». И на этом заявлении декан начертал: «Просьбу удовлетворить». Разве этот факт не должен был насторожить руководителей института? Правда, в других высших учебных заведениях эта история не повторилась. Из 36 подопечных Пхаладзе к моменту разоблачения продолжали учиться только пятеро, а остальные были исключены за безграмотность, нарушения дисциплины и прочее.

Второй вопрос к руководству института имени проф. Ганнушкина. Оно дало положительный отзыв о работе и облике О. Г. Пхаладзе. Но неужели по меньшей мере странный образ жизни и странная деятельность этого субъекта ничего не подсказали руководителям института?

Третий вопрос к органам, наблюдающим за порядком в нашей столице. Человек прописан в общежитии, но не живет там. Человек то и дело меняет места своего обитания. То он живет у Е. М. Садовской, то у Е. К. Хоменчук, то у В. П. Путинцевой.

Да, вопросов может возникнуть много.

Но все они в конце концов сводятся к одному. Как сделать так, чтобы любые наши двери не поддавались молотку, который держат нечестные, грязные руки?

Даже если это не обычный молоток, а золотой.

СТОКГОЛЬМСКИЕ СЮРПРИЗЫ

Сало ФЛОР, международный гроссмейстер

ихаил Ботвинник в хорошем настроении. Пока сильнейшие шахматисты готовят на него новое «покушение» в 1963 году, он совершил триумфальную поездку за рубеж и добился победы на двух турнирах — в Англии и Швеции.

На дальних подступах к матчу 1963 года, в зональных турнирах, пострадали многие сильные гроссмейстеры. Для советских шахматистов особенно обидно, что такие выдающиеся гроссмейстеры, как В. Смыслов и Б. Спасский, на три года выпали из конкурса борьбы за первенство мира.

В далеком Кюрасао уже готовятся к турниру претендентов, который начнется там 1 мая. Организаторы могут и сейчас вписать в турнирную таблицу две фамилии — Михаила Таля и Пауля Кереса. Эти два советских гроссмейстера имеют персональное право участвовать в турнире претендентов. Но кто же займет места в этой таблице рядом с ними? На этот вопрос даст ответ межзональный турнир в Стокгольме.

Некоторые шахматисты считают, что это турнир «имени Ульмана». Ни министры, ни голландский парламент не смогли обеспечить дрезденскому гроссмейстеру голландскую визу, и поэтому в конце концов голландская шахматная федерация отказалась от проведения этого турнира. Резиденция ФИДЕ — Стокгольм — спасла положение. Очевидно, Ульману мало той шумихи, которая поднялась вокруг него, и он снова заставил говорить о себе, отлично взяв старт в турнире. После девяти туров Ульман набрал 7 очков и стал одним из лидеров.

На торжественном открытии межзонального турнира Ботвинник внимательно присматривался ко всем участникам, словно пытался заранее определить: с кем же ему предстоит сражаться в 1963 году? В шведской печати появилось много прогнозов. Понятно, что корреспонденты пытались заручиться мнением Ботвинника, полагая, что чемпион мира обязан точно знать, кто же попадет в шестерку. Но Михаил Ботвинник не облегчил их сложной задачи. В самом деле, три из четырех советских шахматистов должны попасть в заветную шестерку? Да, конечно, должны! Бобби Фишер должен попасть? Да, конечно, что за вопрос! С. Глигорич имеет на это шансы? Бесспорно. Но тогда получается, что для остальных 17 участников остается всего одно место. Немного тесновато! А ведь среди этих семнадцати такие шахматисты, как М. Филип и Ю. Болбочан, занимающие места в группе лидеров.

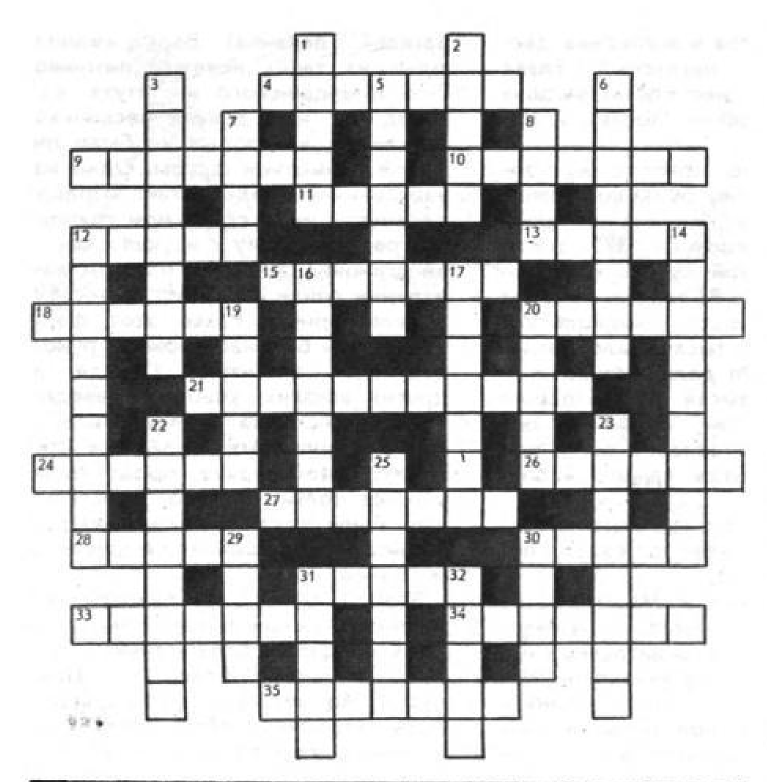
Вообще, никто из участников не намерен считаться ни с титулами, ни с другими формальностями. Достаточно напомнить сюрприз никому не известного шахматиста из Колумбии Куэллара. До турнира многие участники искажали его труднопроизносимую фамилию, но теперь, по крайней мере, Е. Геллер и В. Корчной точно знают, как она произносится.

Сильное впечатление производит игра молодого чемпиона США Бобби Фишера. Он стал заметно солиднее в своем поведении, сменил ковбойскую рубашку на европейский костюм и, что главное, стал играть спокойнее. Здорово он победил венгерского гроссмейстера Л. Портиша!

Друзья, берегитесь Фишера! Он заявил, что в 1963 году собирается писать книгу о своей победе в матче на первенство мира! А пока с большим интересом ожидается «матч» Фишера с нашим квартетом в Стокгольме. На каждом шагу в иностранных журналах напоминается результат (3,5 : 0,5) Фишера с советскими гроссмейстерами на турнире в Бледе в 1961 году. Будем надеяться, что наши гроссмейстеры постараются в Стокгольме стереть это черное пятнышко. От того, удастся ли им взять реванш у Фишера, пожалуй, и будет зависеть исход турнира.

Почему наши так невзрачно начали свой путь в Стокгольме? Этот вопрос сейчас задают многие. Отчасти это вина Куэллара, в большой части — жеребьевки. Поскольку наши гроссмейстеры в первых турах играли между собой, то практически невозможно, чтобы они все стояли очень высоко. Но наши любители правы в том, что советским шахматистам надо увеличить темп.

Не следует забывать и то обстоятельство, что этот турнир является отборочным и каждый участник проявляет определенную осторожность: ему ведь не обязательно занять первое место, оказаться шестым — тоже победа. Мы верим в силу наших шахматистов и в то, что трое наших представителей получат в Стокгольме путевку в Кюрасао.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Город Индии, столица Гоа. 9. Часть слова. 10. Южное созвездие. 11. Столб для расклейки афиш. 12 Перерыв. 13. Группа пород лошадей. 15. Небольшая статья. 18. Судно. 20. Музыкальный жанр. 21. Советская писательница, автор романа «Похищение огня». 24. Форма коллективного труда. 26. Хищная птица. 27. Произведение живописи. 28. Героиня сказки английского писателя Л. Кэролла. 30. Немецкий композитор XIX века. 31. Медицинский инструмент. 33. Форма для отливки типографского набора. 34. Озеро в Швеции. 35. Жилое помещение.

По вертикали:

1. Огородное растение. 2. Перевал через Балканы в Болгарии. 3. Гриб. 5. Вязаная кофта. 6. Плотная ткань. 7. Химический элемент. 8. Декоративный рисунок. 12. Квитанция на место к проездному билету. 14. Тригонометрическая функция. 16. Часть радиоустановки. 17. Автомобильный сигнал. 19. Повесть А. П. Чехова. 20. Лопатка с короткой ручкой. 22. Пластинка для игры на струнном инструменте. 23. Единица измерения частоты колебаний. 25. Специалист по вождению морских и воздушных кораблей. 29. Часть света. 30. Палка для игры в городки. 31. Обожженная огнеупорная глина. 32. Басня И. А. Крылова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

5. Проректор. 6. Дельфин. 7. Сатирик. 9. Головоломка. 14. Колибри. 17. «Исламей». 18. Карагач. 19. Монако. 20. Росток. 21. Лиман. 22. Жилет. 23. «Зыковы». 26. Иридий. 28. Суховей. 29. Блюминг. 30. Феномен. 33. Контрапункт. 36. Антракт. 37. Перкаль. 38. Педиатрия.

По вертикали:

1. Трюфель. 2. Тренев. 3. Окисел. 4. Почтамт. 6. Дрезина. 8. Кузбасс. 9. Горнолыжник. 10. Отвал. 11. Ассортимент. 12. Коромысло. 13. Велосипед. 15. Дарасун. 16. Бахирев. 24. Отметка. 25. Мойва. 27. Иноходь. 31. Антарес. 32. «Энергия». 34. Ратмир. 35. Пюпитр.

На первой странице обложки: Острый момент.

Фото М. Боташева.

На последней странице обложки: Выступление государственного ансамбля «Балет на льду». Испанский танец.

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

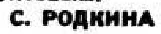
А 00425. Подписано к печати 15/II 1962 г.
Формат бум. 70×108[1]/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 188. Заказ № 1062.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПИСЬМО ОТ ДРУГА

Я получила письмо из ГДР от своего друга Герда. Он наклеил на конверт две новые марки, выпущенные в его стране в честь посещения ее Германом Титовым.

С. РОДКИНА

КОМПАС-МАЛЮТКА

Этот крошечный компас, размером меньше копеечной монеты, отличается изящной отделкой и большой точностью. Принадлежал он Максиму Горькому, который подарил его Новикову-Прибою. Сейчас компас хранится в Тамбовском литературном музее.

В. ЗЕМСКОВ

РАСПИСНЫЕ ЯБЛОКИ

В ящике с яблоками, прибывшими из далекой Кореи, был обнаружен плод с надписью на корейском языке: «С Новым годом!». Эти надписи делают садоводы Кореи тушью, когда яблоки еще зелены. Потом плоды желтеют, а места, покрытые тушью, остаются зелеными.

На снимке вы видите это яблоко.

В. КИМ,
Я. РОМАНЦОВ

Магадан.

После выступления «Огонька»

«Хапуга хочет быть чистеньким»

О ловко маскировавшемся «обыкновенном взяточнике» С. Е. Коновалове «Огонек» рассказал в фельетоне Е. Велтистова «Хапуга хочет быть чистеньким», опубликованном в № 41 за 1960 год. С. Е. Коновалов, работая директором Советского райпищеторга Москвы, в 1957 — 1959 годы систематически брал взятки с подчиненных ему директоров магазинов. Общая сумма взяток составила 20 тысяч рублей (в старых деньгах). Кроме того, Коновалов украл у государства тес и толь на строительство дачи.

Хапуга Коновалов и его сообщники наказаны Московским городским судом. Однако почему прошло такое длительное время до свершения правосудия? Жулики применили испытанный прием: сговорившись, они отказались от своих показаний. Не отступил от своих слов лишь один из директоров, за что его и травили друзья и родственники Коновалова, они звонили на работу к честному человеку, клеветали. А взяточник Коновалов, устроившись на работу в Центральное бюро технической информации Комитета по делам изобретений и открытий Совета Министров СССР, писал клеветнические заявления на работников прокуратуры, требовал восстановления в партии.

Московский городской суд согласился с прокурором Н. И. Печерской; как ни вывертывались взяточники, виновность их доказана. С. Е. Коновалов приговорен к восьми годам лишения свободы с конфискацией всего имущества. Осуждены также его сообщники, бывшие директора магазинов Г. И. Салоп и К. А. Гринцевич.

В № 9 журнала начинаем печатать первую книгу романа Анатолия Калинина «ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА»

ВСТРЕЧА НА ЛЫЖНЕ

В подмосковном лесу соревновались лыжники общества «Локомотив». Сделав поворот, лыжники увидели лосей. Два из них собирали корм, а самый крупный пробил копытом лед и, опустившись на колени, стал утолять жажду. Он не обращал на гонщиков внимания, пока не напился.

П. СИРОТКИН

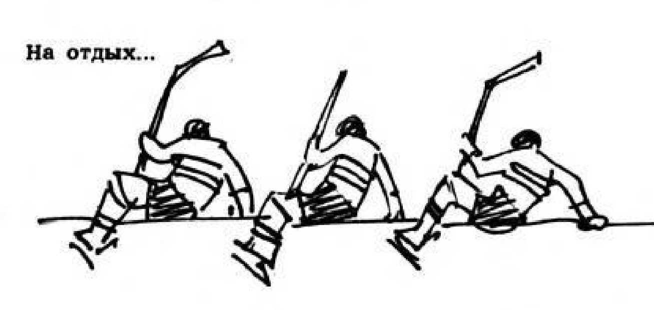
В ЦЕНТРЕ — ШАЙБА

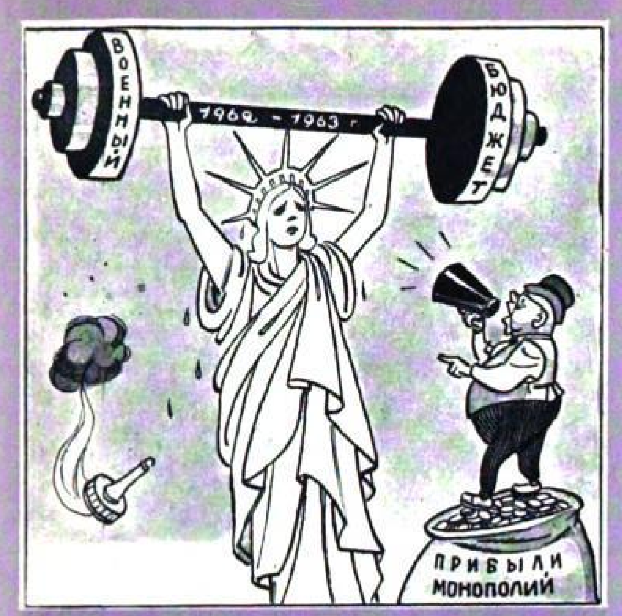
Зарисовки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Часовым ты поставлен у ворот!

На отдых...

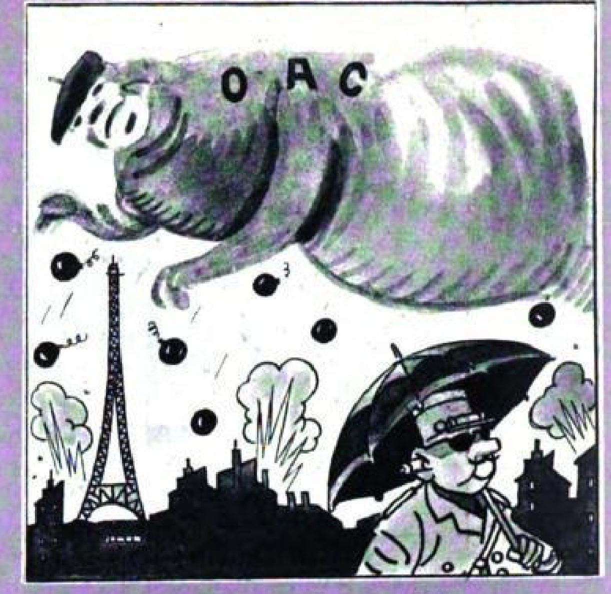

Удастся ли выжать рекордный вес!

Генштаб общего командования Дании—ФРГ, или дружба до гроба.

Туча над Францией.

Изокомментарии на международные темы

Чомбе:— Они всегда поддерживают меня, ведь это мои постоянные покупатели.

Рисунки Ю. ГАНФА.

Президентские «перевороты» в Доминиканской Республике.

Шалун

В одном из геологических походов в Заполярье я поймал горностая. Ребята назвали его Шалун. Жил он в нашей палатке, спал в сапоге, любил лакомиться рыбой. Шалун привык ко мне и путешествовал, сидя в моей полевой сумке или кармане. Он даже перестал кусать меня. Я решил привезти зверька в Москву. Но, проснувшись однажды утром, увидел приоткрытую дверь. Сапог мой оказался пустым.

И. ГЕНИК,
студент геологического
факультета МГУ

Чтобы не мешать игрокам.

Бой за шайбу.

— Сколько дров наломали!

Всюду хоккей.

Цена номера 30 коп.